

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи
Чэн Цзяци

Чэн Цзяци

**Деревня в произведениях российских писателей XX в.:
лингвокультурологическое описание**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Боженкова Наталья Александровна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4-11
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА ‘Деревня’	12-40
1.1. Категориальные признаки концепта	12-18
1.2. Понятие лингвокультурного концепта и языковой картины мира	18-24
1.3. Структурно-семасиологическая организация концепта ‘Деревня’ в лингвокультурологическом измерении	25-38
Выводы по главе 1	38-40
ГЛАВА 2. СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘Деревня’ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	41-102
2.1. Этимолого-деривационный анализ лексем, эксплицирующих концепт ‘Деревня’	41-57
2.2. Семантико-дефиниционный анализ лексем, эксплицирующих концепт ‘Деревня’	57-71
2.3. Морфолого-синтаксический анализ лексем, эксплицирующих концепт ‘Деревня’	71-76
2.4. Анализ ассоциативного поля лексем, эксплицирующих концепт ‘Деревня’	76-99
Выводы по главе 2	99-102
ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА ‘Деревня’ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА	103-103
3.1. Конститутивные признаки деревенской прозы	103-108
3.2. Компаративная характеристика идиоэкспликации концепта ‘Деревня’ в произведениях писателей XX века	108-152
3.3. Лингвокультурные особенности реализации структурных составляющих концепта ‘Деревня’	152-185
Выводы по главе 3	185-187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188-193

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	194-219
1. Научная и учебно-методическая литература.....	194-213
2. Словари и энциклопедические источники.....	213-220
Приложение А (обязательное). Основные источники исследования.....	221-221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и степень научной разработанности темы исследования

Язык, как известно, является одной из сложнейших символических систем: с одной стороны, он формируется в процессе общения между людьми, с другой – отражает идиоэтнические особенности его носителей. В этой связи фокус лингвистических исследований последних лет направлен на углубление теории лингвокультурологических концептов и языковой картины мира в целом, что неудивительно: язык интересует учёных не как закрытая статичная система, а как средство, фиксирующее окружающую человека реальность, и одновременно как ключ к исследованию когнитивных процессов, лежащих в основе постоянно развивающейся познавательной деятельности человека [Берестнев 2002; Урысон 2003; Кубрякова 2004; Попова, Стернин 2007; Болдырев 2010 и др.]. Соответственно, изучение знаковых единиц с позиций лингвокультурологии позволяет лучше понять культурные различия разных этнических групп в мире и их ценности.

Концепт ‘Деревня’ (далее – КД) имеет особое значение для российской культуры, поскольку деревня длительное время не только являлась неким социальным конструктом, объединяющим русских людей, но и формировала морально-нравственные законы общества. В этой связи многие учёные анализировали КД с разных научных позиций: так, Л.А. Литвинова рассматривала номинативное поле КД [Литвинова 2012]; Т.А. Бурмистрова анализировала антонимы *город* и *деревня* в лексикографическом аспекте [Бурмистрова 2017], на основании чего предложила сопоставительное описание ключевых лексем-репрезентантов концептов ‘Город’ и ‘Деревня’ (по данным толковых словарей русского и китайского языков) [Бурмистрова 2020]; Е.А. Перова изучала понятие ‘деревня’ с позиций вербально-когнитивных особенностей объективации в газетном дискурсе 1950–1960-х гг. [Перова 2018]; Е.Н. Арсеньева изучала специфичность реализации КД в чувашском языке [Арсеньева 2017]; Ю.В. Щурина и М.В. Вырупаева анализировали бинарную оппозицию концептов ‘деревня –

город' в языковом пространстве региона [Щурина, Вырупаева 2021] и т.д.

Однако наиболее важным для научного описания КД, бесспорно, является XX век, который стал особым этапом развития России. В это время Россия пережила революцию и реформы, а социальный фон претерпел огромные изменения, что, конечно, нашло отражение в художественной литературе: «Художественная литература всегда была областью знаний, представляющей особый интерес для учёных различных дисциплин, являясь отражением не только культурных, индивидуально-авторских, но и исторических особенностей» [Катермина, Балаева, 2023, с. 18]. Неслучайно *деревенская проза* – проза второй половины XX века, в которой изображалась жизнь современной деревни, выделилась в отдельное литературное направление, а идиостиль писателей и специфика репрезентации ключевых концептов их произведений интересует лингвистов до сегодняшнего дня.

Так, И.А. Бунин был первым российским писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе. Его романы, которые вышли в начале XX века, отражали размышления писателя о судьбе деревни, поскольку он считал, что вся Россия – это сельская местность. В.Г. Распутин был главным представителем русской деревенской прозы в XX веке: он провёл всю свою жизнь в деревне и питал глубокую привязанность к сибирской сельской местности. Литературные произведения В.Г. Распутина 1960-х и 1970-х годов в основном были посвящены сельской тематике, ярко воссоздавали сцены жизни сибирской деревни в России, и именно эти произведения утвердили его статус на русской литературной сцене. В.М. Шукшина в кругу советской критики часто называли «деревенским писателем», поскольку большинство его рассказов посвящено деревенскому быту, хотя в целом все его творчество имело чрезвычайно глубокий социальный подтекст. В.В. Овечкин был корреспондентом и много ездил по советским деревням, описывая ценностные компоненты сельской жизни. В.И. Белов – советский и российский писатель, один из наиболее известных представителей деревенской прозы: писатель родился и вырос в вологодской деревне Тимониха, и именно она стала источником вдохновения и прообразом

других деревень во многих его произведениях. Представляется, что комплексное описание особенностей вербальной объективации КД в произведениях столь значимых для российской лингвокультуры художников позволит детальнее понять аксиологический потенциал КД и влияние понятия ‘деревня’ на ментальность русского человека.

Таким образом, **актуальность** данного исследования определяется, с одной стороны, его принадлежностью к перспективным направлениям современной лингвистики – лингвокультурологии, лингвоконцептологии и лингвоаксиологии, с другой стороны – тем, что КД, будучи одним из базисных конституентов русской языковой картины мира, позволяет выявить и описать глубинные взаимосвязи между российскими национальными культурными ценностями и вербальными способами их концептуализации.

Цель исследования – выявить, охарактеризовать и таксономизировать языковые способы экспликации КД в российской литературе XX века с учётом особенностей процесса его лингвокультурной трансформации.

Цель исследования обусловила необходимость постановки и решения следующих **задач**:

- определить методологический аппарат исследования с учётом различных научных взглядов;
- выявить и охарактеризовать структурно-семасиологическую организацию КД;
- установить и описать способы типовой вербальной экземплификации ядерной и периферийной зон КД в словарном составе русского языка;
- экспериментально определить содержательное наполнение КД в актуальном русском языковом сознании;
- охарактеризовать особенности российской деревенской прозы как особого направления литературного процесса XX века;
- осуществить комплексный функционально-семантический и лингвокультурологический анализ способов вербализации КД с учётом идиостиля писателей;

- охарактеризовать и таксономизировать систему языковых средств, репрезентирующих КД в произведениях российских писателей-деревенщиков;
- выявить оценочные и аксиологические компоненты, содержащиеся в лексических единицах, эксплицирующих КД в деревенской прозе XX века;
- установить и описать динамику изменений структурно-семасиологической организации КД на протяжении XX века.

Объектом исследования является система языковых единиц, объективирующих структурно-семантические компоненты КД в словарном составе русского языка и произведениях российских писателей-деревенщиков.

Предметом исследования является лингвокультурная специфика верbalной репрезентации КД в деревенской прозе XX века в контексте его социально-аксиологической трансформации.

Теоретической и методологической основой исследования послужили следующие работы:

- исследования в области языковой картины мира (Н.Д. Арутюнова, А.А. Зализняк, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, Ю.М. Лотман, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Н.Ю. Шведова, А.Д. Шмелёв и др.);
- исследования в области лингвоконцептологии и лингвокультурологии (Н.Ф. Алифиренко, Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачёв, В.В. Воробьёв, В.Н. Денисенко, В.И. Карасик, В.В. Катермина, В.В. Колесов, Д.С. Лихачёв, В.А. Маслова, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышикин, И.А. Стернин, Л.Н. Чурилина и др.);
- исследования по лингвокультурологическому анализу художественных текстов (Л.Г. Васильев, В.В. Виноградов, М.М. Голубков, Н.В. Ковтун, В.П. Руднёв, Т.И. Подкорытова, А.В. Подворная, А.Н. Разувалова, Е.Б. Скороспелова и др.).

Для решения поставленных задач в работе применялись следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки, описательный метод, метод

концептуального анализа, метод контекстуального анализа, метод лингвистического эксперимента, метод лингвокультурологических истолкований. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов исследования применялись метод классификации, метод квалификативного анализа, статистические методы подсчёта данных.

Материалом исследования послужили данные различных типов словарей русского языка (толковых, энциклопедических, этимологических, словообразовательных, семантических, синонимических, антонимических, фразеологических, ассоциативных и др., общее число – более 70 лексикографических источников) и произведения русских / российских писателей, фиксирующие динамику изменения смыслового пространства КД в хронологической последовательности – рассказ И.А. Бунина (Начало XX века: «Антоновские яблоки»); рассказ В.В. Овечкина (1950-е гг.: «Упрямый хутор»); рассказ В.М. Шукшина (1960-е гг.: «Сельские жители»); повесть В.Г. Распутина (1970-е гг.: «Прощание с Матёй») и рассказ В.И. Белова (1990-е гг.: «Лейкоз»). Авторы выбранных нами произведений являются также представителями разных региональных направлений прозы о деревни: И.А. Бунин – центральная Россия, В.В. Овечкин – южное направление, В.М. Шукшин – сибирское направление (или алтайское), В.Г. Распутин – сибирское направление, В.И. Белов – северное направление.

В основу выполненного исследования положена следующая **гипотеза**: *Деревня*, будучи важнейшим элементом социально-культурной устроенности российского общества, представлена в русском языковом сознании особой ментальной категорией – КД, который проявляется как сложная, многоуровневая, динамичная система, интегрирующая историческую память, национальные ценности и индивидуальное мировосприятие, и объективируется совокупностью различных лексических единиц, поэтому трансформация структурно-семасиологической организации КД не только демонстрирует изменения, происходящие в русском языке в XX веке, и фиксирует значимые социально-аксиологические процессы, но и отражает глубинные закономерности

этноментальных преобразований лингвокультурного универсума, что в свою очередь ведёт к постоянному развитию КД и поддерживает его актуальность.

На защиту выносятся следующие положения:

1. КД представляет собой этнокультурный феномен русской языковой картины мира, который функционирует как символический знак, отражающий природную гармонию, глубоко укоренившиеся ценности, образ жизни и ментальность русского народа, тогда как эволюция КД представляет собой вербальную фиксацию способов адаптации традиционного российского уклада к новым историческим реалиям.

2. Структурно-семасиологическое устройство КД характеризуется многомерностью и подвижностью: в КД выделяются *ядерная* и *периферийная* зоны (в том числе *ближняя, дальняя и крайняя периферия*), а содержательное наполнение КД образуется сочетанием *внутренней формы, исторического и актуального слоя* значений, последний из которых (в той или иной пропорции) включает в себя *понятийное, образное, интерпретационное и ценностное поле* смысловых компонентов, при этом возможно «перераспределение» семантических признаков КД, обусловленное общественно-культурным изменениями (и контекстом в целом) и/или их аксиологической интерпретацией.

3. Актуальный слой КД, эксплицируемый в словарном составе русского языка широким кластером вербальных единиц, содержит доминантные смыслы КД, что наиболее ярко отражается в интерпретационном и ценностном полях; эти значения закрепляются в виде лексем-ассоциатов и порождают в сознании носителей русского языка «смысловые аугментации», которые не только выражают эмотивные, образные, прагматические и оценочные характеристики понятия ‘деревня’, но и демонстрируют систему коллективных ментальных представлений и культурных моделей, связанных с образом деревни.

4. Структурно-содержательные компоненты КД претерпевают на протяжении XX века значительные изменения, что фиксируется в особом литературном направлении – деревенской прозе, при этом семантическая «плотность» различных концептуально-тематических групп, репрезентирующих

КД, и их частотность являются не только маркерами идиостиля писателей-деревенщиков (или художественных трактовок деревенской жизни), но и результатом творческой рефлексии социально-культурных процессов России, влияющих на формирование национальной идентичности русского народа.

5. Лингвокультурная специфика вербальной репрезентации КД в словарном составе русского языка, деревенской прозе XX века и ассоциативном поле языкового сознания носителей является показателем социально-аксиологической трансформации российского общества и может рассматриваться как значимый параметр этноментальных особенностей русскоязычного универсума.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного лингвокультурологического, лингвокогнитивного и лингвоаксиологического анализа КД. В диссертационной работе впервые (1) представлено системное описание структурно-семасиологической организации КД; (2) выявлены типовые способы языковой репрезентации ядерной и периферийной зон КД в словарном составе русского языка; (3) экспериментально определено содержательное наполнение КД в актуальном русском языковом сознании; (4) охарактеризованы компоненты исторического и актуального слоёв КД (через призму творческого восприятия мастерами деревенской прозы) и их лингвоаксиологическая наполненность; (5) разработана авторская таксономия системы языковых средств, репрезентирующих КД в произведениях российских писателей XX века (с учётом разных исторических периодов); (6) установлен и описан процесс трансформации КД как отражение лингвокультурной устроенности российского универсума.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении и расширении методологии концептуального анализа; в определении оценочных и аксиологических компонентов, эксплицирующих КД в деревенской прозе XX века; в выявлении и описании процесса «перераспределения» семантических признаков КД, обусловленного социально-культурным контекстом; в характеризации симвлических функций КД как основы национальной идентичности русского народа и значимого компонента русской языковой картины мира. Данный подход может быть экстраполирован на аналогичные исследования в рамках

лингвокультурологического направления.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования эмпирического материала и основных выводов исследования в практике преподавания учебных дисциплин высшей школы («Лингвокультурология», «Концептуальный анализ текста», «Когнитивная лингвистика», «Лингвоаксиология» и др.), в практике обучения русскому языку как иностранному и при составлении словарей и справочников для иностранных учащихся.

Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждается исходными методологическими позициями; широкой исследовательской и теоретической базой, учитывающей данные, накопленные отечественными учёными; использованием терминологического аппарата и научных методов, соответствующих целям, задачам и предмету исследования; значительным объёмом анализируемого языкового материала; последовательной аргументацией.

Апробация исследования. Основные положения исследования были представлены на научных конференциях различного уровня, в том числе: Международной научной конференции «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения» (КемГУ, Кемерово, 2025); XXXIV Международная научная конференция «Информационное пространство современной науки» (г. Москва, 2024); Международный научный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве» (г. Москва, 2021); Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы филологии и пути их решения в свете глобальных трансформаций» (г. Москва, 2021); Международная научная конференция «Гуманитарные и социальные исследования в условиях социокультурных трансформаций» (г. Смоленск, 2020); Международная научно-практическая конференция «Достижения науки в 2019 году» (г. Москва, 2019).

По теме диссертации опубликовано 9 научных работ, том в числе 5 статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА ‘Деревня’

1.1. Категориальные признаки концепта

Конец XX – начало XXI века – это время смены научной парадигмы в лингвистике: с системно-структурной на антропоцентрическую, с изучения языка «в самом себе и для себя» [Соссюр, 1977, с. 268] к его изучению в неразрывной связи с мышлением человека и культурой. Основы этого подхода закладывались ещё в середине XIX века в трудах В. фон Гумбольдта, который писал, что язык «...всеми тончайшими нитями своих корней сросся поэтому с силой национального духа» [Гумбольдт, 2000, с. 12], и отмечал тесную связь языка и мышления. С развитием психологии, культурологии, истории, этнографии и социологии возникает всё больший интерес к человеку, появляется тенденция к гуманизации научного знания. Отдельные области знаний перестают быть замкнутыми в себе, зарождаются различные междисциплинарные направления: в число таких направлений вошли когнитивная лингвистика, которая возникла в последние десятилетия XX века на стыке лингвистики и психологии, и лингвокультурология, появившаяся как результат взаимодействия науки о культуре и науки о языке. Эти направления уже заняли прочное место в современном языкоznании и обрели устоявшийся терминологический аппарат – ‘концепт’, ‘языковая картина мира’, ‘константы культуры’ и т.д.

Так, термин ‘концепт’ является базовым для многих когнитивных наук, в том числе и для когнитивной лингвистики. Он заимствован из математической логики (работы Г. Фреге и А. Черча) и в переводе с латинского означает ‘понятие, понимание, замысел’. В русистике этот термин впервые прозвучал ещё в 1928 году в статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово», где был обозначен как «...мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 267]. Уже в самых первых работах подчёркивается когнитивная природа концепта, его связь с мышлением.

Однако после этого термин был на долгие десятилетия забыт. И только в 1970-е годы он снова начинает появляться в работах учёных (Р.И. Павиленис, М.А. Холодная). Наибольший «всплеск» интереса к понятию приходится на 1980–1990 гг., когда появляются разные труды таких исследователей, как Н.Д. Арутюнова, Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов и др. С тех пор прошло уже четыре десятилетия, за это время создан большой пласт работ по лингвоконцептологии, но термин до сих пор не теряет своей актуальности. В российской лингвистике существует множество подходов к этому понятию, сформировалось несколько школ изучения концептов (воронежская, волгоградская, кемеровская, краснодарская, московская, санкт-петербургская и т.д.); значительный вклад в изучение концептов внесли такие учёные-лингвисты, как Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик, В.В. Катермина, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачёв, В.А. Маслова, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышикин, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др. Однако несмотря на большую теоретико-методологическую и практическую базу, до сих пор ведутся дискуссии по поводу того, что стоит за понятием ‘концепт’, при этом В.И. Карасик справедливо утверждает, что во всех определениях и подходах есть нечто общее: концепт является единицей сознания и, в отличие от понятия, включает «не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики» [Карасик, 2004, с. 133].

Также следует отметить, что сложность в толковании понятия ‘концепт’ и в определении его категориальных характеристик заключается в том, что этот термин сегодня используется во многих науках – в лингвистике, философии, психологии, социологии, культурологии, искусствоведении, литературоведении и даже в программировании. Но и в рамках одной научной отрасли – лингвистики – подходы к этому термину также отличаются в зависимости от направления. Например, в русле когнитивной лингвистики (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев и др.) на первый план выходит связь концепта с мышлением (концепт как единица мышления), а в русле лингвокультурологии

(С.Г. Воркачёв, Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик, В.В. Катермина, Г.Г. Слышкин и др) – с культурой (концепт как единица культуры). Главное различие этих двух подходов заключается в том, что в когнитивной лингвистике исследователь движется от индивидуального сознания к культуре, а в лингвокультурологии – от культуры к индивидуальному сознанию [Петрова, 2018, с. 15].

Рассмотрим основные определения термина ‘концепт’, его главные особенности и отличия, а также выделим на основе этих определений ключевые категориальные признаки концепта (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Основные определения и признаки термина ‘концепт’ в современной лингвистике

Определение термина ‘концепт’	Основные признаки концепта
Концепт – «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 267].	Связан с мышлением («мысленное образование», «в процессе мысли»). Связан с термином ‘понятие’ («замещает неопределённое множество предметов одного и того же рода»).
Концепт – «своего рода алгебраическое выражение значения, которым человек оперирует в своей письменной речи» [Лихачёв, 1993, с. 4].	Имеет абстрактную природу («алгебраическое выражение значения»). Связан со значением слова. Используется в письменной речи.
Концепт – «продукт человеческой мысли и явление идеальное, а следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому»; «это конструкт, он не воссоздаётся, а “реконструируется” через своё языковое выражение и внеязыковое знание» [Телия, 1996, с. 288].	Связан с мышлением («продукт человеческой мысли»). Связан с миром идеального. Объект не только языкового, но и человеческого сознания в целом. Объективируется через язык («реконструируется через язык»).
Концепт – «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» («Краткий словарь лингвистических терминов») [Кубрякова, 1997, с. 90–92].	Связан с мышлением («оперативная единица памяти, ментального лексикона», «квант знания» и т.д.). Выражен в языке.
Концепт – «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», «то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов, 2001, с. 40].	Связан с мышлением. Связан с культурой. То, с помощью чего культура входит в сознание человека. Является входом для человека в культуру. Влияет на культуру.
Концепт – «объект из мира “Идеального”, имеющий имя и	Относится к миру «идеального» (человеческого мышления, сознания), но

отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность»» [Вежбицкая, 2001, с. 23].	отражает представления о действительности. 2. Имеет имя. 3. Связан с культурой («отражающий культурно-обусловленное представление»).
Концепт – «вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры» [Фрумкина, 2001, с. 42].	1. Это понятие. 2. Вербализован в языке. 3. Связан с культурой (отражается в культуре, проявляется себя в таких её категориях, как искусство, традиции, религия, язык и т.д.).
Концепт – «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачёв, 2001, с. 47–48].	1. Связан с культурой, с этнокультурой («культурно отмеченный», «отмеченная этнокультурной спецификой»). 2. Выражается в языке, причём не одним словом, а целым комплексом средств, которые образуют лексико-семантическую парадигму. 3. Принадлежит коллективному сознанию («единица коллективного знания»).
Концепт – «любая дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира, хранимый в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата. <...> вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [Бабушкин, 2006, с. 29].	1. Имеет дискретную природу (состоит из нескольких компонентов). 2. Обладает содержанием. 3. Принадлежит коллективному сознанию. 4. Отражает предмет реального или идеального мира (может быть предметным или абстрактным). 5. Хранится в сознании («в национальной памяти носителей языка»). 6. Связан с национальной памятью носителей языка. 7. Представляет собой сущность познанного предмета («субстрат»). 8. Может быть вербализован, обозначен словом.
Концепт – «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2006, с. 24].	1. Имеет дискретную природу. 2. Связан с мышлением («ментальное образование», «базовая единица мыслительного кода»). 3. Имеет структуру (обладает «относительно упорядоченной внутренней структурой»). 4. Является результатом познавательной деятельности личности и общества. 5. Содержит в себе три типа информации: энциклопедическую, информацию об интерпретации этих знаний обществом, информацию об отношении общества к предмету или явлению, обозначаемому концептом.
Концепт – «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или	1. Семантическое образование. 2. Связан с культурой («отмеченное лингвокультурной спецификой»).

иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры» [Маслова, 2008, с. 50].	3. Характеризует носителей национальной культуры.
Концепты – «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2014, с. 7].	Связан с мышлением («ментальные образования», «хранящиеся в памяти»). Является значимым фрагментом опыта. Осознаётся человеком. Может быть типизирован.

Таким образом, концепт имеет следующие категориальные признаки:

1. Является единицей мышления человека, связан с мышлением.
2. Связан с понятием, но в то же время отличается от него.
3. Замещает собой некоторое множество предметов.
4. Имеет дискретную природу.
5. Имеет абстрактную природу.
6. Принадлежит коллективному сознанию.
7. Связан с культурой, в том числе с национальной.
8. Имеет свою структуру.
9. У концепта есть имя.
10. Имеет языковое выражение, репрезентированное рядом языковых средств.

Конечно, некоторые из этих признаков являются дискуссионными. Например, до сих пор существует проблема разграничения и соотношения *понятия* и *концепта*. Одни исследователи рассматривают понятие как более широкую и объёмную единицу (М.В. Пименова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, В.А. Маслова и др.), а другие считают эти термины синонимами (Н.Ю. Шведова, А.П. Бабушкин и др.). По мнению Ю.С. Степанова, концепт устроен сложнее понятия, потому что вбирает в себя «шлейф ассоциаций, образных представлений, исторических наслоений, оценок». Концепт, в отличие от понятия, не только мыслится, но и переживается [Степанов, 1997, с. 41].

Различны и представления о том, может ли меняться содержание концепта. Согласно одной точке зрения, концепт, в отличие от лексического значения, сохраняет свою структуру, не теряет «включённые в эту структуру признаки на

всём протяжении истории народа» [Пименова, 2017, с. 13]. В рамках другого взгляда концепт характеризуется условностью и размытостью, не имеет чётких границ [Пименова, Кондратьева, 2011, с. 59].

Ещё один дискуссионный вопрос – это соотношение национального (коллективного) и индивидуального в концепте. Так, одни исследователи полагают, что концепт имеет только национальную специфику (В.В. Красных), другие же считают, что в концепте совмещается коллективное и индивидуальное наполнение: «это национальный образ (идея, символ), осложнённый признаками индивидуального представления» [Пименова, 2005, с. 16].

В результате несовпадений позиций ученых существует множество классификаций концептов по различным признакам. Перечислим основные из них:

1) по типу знаний, которые представлены концептами: мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, инсайты, сценарии, калейдоскопические концепты [Бабушкин, 1996, с. 43–67]; конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии (скрипты), гештальты [Болдырев, 2001, с. 36–38]; концепты высшего уровня и обычные концепты [Воркачёв, 2003, с. 44]; концепты-представления, концепты-схемы, понятия, фрейм, гештальт, сценарий [Попова, Стернин, 2001, с. 72–74]; образы, идеи, символы, концепты культуры (универсальные, национальные, социально-культурные, этические, мифологические категории) [Пименова, 2004, с. 10];

2) по «внутреннему содержанию»: параметрические и непараметрические (регулятивы и нерегулятивы) [Карасик, 2007, с. 126];

3) по очерёдности возникновения: концепты и метаконцепты (первичные и вторичные) [Слышкин, 2004, с. 5];

4) по характеру наблюдаемости: вербализованные и невербализованные [Попова, Стернин, 2007, с. 120];

5) по группам носителей: универсальные, национальные, групповые (возрастные, профессиональные, гендерные), индивидуальные [Попова, Стернин, 2010, с. 85];

6) по степени абстрактности: абстрактные (ментефакты) и конкретные (натурфакты и артефакты) [Попова, Стернин, 2007, с. 81–84];

7) по способу освоения мира: научные, художественные, обыденные (В.И. Карасик) [Карасик, 1997, с. 156–158];

8) по степени устойчивости: устойчивые и неустойчивые [Попова, Стернин, 2001, с. 74].

Представляется, что каждая из (представленных в таблице) дефиниций концепта и таксономий может быть интересна и значима в зависимости от научного вектора исследователей, однако наиболее важным оказывается тот факт, что в одних определениях и классификациях на первый план выходит когнитивная сущность концепта (связь с мышлением), а в других – лингвокультурная (связь с культурой, с национальной спецификой). Это говорит о наличии двух разных подходов к сущности и к изучению концепта – когнитивного и лингвокультурологического.

1.2. Понятие лингвокультурного концепта и языковой картины мира

Лингвокультурология как наука, сформировавшаяся на стыке языкоznания и культурологии, напрямую связана с такими областями, как социолингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение и др. В лингвокультурологии на первый план выходит связь концепта с культурой, а исследователь движется от культуры к индивидуальному сознанию. За последние 30 лет лингвокультурология в российской лингвистике прошла большой путь развития и превратилась в широкое методологическое направление.

Так, В.А. Маслова выделяет три этапа развития лингвокультурологии:

1) Предпосылки развития: XIX – первая половина XX в. (зарождение идей о взаимосвязи языка и культуры в трудах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Я. Гримма, Л. Вейсгебера, Э. Сепира и Б. Уорфа).

2) Формирование лингвокультурологии как самостоятельной области изучения: 1990-е гг. XX века – начало XXI в. (труды В.Н. Телии, В.В. Воробьёва,

В.М. Шаклеина, В.А. Масловой и т.д.).

3) Разработка фундаментальной междисциплинарной науки лингвокультурологии: 2000-е гг. – наши дни (работы Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В.Н. Телия, В.А. Масловой, В.Г. Костомарова, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачёва, В.В. Красных, А.Д. Шмелёва и т.д.) [Маслова, 2024, с. 14–15].

Н.Ф. Алефиренко в работе «Лингвокультурология. Ценностно-смыслоное пространство языка» отмечает, что в 2010 году методологическая основа лингвокультурологии только закладывалась, и говорит об утверждении новой парадигмы – когнитивно-семиологической лингвокультурологии, основанной на когнитивистике, семиологии и герменевтике [Алефиренко, 2020, с. 70].

Уже в первых определениях лингвокультурологии говорилось, что это наука о взаимосвязи языка и культуры. Так, например, один из первых теоретиков этой дисциплины В.В. Воробьёв давал ей такое определение: «Комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и <...> культурного содержания» [Воробьёв, 1997, с. 4]. В.Н. Телия рассматривала лингвокультурологию как «часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия, 1996, с. 217]. Многие исследователи, например, В.А. Маслова, отмечали в своих определениях междисциплинарный характер лингвокультурологии и её направленность на изучение культурных проявлений, отражённых в языке («наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке») [Маслова, 2001, с. 28].

Однако сейчас, как пишет В.А. Маслова, лингвокультурология занимается уже не только тем, что устанавливает национально-культурную специфику языковых единиц, но и тем, что изучает «механизмы внедрения в языковой знак культурной информации, а также механизмы её извлечения оттуда носителем языка» [Маслова, 2024, с. 14]. На данный момент в лингвокультурологии сформировалось множество новых направлений: диахроническая лингвокультурология, изучение отдельных лингвокультурных ситуаций,

сравнительная лингвокультурология, лингвокультурологическая лексикография, региональная лингвокультурология и т.д. [Маслова, 2024, с. 15].

С позиций лингвокультурологии концепт рассматривается как базовая единица культуры. Ю.С. Степанов называет концепт «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов, 2004, с. 42–67]. Именно через него культура входит в наше сознание, через концепт мы воспринимаем те или иные национальные стереотипы и традиции. Неслучайно В.Г. Зусман пишет, что «концепт – это микроскопическая модель культуры, а культура – это макроскопическая модель концепта». По мнению исследователя, «концепт производит культуру и производится в культуре» [Зусман, 2001, с. 4]. Н.Д. Арутюнова рассматривает концепт ещё шире – как концепцию мировоззрения, которая представляет собой основу культуры, её метаязык, характеризующийся индивидуальностью, социализацией, национализацией и всегуманизацией. Кроме того, концепт является результатом взаимодействия религии, идеологии, народных традиций, жизненного опыта, системы ценностей и художественных образов [Арутюнова, 1993, с. 3–6].

В этой связи противопоставление лингвокогнитивного и лингвокультурного концептов является одним из наиболее важных в лингвистике в целом. Первое – это индивидуальное ментальное содержательное образование, которое структурирует и реструктурирует окружающий мир, тогда как второе – это коллективное ментальное содержательное образование, в котором зафиксировано своеобразие определённой культуры [Карасик, 2014, с. 24–25]. Лингвокогнитивный концепт отражает индивидуальное, а лингвокультурный – коллективное, национальное или социальное сознание. Но при этом лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы дополняют друг друга: через концепт в индивидуальном сознании мы выходим в коллективную концептосферу, то есть в культуру, а культура, в свою очередь, входит в сознание индивида через концепты, являющиеся единицами культуры [Карасик, 2004, с. 117]. Соответственно, наиболее корректным оказывается определение лингвокультурного концепта, которое дают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, – это

«условная ментальная единица, которая направлена на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Карасик, Слышкин, 2001, с.75].

Лингвокультурный концепт обладает тремя основными свойствами: он, как и когнитивный концепт, хранится в сознании, обусловлен культурой и эксплицируется в речи и языке. Основное отличие лингвокультурного концепта от других подобных единиц, в том числе от когнитивного концепта, – в том, что главной его составляющей является *ценностный компонент*, так как в основе культуры лежит аксиологический принцип: насколько тот или иной концепт важен для какой-либо культуры, востребован в ней. Как правило, проявлением ценностного компонента является возможность использования оценочной лексики по отношению к какому-либо явлению [Карасик, Красавский, Слышкин, 2014, с. 13]. Н.Ф. Алефиренко также отмечает важность ценностного компонента и говорит, что предмет лингвокультурологии – это «ценностно-смысловое пространство языка» [Алефиренко, 2020, с. 14].

Соответственно, в каждой культуре концепты имеют своё уникальное наполнение и наличествуют существуют концепты, которые присущи только определённой культуре. Языковое выражение таких концептов Ю.С. Степанов называет их «константами культуры» [Степанов, 1997, с. 78], а А. Вежбицкая – «ключевыми словами» [Вежбицкая, 2001, с. 36]. Для того чтобы слово могло быть отнесено к таким единицам, оно должно соответствовать нескольким критериям: являться общеупотребительным, а не периферийным; часто использоваться в одной семантической сфере; стоять в центре группы фразеологизмов; часто встречаться в пословицах, афоризмах, названиях [Вежбицкая, 2001, с. 36]. В.А. Маслова считает важнейшими критериями лингвокультурной значимости слова его частотность, общеупотребительность и вхождение в состав различных паремиологических сочетаний [Маслова, 2001, с. 51].

Резюмируем: лингвокультурный концепт является единицей сознания носителя языка, моделью культуры, в которой воплощаются основные особенности национального сознания, традиции, ценности и уклад жизни того или иного народа и которая вербализуется с помощью языка; лингвокультурный концепт отличается

от лингвокогнитивного наличием ценностного компонента; лингвокультурные концепты применительно к определенному этносу могут иметь уникальное содержание.

Научной описания концептов напрямую связано с понятиями, как ‘картина мира’, ‘языковая картина мира’, ‘концептуальная картина мира’, которые являются базовыми терминами когнитивной лингвистики.

Проблема соотношения картины мира и языка неоднократно становилась предметом исследования учёных (В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, А.Д. Шмелёв, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, В.В. Красных, Б.А. Серебренников, В.И. Постовалова и т.д.).

Изначально термин ‘картина мира’ (далее – КМ) принадлежал точным наукам и был распространён в физике в конце XIX – начале XX века. В 1960-х гг. он начал использоваться в работах Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского по семиотике [Лотман, Успенский, 1971]. Сегодня КМ – это ключевое понятие для многих наук: философии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и т.д., поэтому существуют различные дефиниции данного понятия. Например, в «Большой российской энциклопедии» даётся следующее определение: КМ – это «система представлений о реальности (от мироздания в целом до ближайшего окружения, сиюминутного контекста деятельности), характерных для индивида или социальной группы (профессиональной, этнической, религиозной, сословной, языковой и др.)» [БРЭ, 2023, с. 305], в котором подчёркиваются такие свойства КМ, как системность, всеохватность, комплексность, её индивидуальный и в то же время социальный характер.

История термина ‘языковая картина мира’ (далее – ЯКМ) берёт своё начало в трудах В. фон Гумбольдта, который писал, что язык влияет на сознание человека и на то, как он воспринимает окружающий мир [Гумбольдт, 1984, с. 159]. Идеи исследователя были развиты в 30-х гг. XX века в теории лингвистической относительности Э. Сепира и Л. Уорфа (далее в работах Л. Вайсгербера), которые утверждали, что носители разных языков по-разному видят действительность, так как смотрят на неё через призму своего языка [Сепир, 1993, с. 249]. В конце XX

века, в связи со сменой научной парадигмы на антропоцентрическую и развитием когнитивной лингвистики, к понятию ЯКМ возник ещё больший интерес, и появилось множество работ на эту тему (Г.А. Брутян, С.А. Васильев, Г.В. Колшанский и т.д.). Исследователей интересовали вопросы разграничения различных картин мира – общей, концептуальной (когнитивной) и языковой.

‘Концептуальная картина мира’ (далее – ККМ) – это логическое отражение мира в сознании человека; определённая совокупность знаний и представлений о мире, которая формируется в процессе познавательной деятельности [Колесникова, Грязнова, 2024, с. 37]. В.А. Маслова рассматривает различные точки зрения на соотношение концептуальной и языковой картин мира. Одни исследователи считают, что они тождественны (Г.В. Колшанский), другие – ККМ шире, чем ЯКМ (Г.А. Почепцов, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия), а третьи – ЯКМ, наоборот, шире ККМ. В качестве одного из аргументов того, что ККМ шире, чем ЯКМ, выступает то, что сведения о мире могут кодироваться не только в верbalной форме. Но В.А. Маслова опровергает этот аргумент и говорит, что в ЯКМ «есть сведения, которые, хотя и выражены вербально, всё же не являются языковыми» (ритуалы, мифологемы, архетипы, вербализованные с помощью пословиц, фразеологизмов и т.д.) [Маслова, 2024, с. 39]. Поэтому В.А. Маслова делает вывод, что ЯКМ и ККМ не могут быть наложены друг на друга. Они совмещаются в своей основе, но у каждой есть собственная зона, информация из которой хранится глубоко в сознании носителя языка. Но вместе с тем в ККМ соединяется личное, национальное и общечеловеческое, и в этом, как отмечает В.А. Маслова, она шире ЯКМ [Маслова, 2024, с. 40]. Также исследователей интересует вопрос соотношения ЯКМ и таких КМ, как научные, философская, религиозная, фольклорная, поэтическая и др. Все они являются вторичными по отношению к ЯКМ, сформированными с помощью языка, поэтому в какой-то степени их тоже можно назвать языковыми [Маслова, 2024, с. 40–41]. В то же время они могут сильно расходиться с ЯКМ, поэтому многие лингвисты относят языковую картину мира к «наивным» (обыденным) в противоположность частным, специальным – научной, физической, химической и т.д. В этом плане ЯКМ может

расходиться даже с ККМ: ККМ человека может меняться в соответствии с современными представлениями, но ЯКМ продолжает отражать устаревшие сведения. Поэтому в целом ККМ и ЯКМ совпадают, но в ЯКМ есть отдельные области, которые хранят «былые» знания в виде фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д., что как раз и представляет интерес для исследователей.

Таким образом, под ЯКМ понимается совокупность знаний, представлений об окружающем мире, которые отражаются в лексике, фразеологии, грамматике. ЯКМ – это часть общей ККМ, она «имеет “привязку” к языку и преломлена через языковые формы» [Кубрякова, 2003, с. 5]. Человек не рождается с готовой ЯКМ, она формируется по мере того, как он овладевает языком. ЯКМ влияет на наши представления о мире, формирует взгляд на него: «Наше миропонимание в значительной степени находится в плену у языковой картины мира. <...> каждый конкретный язык заключает в себе национальную, самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира» [Маслова, 2024, с. 47]. Е.С. Кубрякова называет ЯКМ «своеобразной сеткой, накидываемой на наше восприятие, на его оценку, совокупность обозначений» [Кубрякова, 2003, с. 5]. Частью ЯКМ являются такие картины мира, как художественная, поэтическая, пейзажная и т.д. В.И. Карасик предлагает разделять ЯКМ на определённые области и выделяет в ней ценностную картину мира, которую формируют взаимосвязанные суждения на основе юридических, религиозных, моральных кодексов, общепринятых суждений здравого смысла, типичных фольклорных и литературных сюжетов. Разные народы обладают особым складом ума, а анализ языковых средств помогает выявить и объяснить различия в языковых картинах мира [Карасик, 2002, с. 187].

Представляется, что все изложенное можно рассматривать теоретическим обоснованием выбора методологического инструментария настоящего исследования.

1.3. Структурно-семасиологическая организация концепта ‘Деревня’ в лингвокультурологическом измерении

По аналогии с разными взглядами учёных на категориальные характеристики концепта существуют различные позиции и на то, как *организован* концепт, вместе с тем многие исследователи сходятся в том, что у него сложная, многокомпонентная и многослойная устроенность. Наиболее авторитетные точки зрения на структуру концепта принадлежат Ю.С. Степанову, В.В. Колесову, И.А. Стернину, В.И. Карасику, Г.Г. Слышкину.

Так, принято различать содержание и структуру концепта. Содержание концепта является набором его когнитивных признаков. Под когнитивным признаком понимается признак того или иного объекта, который осознаётся человеком и отображается в структуре концепта как отдельный элемент его содержания [Попова, Стернин, 2007, с. 128]. Когнитивные признаки концепта упорядочены в соответствии с полевым принципом: от ядра к периферии. Некоторые исследователи предлагают более дробное членение: «ядро, приядерная зона, периферия» или «ядро, ближняя периферия, дальняя периферия и крайняя периферия». То, к какой зоне относится признак, зависит от «яркости» его проявления в сознании носителей языка.

Рассмотрим более подробно различные точки зрения на содержание и структуру концепта.

Ю.С. Степанов считает, что концепт – это иерархически организованная структура, каждое звено которой является результатом накопленного культурного опыта. Учёный выделяет три признака, или три слоя, концепта:

- 1) актуальный, основной признак, в котором концепт существует для тех, кто в данный период использует язык для общения;
- 2) пассивный, дополнительный признак, который является уже неактуальным, «историческим» (таких признаков может быть несколько) и актуализируется только при общении людей отдельных социальных групп;
- 3) внутренняя форма, «буквальный смысл», который обычно не осознаётся и

запечатлён во внешней, словесной форме. Это этимологический признак концепта, уходящий вглубь истории [Степанов, 2004, с. 46–54].

И.В. Кононова называет подход Ю.С. Степанова диахроническим, так как в нём концепт рассматривается в разные периоды его развития в культуре [Кононова, 2012, с. 49].

З.Д. Попова и И.А. Стернин – авторы полевой модели концепта (основанной на теории полевой организации значения слова) – выделяют в концепте ядро и периферию, которые, в свою очередь, тоже имеют определённые слои:

1) ядро – в него входят прототипические слои, яркие первичные, базовые образы, которые обладают высокой чувственно-наглядной конкретностью;

2) периферия – включает в себя более абстрактные признаки. Это интерпретационное поле концепта, которое состоит из «слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей» [Попова, Стернин, 2001, с. 27–30].

З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что концепты формируются из нашего чувственного опыта, из предметной деятельности и из мыслительных операций с другими концептами. В связи с этим в них можно выделить следующие составляющие:

1) чувственный образ – состоит из перцептивного образа (зрительное, звуковое, тактильное, вкусовое и обонятельное восприятие) и когнитивного (метафорического) образа;

2) информационное содержание – состоит из когнитивных признаков, в которых отражены основные отличительные черты концептуализированного предмета или явления (функция, составные части и т.д.);

3) интерпретационное поле – когнитивные признаки, которые выводятся из основных признаков концепта или содержат оценку.

В интерпретационном поле можно выделить несколько зон:

а) оценочная зона;

б) энциклопедическая зона;

- в) утилитарная зона;
- г) регулятивная зона;
- д) социально-культурная зона;
- е) паремиологическая зона [Попова, Стернин, 2007, с. 75–80].

Все эти компоненты распределяются по разным участкам в структуре концепта (за исключением паремиологической зоны, которая обычно входит в крайнюю периферию) [Попова, Стернин, 2007, с. 80]. В одних концептах есть только базовый, чувственно-наглядный образ, а другие обладают более сложной структурой, и на базовый образ в них накладываются дополнительные концептуальные признаки.

В.В. Колесов считает, что смысловое единство концепта проявляется «в виде образа, понятия и символа:

- 1) образ – психологическая основа знака;
- 2) понятие – то, что отражает логические функции сознания;
- 3) символ – общекультурная составляющая слова» [Колесов, 2002, с. 42].

В.А. Маслова выделяет в концепте две части:

- 1) понятийная;
- 2) социопсихокультурная часть:
 - а) ассоциации;
 - б) эмоции, оценки;
 - в) национальные образы;
 - г) коннотации [Маслова, 2004, с. 36].

В.И. Карасик указывает, что структура лингвокультурного концепта включает в себя три компонента:

1. Предметно-образный – не имеет верbalного выражения, может быть только описан, это «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами», прототип того или иного предмета или ситуации [Карасик, Прохвачёва, Зубкова, 2005, с. 27]. Это совокупность слуховых, зрительных тактильных, вкусовых, обонятельных характеристик каких-либо предметов, явлений или событий, отражающихся в памяти.

2. Понятийный / фактуальный – «совокупность существенных признаков объекта» [Карасик, 1999, с. 39]; содержание, которое включает в себя существенные фактуальные характеристики объекта; обозначение концепта в языке [Карасик, 2002, с. 109, 153]. Многие учёные сходятся во мнении, что понятийная составляющая отражается в лексикографических источниках, в толковых словарях.

3. Ценностный – это культурно значимая составляющая, наиболее важная с лингвокультурологической точки зрения [Карасик, 2001, с. 3–16.]. Именно ценностный компонент определяет важность концепта для той или иной культуры.

С.Г. Воркачёв развивает подход В.И. Карасика, но при этом предлагает заменить «ценностный» компонент на «значимостный». Исследователь выделяет в структуре концепта следующие составляющие:

- 1) образный компонент – когнитивные метафоры, которые подкрепляют концепт в языковом сознании;
- 2) понятийный компонент – отражает признаковую и дефиниционную структуру концепта;
- 3) значимостный компонент – место, которое занимает концепт в языке; ассоциативные и этимологические особенности имени концепта [Воркачёв, 2001, с. 6].

До сих пор является дискуссионным вопрос, что входит в эти слои и где проходят их границы. И.В. Кононова отмечает, что «сама природа концепта, его диффузность, размытость границ не позволяют применить <...> жёсткую процедуру в процессе его моделирования» [Кононова, 2012, с. 53].

Г.Г. Слышкину принадлежит разработка ассоциативной модели концепта, в которую входят ассоциативные связи между самим концептом и означающим его языковым знаком, а также все остальные связи, в которые включён концепт. Именно они формируют номинативную плотность концепта (степень детализированности обозначаемого фрагмента действительности). Лингвокультурный концепт рассматривается им как двусторонний ассоциативный феномен: с одной стороны, он сам является означаемым, а с другой – обладает

способностью «означивать» другие сущности, что составляет, в противоположность номинативной плотности, его номинативную диффузность [Слышик, 2004, с. 158]. При этом ядром концепта являются ассоциации, которые зафиксированы в словарях, а периферией – совокупность контекстуальных ассоциаций. Ассоциации могут быть культурно значимыми и квазикультурными. Культурно значимые основаны на понятийных связях между концептами (смежность, сходство, функциональный перенос и т.д.), а квазикультурные – это вторичные ассоциации, которые базируются на созвучии слов [Слышик, 2004, с. 159]. Таким образом, Г.Г. Слышик выделяет в лингвокультурном концепте четыре зоны:

- 1) интразона – совокупность входящих в концепт ассоциаций;
- 2) экстразона – совокупность исходящих из концепта ассоциаций, например метафорических переносов;
- 3) квазинтразона – совокупность входящих в концепт квазикультурных ассоциаций;
- 4) квазиэкстразона – совокупность исходящих из концепта квазикультурных ассоциаций.

Высокая наполненность интразоны и экстразоны является указанием на лингвокультурную ценность того или иного концепта [Слышик, 2004, с. 158–160].

В.А. Маслова, обобщая наблюдения над различными методиками описания организаций концепта, говорит об их общих чертах: примерно одинаковое количество этапов в исследовании концепта, похожий анализ содержания концепта (выделение ядра и периферии, анализ дефиниций, паремий, этимологии, парадигматики, проведение ассоциативного эксперимента, анализ контекстов употребления концепта и моделирование его полевой структуры), использование разных, но близких по значению понятий и терминов [Маслова, 2013]. Схожую точку зрения находим в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые отмечают, что, несмотря на различия во взглядах на структуру концепта, в них есть нечто общее: выделение образа, информационно-понятийного ядра и других дополнительных признаков [Попова, Стернин, 2007, с. 75].

В этой связи В.И. Карасик выделяет три исследовательские парадигмы описания концептов в лингвокультурологии:

1. Парадигма, предложенная Ю.С. Степановым. Для неё характерно противопоставление этапов развития концепта. Последним этапом развития концепта является его «оценочная экспансия», переход «кванта знания» в «модусную установку» с отрицательным или положительным знаком.

2. Множество конкретных описаний отдельных концептов (в лингвокультурологическом сопоставлении или вне его). Например, к этой парадигме относится описание концепта с выявлением его понятийного, образного и ценностного компонентов.

3. «Ситуативное уточнение содержания лингвокультурных концептов», их «дискурсивно-сенситивное описание» (Х. Куссе) (цит. по [Карасик, 2023, с. 64]). Данная парадигма связана с противопоставлением семантического ядра и периферии, в которой уточняются ядерные значения, например, с помощью анализа дискурса, то есть текста, погружённого в ситуацию общения. При этом ситуативное уточнение содержания концепта связано также с установлением его национально-культурной специфики [Карасик, 2023, с. 63–64].

Все эти три парадигмы В.И. Карасик объединяет в одну модель, которую визуально представляет в виде трёх кругов: внутренний круг – это ядро концепта, его содержательный минимум (вербализуется в определениях, описаниях и предписаниях поведения); первый внешний круг – уточнение концепта в тех или иных дискурсах; второй внешний круг – индивидуальное осмысление концепта, которое сопровождается уточнением или изменением его первоначального или дискурсивного смысла [Карасик, 2023, с. 65].

Действительно, несмотря на разницу в терминах, можно заметить, что структурные составляющие концепта и методики его описания, предложенные разными учёными, во многом пересекаются. Поэтому, принимая позицию В.И. Каасика за основную, дополним и уточним методику дальнейшего анализа КД с опорой на работу других учёных.

Так, «вход» в концепт может осуществляться с помощью морфем,

словоформ, лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений, поэтому концепт – это не только какое-то одно отдельное слово. В.И. Карасик пишет, что «выражение концепта – это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [Карасик, 2004, с. 110]. Все они образуют номинативное поле концепта [Попова, Стернин, 2007, с. 47]. Составление *номинативного поля* является первой и важнейшей частью последующего анализа, которая позволит установить структурно-семасиологическую организацию КД. Далее, чтобы установить максимально полный корпус языковых средств, репрезентирующих КД, необходимо проанализировать данные различных лексикографических источников.

Отметим, однако, что какого-то строго определённого содержания и «четкой» структуры концепта не существует: его наполнение всегда индивидуально и зависит от взглядов исследователя, и это одна из возможных моделей, которая эксплицирует данный концепт в сознании носителя языка, поэтому мы можем только попытаться реконструировать её. На наш взгляд, в КД (опираясь на теорию Ю.С. Степанова) целесообразно будет выделить три слоя: *внутренняя форма, исторический слой, актуальный (современный) слой*. В то же время, согласно структуре концепта, предложенной В.И. Карасиком, в актуальном слое можно выделить *понятийное, ценностное и образное поле*. Кроме того, считаем необходимым дополнить данный корпус *интерпретационным полем* (в том числе оценочным), которое выделяют в структуре концепта З.Д. Попова и И.А. Стернин. Внутри каждого слоя также можно выделить *ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии*.

Прежде чем обратиться к анализу концепта, установим его номинативное поле, то есть лексемы, которые эксплицируют КД.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой выделяются следующие значения лексемы *деревня*: 1. Крестьянское селение. 2. То же, что село (во 2-м значении). 3. Сельское население.

Так как во втором значении лексема *деревня* приравнивается к слову *село*

(‘Сельская, деревенская местность’), и эти слова являются наиболее близкими по значению, то есть синонимами, поэтому представляется целесообразным включить лексему *село* в ядро КД.

Рассмотрим синтагматические, парадигматические и эпидигматические связи лексемы *деревня*, которые объективируются в синонимах, антонимах, лексико-семантических группах (далее – ЛСГ) и лексико-семантических полях (далее – ЛСП), дериватах и фразеологических единицах.

1. Синонимы

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой не указаны синонимы к слову *деревня*. Автор отсылает к лексеме *село*, синонимами к которой являются *селение* и *деревня* [Александрова, 2001, с. 450]. Это говорит о тесной связи лексем *деревня* и *село*, об их взаимозаменяемости в некоторых значениях. Также в словаре *деревня* входит в синонимический ряд к слову *невежа*, но это значение является переносным, поэтому не включается в ядро концепта.

В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н.Ф. Абрамова синонимами к слову *деревня* являются следующие лексемы: *село, посёлок, поселение, станица, местечко, урочище, хутор* [Абрамов, 1999, с. 111]. В статье к слову *село* словарь даёт отсылку к лексеме *деревня*. Такой же ряд синонимов приводится в «Большом словаре синонимов и антонимов современного русского языка»: лексема *село*, по данным этого словаря, находится в синонимических отношениях с такими лексемами, как *селение, деревня* [Гаврилова, 2013, с. 87].

В «Большом синонимическом словаре русского языка» А.Ю. Кожевникова в статье к слову *деревня* дана отсылка к существительным *село, невежа*. К слову *село* приведены следующие синонимы: *весь* (устар.), *деревня, селение, небольшое* (на юге России, на Украине): *хутор* [Кожевников, 2003, с. 185].

По данным «Словаря синонимов» М.В. Петровой, синонимами *деревни* являются такие лексические единицы, как *село, селение, посёлок, населённый пункт, станица, двор* (устар.), *пахотное поле* (устар.) [Петрова, 2010, с. 97].

Л.А. Литвинова приводит данные из «Словаря терминов и топонимов»,

составленного для географического описания Центрального района Российской Федерации Г.П. Бондарчуком. В словаре даны следующие обозначения сельских населённых пунктов, многие из которых являются устаревшими: *бутырки*¹ (устар.), *выселки*², *деревня*, *дор*³ (устар.), *острог*⁴, *погост*⁵, *починок*⁶, *слобода*⁷ [Литвинова, 2012, с. 229–242].

Таким образом, наиболее распространёнными синонимами слова *деревня* являются следующие лексические единицы: *село*, *селение*, *посёлок*, *поселение*, *станица*, *местечко*, *урочище*, *хутор*, *весь*, тогда как синонимы слова *село* – *деревня*, *селение*, *весь*, *хутор*.

Рассмотрим кратко их значения в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

Селение – населённый пункт – село, посёлок.

Посёлок – населённый пункт, первоначально небольшой.

Поселение – населённый пункт, а также вообще место, где кто-н. живёт, обитает.

Станица – большое казачье селение.

Местечко – на Украине, в Белоруссии до революции: посёлок полугородского типа.

Урочище – участок, отличный от окружающей местности, напр. болото, лесной массив (первонач. также участок местности как естественная граница между чём-н.).

Хутор – 1. Обособленный земельный участок с усадьбой владельца. 2. В южных областях: крестьянский посёлок, селение

Весь (устар.) – селение, деревня. В современном русском языке закрепилось в выражении: «по городам и весям» (книжн.) – то есть повсюду [Ожегов, Шведова, 2006, с. 871].

¹ Одиноко стоящий дом, небольшое селение, отделённое от главного села или города полем или лесом [Литвинова, 2012, с. 229–242.].

² Небольшой населённый пункт, выделившийся из крупного села [Литвинова, 2012, с. 229–242.].

³ Новое селение на расчищенным месте [Там же].

⁴ Поселение (от др.-рус. «остръкол» – изгородь) [Там же].

⁵ Изначальное значение, которое сохранилось в северных говорах, – «небольшое селение, сельцо, хутор, подворье, постоянный двор» (от др.-рус. «гость» – купец) [Там же].

⁶ Новое поселение (от др.-рус. «починати») [Там же].

⁷ Посёлок, пригород; изначальное значение – «свободное поселение мастеровых людей» [Там же].

Интегральными признаками всех этих лексических единиц (кроме лексемы *урочище*) является то, что они обозначают населённый пункт и связаны с деревенской, сельской местностью.

Дифференциальные признаки – размер (большие, небольшие); тип населения (крестьянское, казачье); местность, где обычно находятся населённые пункты с таким названием (Россия, Украина, Белоруссия или южные области России); сходство или несходство с городом (полугородского типа). Слово *весь* является устаревшим, а *урочище* сохраняет связь с этимологией слова *деревня*, которое изначально имело значение ‘участок земли, расчищенный под пашню’.

Кроме того, лексема *деревня* вступает в гиперо-гипонимические отношения. С одной стороны, в первом значении (‘населённый пункт’) она является гипонимом к таким словам и словосочетаниям, как *деревенская местность*, *деревня* (во втором значении слова *деревня* – ‘сельская местность’), *село* (во втором значении слова *село* – ‘сельская местность’), *сельская зона*, *сельская местность*, *сельская территория*, *сельский район*, *сельский регион* [Тезаурус русского языка RuWordNet]. Во втором значении (‘сельская местность’) лексема *деревня* – это гипоним слов *край*, *местность*, *место*, *местоположение*, *район* [Тезаурус русского языка RuWordNet]. Также слово *деревня* имеет ряд согипонимов – слов, подчинённых одному и тому же гиперониму *деревенская местность* (или – шире – гиперониму *населённый пункт*): *посёлок*, *село*, *станица*, *поселение*, *селение*, *селитъба*, *селище*, *сельцо*, *местечко*, *урочище*, *весь*, *хутор*, *кишлак*, *аул*, *стойбище*, *заямка*, *скит*, *слобода*, *выселок*, *мыза*, *станок*, *улус*, *усадьба*, *фактория*; в случае второго гиперонима к этому ряду можно добавить слово *город* как разновидность населённых пунктов. С другой стороны, во втором значении (‘сельская местность’) лексема *деревня* может выступать гиперонимом по отношению к различным типам деревенских населённых пунктов, которые были перечислены выше. В «Русском семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой многие из этих слов, наряду со словом *деревня*, отнесены к группе «Сельские населённые пункты»: *аул*, *весь*, *выселок*, *кишлак*, *мыза*, *посёлок*, *селение*, *селитъба*, *селище*, *село*, *сельцо*, *скит*, *слобода*, *станица*, *станок*, *улус*, *усадьба*, *фактория*, *хутор* [Шведова, 2002, с. 17–18], что

подчёркивает отношения согипонимов между этими словами.

2. Антонимы

В наиболее известных словарях антонимов русского языка [Львов, 1984; Введенская, 1995; Гаврилова, 2014] отсутствуют языковые единицы, противоположные по значению лексеме *деревня* (только в «Большом универсальном словаре русского языка» указывается, что *город* – это антоним к слову *деревня* (см.: «Такие населённые пункты со свойственными им особенностями, отличающими их от города <...>, а также местность, где ведётся крестьянское хозяйство») и антоним к такому же значению слова *село* (Большой универсальный словарь русского языка, 2018 [Цит. по: Грамота.ру])), что удивительно, поскольку в русской культуре издавна присутствует противопоставление деревни и города. Например, об этой оппозиции пишет В.В. Колесов, отмечая, что противостояние города и деревни всегда было источником социальных противоречий. Даже время в этих населённых пунктах течёт по-разному: в деревне оно циклично, в городе – устремлено вперёд. Отличается и вера: «в деревне ближе к природе, к вещи; в городе больше вверх, по куполам да шпилям, мистичнее» [Колесов, 2006, с. 37]. По мнению исследователя, антиномия ‘город – деревня’ является отражением ряда других антиномий, таких как ‘горожанин – крестьянин’, ‘нация – народ’, ‘государство – общество’, ‘Запад – Восток’, ‘культура – цивилизация’, и восходит к оппозиции ‘культура – природа’. Однако далее учёный отмечает, что «антиномия город – деревня снимается в социальной жизни развитых стран, что происходило и в Советском Союзе» [Колесов, 2006, с. 38].

Стоит также отметить, что концепт ‘Город’ является одним из ключевых концептов русской культуры. Он тесно связан с концептом ‘Деревня’, и эта пара противопоставленных друг другу концептов не раз становилась объектом лингвокультурологических исследований [Бурмистрова, 2017, 2020; Мелихов, 2011; Пронина, 2016]. При этом *город* в этих работах представлен как «основополагающий феномен современной культуры» [Кузнецова, 2018], а *деревня* – как «хранительница национальных духовных ценностей и традиций» [Бурмистрова, 2014, с. 193]. Такое противопоставление деревни и города

присутствует не только в русской культуре, как отмечает Т.А. Бурмистрова, оно прослеживается также и в китайской языковой картине мира [Бурмистрова, 2020].

Лингвистический анализ показывает, что *город* и *деревня* противопоставлены в сознании носителей русского языка по ряду признаков: деревня маленькая, а город большой, в деревне жители заняты сельским хозяйством, в городе – различными несельскохозяйственными видами деятельности, деревня – тихая, город – шумный, деревня связана с природой, а город нет и т.д. [Бурмистрова, 2013]. Деревня всегда ассоциировалась с такими качествами, как простота, искренность и душевность, а город – с равнодушием и одиночеством, деревня – с традициями, со стариной, город – с чем-то новым, с новыми технологиями, с разрывом связей с корнями.

Вместе с тем (несмотря на то что семантическая и культурологическая оппозиция этих двух форм организации жизни является довольно устойчивой) в последнее время в связи с появлением новых типов поселений (коттеджных посёлков, эко-посёлков и т.д.) такое семасиологическое противопоставление подвергается переосмыслению.

3. ЛСГ и ЛСП

По данным «Семантического словаря русского языка» Н.Ю. Шведовой слово *деревня* входит в ЛСГ «Названия населённых пунктов» (в значении ‘населённый пункт’) и «Места, пункты по их расположению, виду, свойству» (в значении ‘сельская местность’).

Также к ЛСП «Деревня» можно отнести такую ЛСГ, как «Части негородских селений и сельских усадеб»: *баз*, *двор*, *зад*, *задворки*, *майдан*, *околица*, *подворье*, *прогон* (РСС) [Шведова, 2002, с. 17].

4. Производные слова

В словообразовательное гнездо лексемы *деревня* входят следующие слова: *деревенька*, *деревушка*, *деревнишка*, *деревнюшка*, *деревенский*, *однодеревенец*, *деревеница*, *по-деревенски*, а лексемы *село – сельцо*, *селишко*, *селище*, *сельчанин*, *селянин*, *сельбище*, *сельцина*, *сельский*, *присёлок* (–> *присёлочек*), *просёлок* (–> *просёлочек*, *просёлочный*), *новосёлок*, *односелец*, *односельчанин*, *старосёл*

(*староселье*) («Словообразовательный словарь русского языка») [Тихонов, 2008, с. 147].

5. Фразеологические конструкции

Концепт может быть эксплицирован не только с помощью слов и словосочетаний, но и с помощью фразеологизмов. Так, во фразеологических словарях можно обнаружить следующие фразеологизмы со словами *деревня, село: ни к селу ни к городу* – ‘совершенно некстати, не к месту, невпопад’ [Молотков, 1968, с. 419]; *по городам и весям* – ‘Книжн. Высок. Повсюду, повсеместно’ [БМС, 1998, с. 131]; *потёмкинские деревни* (книжн. неодобр.) – ‘показное, мнимое благополучие, показной блеск, очковтирательство’; *на деревню дедушке* (шутл.) – ‘неизвестно куда, наобум’ (о ситуации, когда кто-л. указывает неправильный адрес на конверте или собирается писать письмо, не зная точного адреса и адресата) [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 156–157]; *первый парень на деревне* (разг. шутл.) – ‘о том, кто всем хорош, красив и весел’ [ССРЯ, Шведова, 2007]; *Вот моя деревня/ Вот мой дом родной* (разг.) – а) употр. в ситуации возвращения откуда-л. домой; б) шутл. употр. в качестве указания на свой дом спутнику [БУС]; *горнее селение, селение праведных* (устар. книжн.) – по религиозным представлениям: рай, райская обитель [Фёдоров, 2008, с. 608].

Таким образом, проанализировав лексикографические данные, можно сделать вывод, что в центре **номинативного поля КД** стоят лексемы *деревня* и *село*, а вокруг них расположены следующие группы языковых единиц (всего **70 единиц**):

1) Наименования населённых пунктов: *посёлок, поселение, селение, станица, местечко, урочище, хутор, весь* (устар.), *невежса, бутырки* (устар.), *выселки (выселок), дор* (устар.), *острог, погост, починок, слобода, аул, кишилак, мыза, селитъба, селище, сельцо, скит, станок, улус, усадьба, фактория, стойбище, заимка, город*.

2) Наименования жителей этих населённых пунктов (в том числе однокоренные): *однодеревенец, сельчанин, селянин, односелец, односельчанин, старосёл*.

3) Однокоренные слова: *деревенька, деревушка, деревнишка, деревнюшка, деревенский, деревеничина, по-деревенски, сельцо, селишко, селище, сельбище, сельщина, сельский, присёлок* (→ *присёлочек*), *просёлок* (→ *просёлочек, просёлочный*), *новосёлок, староселье*.

4) Части негородских селений: *баз, двор* (устар.), *зад, задворки, майдан, околица, подворье, прогон*.

5) Фразеологизированные выражения: *ни к селу ни к городу, по городам и весям; потёмкинские деревни, на деревню дедушке, первый парень на деревне, Вот моя деревня / Вот мой дом родной, горнее селение, селение праведных*.

В ближнюю периферию входят названия типов населённых пунктов (кроме устаревших) и их жителей, однокоренные слова, в дальнюю – устаревшие названия типов населённых пунктов, части негородских селений, а в крайнюю – фразеологизированные выражения.

Конечно, обозначенный состав номинативного поля концепта не окончательный, так как деревня в русской культуре – это целый мир со своим бытом, укладом жизни, традициями. Кроме этого, в языке существует множество языковых единиц, относящихся к материальному миру деревни, множество диалектных слов или слов, уже вышедших из употребления. В представленном номинативном поле объединены основные лексические единицы, которые эксплицируют КД в ЯКМ русского народа.

Выводы по главе 1

Проведённый теоретический анализ основных положений лингвоконцептологии и лингвокультурологии позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Современная лингвистика, интегрируя в исследовании концепта лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты, демонстрирует отход от системно-структурных позиций к антропоцентрическим. Анализ базовых дефиниций концепта, предложенных авторитетными учёными, позволяет

утверждать, что концепт выступает фундаментальной единицей ментальной деятельности, характеризуется дискретностью и абстрактностью и выполняет функцию связующего звена между индивидуальным и коллективным сознанием, между языком и культурой. При этом лингвокультурный концепт (в отличие от концепта лингвокогнитивного) характеризуется *уникальным* содержательным наполнением в разных культурах и выраженной аксиологической составляющей, что обеспечивает формирование национальной (этнической) ЯКМ.

2. Существенное внимание при анализе концепта в контексте лингвокультурологической парадигмы как конвергентного научного направления уделяется механизмам внедрения / извлечения культурной информации в /из языкового знака, поэтому концепт рассматривается в качестве репрезентанта этнокультурных и ценностных доминант общества, демонстрирующего специфику национального менталитета через систему «ключевых слов» и «культурных констант», к числу которых, бесспорно, относится и КД.

3. КД в лингвокультурологическом измерении обладает сложной структурно-семасиологической организацией, включающей разноуровневые и разноспектные компоненты, при этом очевидна его полевая структура (ядерная и периферическая зоны), а также многослойный характер, объединяющий внутреннюю форму, исторические и актуальные признаки, которые в свою очередь образуют понятийное, образное, интерпретационное (в том числе оценочное) и ценностное поля КД.

4. Номинативное поле КД, эксплицированное различными языковыми конструктами (общее число – 70), характеризуется наличием развитых парадигматических, синтагматических, эпидигматических отношений (которые объективируются синонимами, антонимами, дериватами, ЛСВ, ЛСГ, фразеологизированными выражениями и т.д.), что в совокупности иллюстрирует глубокую укоренённость КД в русском языковом сознании.

5. Представленный в настоящей главе алгоритм моделирования структуры и содержания КД интегрирует различные теоретические позиции и обеспечивает комплексное описание его языковой и этнокультурной репрезентации как на

материале лексикографических источников, так и в различных культурно-коммуникативных контекстах. Применение данной модели способствует выявлению динамических связей КД и установлению процесса его трансформации, тем самым создаёт методологическую базу дальнейшего исследования.

ГЛАВА 2. СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘Деревня’ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

2.1. Этимолого-деривационный анализ лексем, эксплицирующих концепт ‘Деревня’

Деревня, как было сказано ранее, является древнейшей формой организации поселений на Руси, местом проживания крестьянства, а её возникновение связано с развитием земледелия. В Северо-Восточной Руси слово *деревня* было известно ещё в XIV веке, откуда распространилось по другим частям Средней России.

На протяжении всей истории российского государства деревня прошла долгий путь изменений. С XVI века благодаря развитию экономических отношений она начинает укрупняться, возникают новые деревни. В XVIII–XIX вв. деревня, вслед за городом, сталкивается с заметными переменами. И всё это время она сохраняет важную роль в жизни страны: например, по данным переписи 1897 года, сельское население в России составляло 85% [БСЭ, с. 111].

Наравне с деревней был распространён такой тип населённых пунктов, как село. Оно отличалось от деревни более крупными размерами, наличием усадьбы помещика или церкви. Но с XVII века различия между крупными деревнями и сёлами постепенно стираются.

Существовали и более мелкие, чем деревня, поселения: выселки, починки, хутора, займки и т.д. Названия поселений могли отличаться в зависимости от региона (например, на юге России были станицы, на Северном Кавказе – аулы и т.д.).

В Большой советской энциклопедии выделено два значения понятия ‘деревня’ – узкое и широкое. В узком значении – это «небольшое земледельческое поселение, один из видов сельских населённых пунктов», в широком – социально-экономическая категория, противопоставленная городу и представляющая собой определённый «комплекс социально-экономических, культурно-бытовых и

природно-географических особенностей и условий жизни» [БСЭ, с. 110]. В качестве главной черты деревни выделяется её связь с землёй, с сельским хозяйством. Это определяет все остальные особенности данного типа поселений: небольшой размер, тесная связь с природой, устойчивость быта, традиций и т.д., тогда как тесная связь с природой, в свою очередь, влияет на форму пространственной организации деревни, на особенности деревенских домов, одежды, питания.

Рассмотрим происхождение слова *деревня* и то, как шло развитие его значения. Обращение к этимологии является важной частью анализа концепта: «...это та генетическая точка, в которой фокусируются остальные слои» [Алефиренко, 2020, с. 109]. Этимологический анализ позволяет проникнуть во внутреннюю форму слова, даёт возможность проследить историю возникновения и развития понятия, увидеть, как менялось его семантическое наполнение. Деривационный анализ (анализ словообразовательных связей) помогает установить номинативное поле концепта, выявить его дополнительные когнитивные признаки. Деривационная активность также является одним из критериев выделения ключевых культурных концептов [Вежбицкая, 1996, с. 76–79].

Для того чтобы произвести **этимологический анализ** лексем, эксплицирующих КД, мы обратились к данным 10 различных источников: энциклопедических словарей, отражающих этимологию слова и изменение его значения (например, энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона, этимологических словарей русского языка М. Фасмера, Н.М. Шанского, А.В. Семёнова, А. Ситниковой, Л.В. Успенского, «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина и т.д.).

Рассмотрим этимологию слова *деревня*, которая входит в **ядро** КД.

Деревня – это исконно русское слово. В таком значении оно не встречается больше ни в одном из славянских языков, где для обозначения такого же понятия используют другие слова, близкие к словам *село* и *весь* (например, болг. и с.-хорв. *сéло*, словен. *vas*, чеш. *Vesnice* и т.д.) [Черных, 1999, с. 242]. Существуют разные

точки зрения на происхождение слова *деревня*: одни исследователи возводят его к глаголу *драть*, другие – к существительному *дерево*.

1. «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона», авторы которого утверждают, что древнерусское слово *деревня* произошло от корня «дар, драти», то есть ‘пахать лесную новину’ (новина – не паханная ещё земля; целина). Оно родственно таким словам, как *дерюга* (росчисть) и *дор* (пастбище, сенокос), *дорище* (место, где находится дор).

В русском языке значение слова *деревня* развивалось от ‘места, очищаемого от леса и зарослей для нивы’, ‘пахотного поля’ к значению, зафиксированному в XVI веке: ‘участок земли с одним двором’ (причём говорили *жить на деревне*, а не *в деревне*) или ‘незначительная группа дворов с известным количеством пашни, сенокоса и леса’. И лишь затем появилось современное значение – ‘небольшое крестьянское поселение без церкви’» [Брокгауз, Ефрон, 1893, с. 429].

2. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера. М. Фасмер отмечает, что слово *деревня* первоначально означало ‘пашня’ и лишь со временем приобрело значение ‘крестьянский двор или хутор с участком земли’, а затем ‘селение’. В связи с этим оно восходит через лит. *dirvà* – ‘пашня, нива’, *dirvónas* – ‘пашня, оставленная под луг’ и лтш. *druva* – ‘пашня’ к русск. *деру́*. При этом происхождение от слова *дерево* М. Фасмер считает ошибочным [Фасмер, 2007, т. 1, с. 501–502].

3. «Этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, в котором утверждается, что слово *деревня* пришло в русский литературный язык из северного великорусского наречия. Учёный рассматривает точки зрения различных исследователей: 1) *деревня* происходит от корня **der-* (‘драть, деру́’) и связано с лит. *drivà* – ‘пашня, нива’ и латышск. *druva* – ‘драть, деру́’. Дополнительными аргументами являются значения лексемы *деревня*, сохранившиеся в диалектах: ‘пахотное поле’, ‘расчищенное от деревьев место’. Таким образом, развитие значения происходило от первоначального ‘очищенное от леса и зарослей место для нивы’ через ‘пахотное поле’ к ‘двор, т.е. хутор с участком земли’, а затем к современному ‘селение, село, деревня’; 2) слово

деревня происходит от существительного *дерево*, а в основе слова лежит представление о селении лесного типа. Аргументом к этой точке зрения служит то, что в украинском языке слово *деревня* до сих пор имеет значение ‘срезанные деревья’, ‘строевой лес’, ‘брёвна’. Ещё один аргумент в пользу этой версии – то, что *деревня* образовано от существительного *дерево* с помощью суффикса *-ьня* / *-ня*, а не напрямую от глаголов *драть*, *деру*. С этими глаголами *деревня* связана опосредованно, через существительное *дерево* [Шанский, 1973, с. 77–78].

4. «Этимологический словарь русского языка» А.В. Семёнова, где автор возводит слово *деревня* к основе *драть*, отмечая также его первоначальное значение ‘пашня’ и прослеживая развитие значения от ‘участка земли, очищенного от леса для земледелия’ до ‘крестьянского поселения’ [Семёнов, 2003, с.112].

5. «Этимологический словарь русского языка» А. Ситниковой. А. Ситникова тоже приводит значение ‘земля, пашня’ как первоначальное для слова *деревня*. Она отмечает, что современное значение фиксируется уже в текстах XIV века, а значение ‘пашня’ сохраняется на сегодняшний день только в диалектах [Ситникова, 2005].

6. «Этимологический словарь русского языка» Г.А. Крылова. Учёный рассматривает связь слова *деревня* с глаголом *драть*, *деру* опосредованно, через корень *дерево*, и отмечает, что изначально *деревня* – это ‘место, очищенное от леса’ [Крылов, 2005, с. 110].

7. «Почему не иначе? Этимологический словарь школьника» Л.В. Успенского. В словаре говорится о том, что вопрос этимологии слова *деревня* является спорным: одни учёные связывают его с глаголом *драть*, *деру* (*деревня* – это ‘место, на котором выдран, выкорчеван лес’, ‘расчисть под пашню’); другие считают, что оно ближе к существительному *дерево* и только через него связано с такими понятиями, как ‘выдирание’, ‘выкорчёвывание’ [Успенский, 1967, с. 107].

8. «Большой универсальный словарь русского языка» В.В. Морковкина. По данным словаря, древнерусское *дървъня* образовано от глагола *дърати* (*деру*) путём присоединения суффикса *-ня* (ср. *пашня*) и сначала имело значение ‘расчищенное, как бы выдранное, то есть освобождённое от зарослей место’ [БУС, 2018, с.398].

9. «Историко-этимологический словарь современного русского языка» под ред. П.Я. Черных. Изначально слово *деревня* имело значение ‘земля, годная под пашню’, ‘пашня’. Более раннее значение – ‘участок земли, очищенный от зарослей (вытеребленный) под пашню’. В пользу данной точки зрения говорит то, что *деревня* в значении ‘пашня, поле, пустошь’ до сих пор сохранилось в архангельском и вологодском говорах. Интересно также отметить, что, по наблюдениям А.А. Потебни, значение ‘пашня, земля, годная под пашню’ не встречается в ранних памятниках, а впервые его можно встретить в «Домострое» по списку Императорского Общества истории и древностей российских («торгом себя питает… или деревню пашет») или в заёмной грамоте 1550 года князя Ф. Ухтомского («за те деревни князь Данилу за росты (т.е. проценты) пахати»). По мнению А.А. Потебни, развитие значений лексемы *деревня* шло следующим путём: ‘вытеребливаемое и очищенное от леса и зарослей место для нивы’ –> ‘пахотное поле’ (как результат этого) –> ‘двор, то есть хутор, который стоит на этом участке земли’ –> ‘селение, село, деревня’ [Потебня, 1883, с. 18], причём развитие последнего значения происходит уже в XVII–XVIII вв. Неслучайно, ссылаясь на А.А. Потебню, П.Я. Черных приводит такую цепочку развития значения слова: от ‘пашни’ к ‘ниве’, затем к ‘жилищу при пашне’ и уже далее – к значению ‘населённый пункт’. П.Я. Черных не пишет прямо о происхождении слова от глагола *драть*, но в конце словарной статьи даёт ссылку к этому слову [Черных, 1999, с. 242–243].

10. Труды В.В. Колесова, который уточняет версию о происхождении слова *деревня* от глагола *драть*. Ученый пишет, что оно образовано от существительного *дервь*, которое происходит от действия *дърати* и означает ‘то, что выдирается с корнем’ [Колесов, 2014, с. 189]. Представляется, что данная версия снимает противоречие в словообразовании лексемы *деревня*, которая, по мнению сторонников происхождения этого слова от существительного *дерево*, не могла быть напрямую образована от глагола *драть*, а образована с помощью присоединения суффикса *-ня* к слову *дерево*. Отметим здесь, что в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» И.И. Срезневского находим следующее толкование

слова *дерба*, которое может быть родственным слову *дервь*, – ‘залежь, заросшая пашня, с которой срывается (сдирается) верхний слой’[Сл.РЯ XI–XVII 4, с. 219–220]. А в словаре вологодских говоров *дерба* толкуется как «небольшая подсека, выжженное из-под леса место для посева» [Волог. сл., с. 101]. Также в «Историко-лингвистическом словаре трилогии Государева вотчина» приводится значение диалектного слова *дербь* – «залежь, вновь поросшая лесом, целина» [Шарифуллин, 2007. [Электронный ресурс] – URL: https://sovereign_patrimony.academic.ru/337/%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%8C?ysclid=lx8bd29he64671428]. Всё это делает версию о происхождении слова *деревня* от существительного *дервь* более правдоподобной.

Кроме уточнения этимологии слова *дервь*, в работе В.В. Колесова представлены интересные наблюдения о развитии его значения. Учёный пишет, что слово *весь*, которое обозначало населённый пункт, с XVI века начинает постепенно вытесняться словом *село*, а затем *деревня*. Это связано с развитием значений *деревни* и *село* от ‘поле, пашня’ к значению ‘населённый пункт’, в то время как старые слова, использовавшиеся для этого раньше, становятся архаичными и постепенно закрепляются за торжественным (высоким) стилем книжной речи (как, например, слово *весь*). Происходит лексическая замена и в устойчивых выражениях: так, В.В. Колесов отмечает, что выражение *весь и село* превратилось в *деревня и село*. Например, в «Соборном уложении 1649 года» говорится уже о *сёлах и деревнях*, а не о *всех и сёлах* [Колесов, 2014, с. 189]. Что касается значения ‘расчищенный участок земли’, то в этом употреблении слово *деревня* было вытеснено словом *починок* (‘расчищенное под пашню место в лесу’).

Рассмотрим этимологию слова *село*, которое тоже входит в ядро КД.

1. «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона». В словаре ничего не говорится о происхождении данной лексемы, но приведены разные значения этой единицы: 1) древняя земледельческая единица, равная «двум плугам, с посевом 16 кадей ржи»; 2) «двор с дворищем и принадлежащими к нему пашней, пожнями, тонями, лесом, путиками и пр.» (в XIV и XV вв. в Двинских волостях); 3) центральное селение (в позднейших книгах сошного письма); 4) «крестьянское

селение, в котором есть церковь» (более современное значение) [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона, 1900, с. 368].

2. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера. Согласно автору, в древнерусском языке слово *село* имело значение ‘жилище; селение; поле’, в старославянском – ‘населённое место, дворы, жилые и хоз. постройки; поле, земля’. Слово является общеславянским, поэтому в родственных языках имеет схожее значение: словен. *sélo* – ‘почва, жилище, местечко, деревня’, чеш. *selo* – ‘село, пашня’, польск. *siolo* – ‘село’ и т.д. Лингвист отмечает родство праславянского **selo* ‘пашня’ с лит. *salà* ‘остров’, вост.-лит. *sola*, лат. *solum* ‘почва’ и т.д., но говорит, что его совпадение с **sedlo* ‘поселение’ в вост.-слав. и ю.-слав. чисто фонетическое. М. Фасмер опровергает версию А.А. Потебни о его связи с лит. *šalìs* ‘сторона, край’ и мнение А.И. Соболевского о связи с *сéять*, *сéмя* [Фасмер, 2007, т. 3, с. 596].

3. «Краткий этимологический словарь русского языка» (Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская). Слово рассматривается как общеславянское по происхождению. Авторы пишут, что в нём произошла контаминация таких слов, как *село* (‘населённое место’), образованное от той же основы, что глаголы *сесть*, *сидеть* с помощью суффикса **-dlo*, и *село* в значении ‘поле, земля’, близкое к латинскому *solum* (‘поле, почва, земля’), др.-в.-нем. *sal-* ‘дом, зал’ и литовскому диалектному *sala* (‘деревня’) [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 405].

4. «Этимологический словарь русского языка» А.В. Семёнова. Отмечается, что слово *село* происходит от общеславянского корня **selo* (‘жильё’), которое, в свою очередь, связано с индоевропейской основой **sel-* (‘жилое помещение’). Оно, в отличие от слова *деревня*, встречается во многих славянских языках. В древнерусском известно с XI в., было заимствовано из старославянского, где означало ‘жилище, шатёр, местопребывание, селение, поле, село, луг, земельный участок’. Тогда же распространилось много однокоренных слов: *селение*, *селище*, *селитва* (‘жильё’); а с XVI в. – *сельский*, *сельный*, *селянинъ* и т.д. [Семёнов, 2003, с. 249–250].

5. В «Этимологическом словаре русского языка» А. Ситниковой изложена та

же точка зрения, что и в словаре Н.М. Шанского о контаминации основ *сесть*, *сидеть* и лат. *solum* [Ситникова, 2004, с. 372].

6. «Этимологический словарь русского языка» Г.А. Крылова, автор которого считает слово *село* общеславянским и возводит его к той же основе, что и глагол *сесть* [Крылов, 2005, с. 356].

7. В «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных общеславянский корень **selo* возводится к индоевропейскому корню **sel* – ‘жилое помещение’. П.Я. Черных пишет, что тот же корень можно найти в литовских диалектах (*sala* – ‘деревня’), в др.-в.-нем. (*sal* – ‘жилище, обитель, зал’), в лат. (*solum* – ‘земля, почва’). Но в общеславянских языках слова этой группы частично смешались со словами, которые восходят к индоевропейскому корню **sed-* [Черных, 1999, с. 152].

8. «Большой универсальный словарь русского языка» В.В. Морковкина. В словаре указано, что слово *село* восходит к праславянскому **selo*, которое, в свою очередь, связано с индоевропейским корнем **sel-* (‘жилое помещение, жильё’), однако уточняется, что могла произойти контаминация со словами от индоевропейского корня **sed-* (‘садиться’), от которого происходит чешское *sidlo* (‘местонахождение’) [БУС, 2016, с. 1192].

9. В.В. Колесов пишет, что изначально *село* означало ‘участок земли’, а значение ‘селение’ было развито позже. Исследователь отмечает, что, в отличие от таких населённых пунктов, как погост, весь и т.д., село было феодальной собственностью князя или боярина. Этот факт также получил отражение в номинации сельских населённых пунктов на Русском Севере: так как сёла там были вольными и не принадлежали боярам или князьям, то в конце XV – начале XVI в. слово *село* на этих территориях перестало употребляться, а вместо него использовалось слово *деревня* [Колесов, 2014, с. 189–190]. Но в то время оно ещё употребляется, скорее, в значении ‘двор земледельца на его участке земли’ или ‘группа дворов’, потому что, как отмечает В.В. Колесов со ссылкой на учёного В.Я. Дерягина (см. «К истории слов *село* и *деревня* в русском языке»), на Русском Севере значение ‘деревня как многодворное крестьянское поселение’ возникло не

раньше XVIII в. [Колесов, 2014, с. 188].

Можно сделать вывод, что слово *село* является общеславянским и почти во всех славянских языках имеет значение ‘жилище’, ‘деревня’ или ‘почва’, в отличие от слова *деревня*, которое распространено в основном в русском языке. У слова *село*, так же как и у слова *деревня*, имеются разные версии происхождения: одни исследователи (Г.А. Крылов, А. Брюкнер) связывают его с глаголом *сесть* (восходящим к и.-е. корню **sed-*), другие (М. Фасмер, А.В. Семёнов, П.Я. Черных, В.В. Морковкин) – с индоевропейским корнем **sel-* (‘жилое помещение’), восходящим к лат. *solum* – почва. Есть также версии о его связи с лит. *šalìs* ‘сторона, край’ или с *сéять*, *сéмя*. Ряд исследователей склоняются к тому, что произошла контаминация двух корней: из слова *село* (‘населённое место’), образованного от той же основы, что и глаголы *сесть*, *сидеть* с помощью суффикса *-*dlo*, и из слова *село* в значении ‘поле, земля’, близкого к латинскому *solum* (‘поле, почва, земля’).

Таким образом, значение лексемы *село*, как и лексемы *деревня*, связано с землёй, с участком земли, расчищенным для земледелия. Также можно заметить, что развитие значения существительных *село* и *деревня* происходило сходным путём, по пути метонимического переноса и расширения: от ‘участка земли’ к ‘двору с принадлежащей ему пашней’ и затем к более современному – ‘крестьянское селение’.

Проведённый этимологический анализ слов, эксплицирующих КД, показывает, что слова *деревня* и *село* имеют в своём происхождении общую сему – ‘связь с землёй, земледелием’. Именно она лежит в основе внутренней формы этих лексем и является важным когнитивным признаком КД. Кроме того, оба слова прошли сходный путь развития, что подчёркивает их семантическую близость и принадлежность к одной концептуальной области, тогда как особенности прохождения и распространённости этих лексем (*село* – общеславянское, *село* и *деревня* – древнерусское) говорит о национальной специфиности КД.

О значимости КД для русского языкового сознания свидетельствует также система **деривационных связей** лексем. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Т. Тихонова, деривационное гнездо лексемы *деревня*

представлено следующими дериватами: *деревенъка*, *деревушка*, *деревнишка*, *деревнюшка*, *деревенский*, *однодеревенец*. Слово *деревенский*, в свою очередь, образует такие слова, как *деревенщина*, *по-деревенски* [Тихонов, 2008, с. 87].

Рассмотрим значения производных лексем «деревня».

Деревенька – уменьш. к «деревня» (в 1 знач.); мелкое сельское поселение [МАС, 1983, т. 1, с. 571].

Деревушка – уменьш. к «деревня» (в 1 знач.); небольшая «деревня» [МАС, 1981, т. 1, с. 570].

Деревнишка – уменьш.-унич. (к 1 знач.) [Ожегов, Шведова, 2006, с. 161]; умалит. [Даль, 2006, т. 1, с. 488].

Деревнюшка – уменьш.-унич. (к 1 знач.) [Даль, 2006, т. 1, с. 488].

Деревенский – прил. к «деревня». Живущий в деревне. Характерный для деревни (во 2 знач.), для жизни вне города [МАС, 1984, т. 4, с. 569]; крестьянский [ССРЛЯ, 1983, с. 386]; не городской, не фабричный; мужиковатый и необразованный [Даль, 2006, т. 1, с. 488].

Однодеревенец – устар. Тот, кто живёт с кем-л. в одной деревне [МАС, 1984, т. 4, с. 567].

Деревенища – прост. пренебр. О жителе деревни, о простоватом, грубом человеке [МАС, 1984, т. 4, с. 688]; (прост. пренебр., также бран.). Грубый, простоватый человек. Неотёсанная д. [ССРЯ, Шведова]; неуч, невежа, грубый, необразованный человек (об.) [Даль, 2006, т. 1, с. 488].

По-деревенски – так, как характерно для деревенских жителей, для жителей деревни [Ефремова, 2000, с. 645].

Деревá (сиб.) – неуч, невежа, грубый, необразованный человек [Даль, 2006, т. 1, с. 488].

Деревенщик (-щица) (стар.) и *деревенец* (арх.) – деревенский житель, противоположно горожанину и сельчанину, жителю города, села [Даль, 2006, т. 1, с. 488].

Отметим, что в XX веке слово *деревенщик* получило новое значение – ‘писатель’ (писатель-деревенщик), который пишет о деревне, представитель

деревенской прозы [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 220].

В словаре русского арго зафиксировано слово *дерёвня* с нарушением орфоэпической нормы, что придаёт слову особую экспрессивную окраску: *дерёвня* – (жарг.) ‘неотёсанный, грубый, некультурный человек’. См.: *В «центре» ребята ругаются: «Эй ты, деревня!», «Серяк», «Красный лапоть» и так далее*. В.П. Аксёнов, «Звёздный билет» // «Юность», 1961 г. [НКРЯ] [Словарь русского арго, Елистратов, 2002, с. 110].

Таким образом, деривация от слова *деревня* идёт по нескольким семантическим направлениям:

- 1) размер деревни: *деревенька, деревушка, деревнишка*, при этом сема ‘маленький размер’ часто совмещается с оценкой;
- 2) жители деревни: *деревенщик, деревенец, однодеревенец*;
- 3) то, что имеет отношение к деревне (‘такое, как в деревне’, ‘так, как в деревне’): *деревенский, по-деревенски*;
- 4) эмоциональная оценка: *деревнишка, деревенюшка, деревенщина, деревня*.

Как мы видим, деривационные связи слова *деревня* в современном русском языке не очень обширные (всего 8 производных), и их количество по сравнению с прошлыми веками постепенно уменьшается (например, *деревенщик, деревенец, однодеревенец* в качестве обозначений жителей деревни являются уже устаревшими словами). Также среди производных представлены не все части речи. В основном это существительные, а прилагательных и наречий довольно мало (*деревенский, по-деревенски*), глаголы и другие части речи отсутствуют. Многие лексемы стилистически окрашены: являются просторечными или жаргонными и выражают отношение, оценку (*деревенюшка, деревенщина*), о чём говорят словарные пометы «уничижительное», «пренебрежительное», «бранное».

Можно сделать вывод, что в деривационных связях ядерной лексемы-репрезентанта КД актуализируются такие когнитивные признаки, как ‘населённый пункт небольшого размера’, ‘деревня – объект оценки’, а также ‘деревня как объект оценки’ – либо положительной, выражющей ласковое и любовное отношение (*деревенька, деревенюшка*), либо отрицательной, отражающей уничижительное

отношение (*деревушка, деревнишка*). Жители деревни тоже подвергаются негативной оценке (*деревенщина, деревня* в значении ‘необразованный, грубый житель деревни’). Со временем эти слова стали употребляться не только по отношению к деревенским жителям, но и для обозначения любого грубого, необразованного человека. Негативная оценка формирует ещё один когнитивный признак: ‘жители деревни – необразованные, грубые, некультурные люди’», что в целом также характеризует деревню в стереотипном восприятии как ‘место, где живут необразованные, грубые, некультурные люди’, ‘место, где отсутствует культура, образование’, ‘место, где много негативных явлений’.

Отметим богатую номинацию жителей деревни, которая уже вышла из языкового узуса (*однодеревенец, деревенец, деревенщик, деревенница*). Это формирует исторический когнитивный признак концепта: ‘раньше в деревне жило больше людей, деревня была одной из самых распространённых форм поселений в России’. В толкованиях этих слов присутствуют такие семы, как ‘противопоставленность городским жителям’, ‘противопоставленность сельским жителям’, ‘житель той же деревни, что и кто-либо’. Вероятно, актуальность этих признаков была вызвана тем, что когда-то население деревни было более многочисленным, чем сейчас, а разница между деревней, селом и городом проявлялась резче. Из-за этого была более актуальна оппозиция ‘свой – чужой’, которая нашла отражение и в языке (см. *однодеревенец* – ‘житель той же деревни’). Но в XX веке население русской деревни стало резко сокращаться, а граница между городом и селом – стираться. Противопоставление деревни и города всё ещё существует, но из-за развития технологий и транспорта, из-за сокращения деревенского населения постепенно нивелируется разница между деревней и селом, а также другими сельскими населёнными пунктами. Всё это повлияло на исчезновение производных от слова *деревня* со значением ‘житель деревни’ из активного словоупотребления. В СССР большую распространённость приобрели сёла, поэтому и номинация сместилась в сторону производных этой лексемы (*сельчанин, односельчане*). В настоящее время для обозначения жителей деревни применяется только описательная номинация *деревенский житель / деревенские*

жители, оценочное слово *деревеничина* для выражения презрительного отношения и субстантивированное прилагательное *деревенские*. Исходя из этого можно сформулировать такой когнитивный признак КД, как ‘деревня – населённый пункт, в котором становится меньше жителей, заброшенное, глухое место’. Кроме того, всё ещё важен признак ‘деревня – населённый пункт, противоположный городу’ (см. *деревенский* – ‘характерный для жизни вне города’).

Словообразовательное гнездо лексемы *село* насчитывает больше производных, чем у лексемы *деревня*: *сельцо*¹, *селишко*, *селище*², *сельчанин*, *селянин*, *сельбище*³, *сельщина*, *сельский*, *присёлок* (–> *присёлочек*), *просёлок* (–> *просёлочек*, *просёлочный*), *новосёлок*⁴, *односелец*, *односельчанин*, *старосёл*⁵ (*староселье*⁶) [Тихонов, 2008, с. 87–88].

От слова *сельчанин*, в свою очередь, образованы *сельчанка*, *односельчанин*, *односельчанка*, от слова *селянин* – *селянка*, *селянство*⁷, *селянский*⁸.

Слово *сельский* имеет следующие производные: *по-сельски*, *сельскохозяйственный*, *селькор* (сельский корреспондент и ряд производных от него – *селькорка*, *селькорство*, *селькоровский*), *сельмаг* (сельский магазин), *сельпо* (сельское потребительское общество), *сельсовет* – (сельский совет и производные – *сельсоветчик*, *сельсоветский*), *рабселькор* (и производное – *рабселькоровский*). Довольно много производных у лексемы *сельскохозяйственный*, образованных путём аббревиации: *сельхозартель* (сельскохозяйственная артель), *сельхозбанк* (сельскохозяйственный банк), *сельхозинвентарь* (сельскохозяйственный инвентарь), *сельхозкооперация* (сельскохозяйственная кооперация), (сельскохозяйственная машина), *сельхозналог* (сельскохозяйственный налог), *сельхозорудие* (сельскохозяйственное орудие), *сельхозугодья*

¹ В старину: небольшая деревня при помещичьей усадьбе; сейчас вообще небольшая деревня [Ожегов, Шведова, 2006, с. 710].

² Селище – место, на котором было расположено селение [Ушаков, 1940, т. 4, с. 187].

³ То же, что селитьба. Земельная площадь в городах и др. населённых пунктах, занятая постройками, садами, городскими проездами; То же, что селище в 1 знач. [там же].

⁴ Новый посёлок [Ефремова, 2000, с. 646].

⁵ Старожил (диал.) [Ефремова, 2000, с. 647].

⁶ Обжитое, давно заселённое место [Ушаков, 1940, т. 4, с. 488].

⁷ То же, что крестьянство [Ефремова, 2000, с. 648].

⁸ То же, что крестьянский [Ефремова, 2000, с. 648].

(сельскохозяйственные угодья), *райсельхозотдел* (районный сельскохозяйственный отдел). Такой способ словообразования был особенно актуален в советскую эпоху, когда создавались колхозы и совхозы, проводилась активная механизация сельского хозяйства.

Таким образом, деривация от слова *село* происходила по нескольким семантическим направлениям:

- 1) размер: *сельцо, селище, селишко, сельбище, присёлок, присёлочек*;
- 2) время существования населённого пункта: *новосёлок, староселье*;
- 3) жители села: *односелец, односельчанин, односельчанин, старосёл, сельчанин, сельчанка, селянин, селянка, селянство, старосёл* (эта группа шире, чем у лексемы *деревня*, и многие слова из неё до сих пор используются для обозначения жителей сельской местности, в том числе и деревни);
- 4) то, что имеет отношение к селу, к его жителям: *сельский, по-сельски, селянский*;
- 5) сельская жизнь: *селькор, селькорка, селькорство, рабселькор, селькоровский, сельмаг, сельпо, сельсовет, сельсоветчик, сельсоветский*;
- 6) сельская деятельность: *сельскохозяйственный, сельхозартель, сельхозбанк, сельхозинвентарь, сельхозкооперация, сельхозмашин, сельхозналог, сельхозорудие, сельхозугодья, райсельхозотдел*;
- 7) эмоциональная оценка и выражение субъективного отношения к селу: *сельцо, селишко, селище, присёлочек*;
- 8) другие производные, связанные с жилым или когда-то жилым пространством: *сельбище, селище, просёлок*.

Таким образом, словообразовательное гнездо лексемы *село* намного шире, чем у лексемы *деревня*, при этом четыре семантических направления деривации совпадают ('размер', 'жители', 'то, что имеет отношение к населённому пункту', эмоциональная оценка и выражение субъективного отношения), но у лексемы *село* все эти группы представлены большим количеством дериватов. Кроме того, появляется ещё четыре семантических признака, которых нет у лексемы *деревня*: 'время существования населённого пункта', 'сельская жизнь', 'сельская

деятельность', 'другие производные, связанные с пространством'. Многие производные связаны с советским периодом истории, когда жизнь в деревне и селе претерпевала большие изменения и стремительно модернизировалась.

Такая деривационная «активность» лексемы *село* свидетельствует о высокой номинативной плотности концепта, а значит, его актуальности для русского языкового сознания. Многие из производных связаны с деревенской жизнью и с лексемой *деревня*, особенно во втором её значении ('сельская местность'). Названия жителей села также стали использоваться для обозначения жителей деревни (*сельчанин, односельчане*) вместо устаревших (*однодеревенец, деревенец, деревеничик*). Это подтверждает, что лексемы *деревня* и *село* во многом пересекаются и относятся к одной концептуальной области, которая обозначается именем концепта 'Деревня'.

На основе проведенного этимолого-деривационного анализа лексем, эксплицирующих КД, и выявленных когнитивно-семантических признаков можно попытаться смоделировать структуру КД.

Внутреннюю форму КД составляет глагол *драть, деру*. Но современными носителями русского языка это уже не осознаётся, сейчас слово *деревня* больше связывается со словами *дерево, деревянный* как населённый пункт, в котором дома построены в основном из дерева, или как населённый пункт, который стоит в окружении леса, деревьев. В слове *село* внутренняя форма тоже не полностью осознаётся современными носителями русского языка: в их сознании оно может связываться с глаголами *сесть, сидеть*, хотя, по данным этимологического анализа, происхождение существительного *село* также связано с лат. *solum* – 'поле, почва, земля'.

К историческому слою КД относятся значения 'место, расчищенное под пашню', 'пашня', 'место проживания с несколькими домами возле такой пашни'. Этот исторический слой настолько глубок, что уже не осознаётся современными носителями языка, но в их сознании до сих пор остаётся актуальным когнитивный признак 'связь с землёй, с земледелием', который уходит корнями в глубь истории концепта и входит в его понятийный слой, так как зафиксирован во многих

дефинициях лексем *деревня* и *село*. В целом исторический слой КД можно разделить на две части – 1) *деревня* до революции 1917 года; 2) *деревня* после революции. Согласно данным этимолого-деривационного анализа, можно выделить следующие когнитивные признаки «дореволюционного» слоя: раньше в деревне жило больше людей, это была более распространённая форма поселений, чем сейчас; раньше жители деревни противопоставлялись сельским жителям, что говорит о более существенной разнице между деревней и селом. У лексемы *село* как репрезентанта КД более наполненным оказывается «послереволюционный» слой, о чём говорит ее активная деривация в эпоху СССР. Образуется большое количество слов, связанных с организацией жизни в селе или с сельскохозяйственной деятельностью, что связано с развитием и модернизацией села¹. Высокая номинативная плотность КД, эксплицируемая производными от лексемы *село* в советский период, свидетельствует о его значимости для русской языковой картины мира, а также о том, что село как тип населённого пункта постепенно вытесняет деревню.

Актуальный (современный) слой можно разделить на *понятийное, интерпретационное (включая оценочное) и ценностное поле*.

К понятийному полю КД будут относиться следующие ядерные когнитивные признаки: первый – ‘населённый пункт небольшого размера’, второй, обусловленный функцией деревни – ‘населённый пункт, связанный с землёй, земледелием, сельским хозяйством’.

В центре интерпретационного поля находится такой важный признак, как ‘что-то противоположное городу’. Также можно выделить признак деревня – ‘объект оценки’, которая может быть как мелиоративной, так и пейоративной (вплоть до уничижительности – ‘место, где живут необразованные, грубые, некультурные люди’, ‘место, где отсутствует культура, образование’, ‘место, где много негативных явлений’). Негативная оценка, связанная с деревней, представлена в сознании носителей русского языка довольно ярко, что связано с

¹ Но эти процессы имели и обратную сторону: развивались в основном крупные сёла и деревни, а мелкие («неперспективные») ликвидировались или укрупнялись. В результате это негативно сказалось на жизни деревни, привело к её деградации [БРЭ, Ковалёв, 2023].

бедностью, разрухой и отсталостью в деревенской местности, поэтому здесь же выделить третий когнитивный признак ‘деревня – населённый пункт, в котором становится меньше жителей, заброшенное, глухое место’ (при этом в отношении села такая оценка представлена слабее: среди деривативов присутствует только одно слово с негативной окраской – *селишко* (пренебрежительное)).

Ценностное поле в целом поддерживается культурной оппозицией ‘свой – чужой’ (см. *однодеревенец*, *односельчанин*) и высокой номинативной плотностью КД, полисемией языковых репрезентантов и развитыми деривационными связями.

2.2. Семантико-дефиниционный анализ лексем, эксплицирующих концепт ‘Деревня’

Как было показано ранее, важной частью лингвокультурологического анализа является изучение лексикографических данных, так как именно в них отражено основное содержание концепта: «...семантика языковой единицы, а значит и существенная доля базового содержания концепта, отражены, прежде всего, в лексикографических источниках» [Апресян, 1995, с. 56]. В этой части работы мы рассмотрим дефиниции лексемы *деревня*, которая является ядерной лексемой-репрезентантом КД, а также дефиниции лексемы *село*, которая является ближайшим синонимом лексемы *деревня* и потому тоже входит в ядро КД, что в совокупности позволит выделить основные семы и максимально полно описать понятийное поле КД.

Обратимся к **дефинициям** лексемы *деревня*, которые мы проанализировали по данным трёх энциклопедических и 13-ти толковых словарей русского языка XIX–XXI вв.

Энциклопедические словари:

1. «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона»: в качестве современного рассматривается значение ‘небольшое крестьянское поселение без церкви’ [Брокгауз, Ефрон, 1893, с. 429].
2. «Большая советская энциклопедия», где выделяется узкое и широкое

значения понятия ‘деревня’:

1) узкое значение: небольшое земледельческое поселение, один из видов сельских населённых пунктов;

2) широкое значение: весь комплекс социально-экономических, культурно-бытовых и природно-географических особенностей и условий жизни деревни как социально-экономической категории, противопоставляемой городу.

В узком значении в качестве основных выделяются такие семы, как размер населённого пункта (‘небольшое’), функция (‘земледельческое’). В широком – то, что это особая категория, комплекс условий и особенностей жизни, противоположный городу.

3. Лингвострановедческий словарь «Россия». В словаре дано краткое определение: «Небольшое крестьянское селение» [Лингвострановедческий словарь «Россия», 2014–2018, с. 639].

Толковые словари русского языка XIX–XXI вв.:

1. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. В словаре выделяется одно основное значение: ‘крестьянское селение, в котором нет церкви’. В качестве дополнительных приведены диалектные значения: ‘поле, полоса, земля, пустошь; пашня’ (в архангельских и вологодских говорах), ‘груда срубленных деревьев’ (в западных говорах), также выделяется значение ‘деревянный дом’ [Даль, 2006, с. 488]. Иначе – в толковании актуализируются такие семы, как ‘населённый пункт’, ‘жители этого населённого пункта’ (крестьяне), ‘наличие/отсутствие церкви’; в диалектных значениях сохраняется сема ‘земля, пашня’, но, как мы видим, в XIX веке она уже не входит в ядро концепта, а остаётся на его периферии. В производных словах актуализируются такие семы, как ‘противопоставление города деревне’, ‘место, где живут грубые, необразованные люди’. Интересно, что житель деревни противопоставляется жителю села (‘противоположно горожанину и сельчанину, жителю города, села’), то есть *деревня* и *село* в сознании носителей языка отличаются друг от друга в тот период.

2. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. В толковании мы находим несколько лексико-семантических вариантов (далее –

ЛСВ) лексемы *деревня*:

- 1) крестьянское селение;
- 2) то же, что и село во втором значении ('сельская, деревенская местность');
- 3) сельское население.

Фиксируется также особое значение в словосочетании *Олимпийская деревня* – специальный городок для спортсменов, участвующих в Олимпийских играх.

Наличие ЛСВ говорит о том, что продолжается развитие значения слова по принципу метонимии. Кроме того, теряют актуальность некоторые семы: в первом значении не указан признак 'наличие/отсутствие церкви' как релевантный для отличия деревни от других населённых пунктов, но ещё сохраняют важность такие семы, как 'населённый пункт' и 'жители' ('крестьянское селение'). Также стоит отметить, что в словаре не выделяется значение 'грубый, необразованный человек' [Ожегов, Шведова, 2006, с. 244].

3. В «Большом академическом словаре русского языка» лексема *деревня* имеет четыре значения:

- 1) крестьянское, сельское поселение, обычно небольшое. В доревол. России помещичье крепостное имение с усадьбой;
- 2) в знач. собир. Жители такого поселения. Сельское население, крестьянство;
- 3) Сельская местность (в отличие от города);
- 4) Прост. Бран. О простоватом, глупом человеке [БАС, 2006, с. 20].

В первом значении, составляющем ядро понятия 'деревня', актуализируются семы размера, функции и типа поселения: *деревня* – это «обычно небольшое», «сельское», «крестьянское» поселение. Интересно замечание о том, что в дореволюционной России деревня – это помещичье крепостное имение¹ с усадьбой². Такое дополнение отражает социальные изменения в жизни деревни, говорит о том, что её устройство поменялось, и деревня XX века отличается от

¹ Имение – 1. Поместье, земельное владение. 2. Имущество, собственность (устар.) [«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, 2006, с. 244].

² Усадьба – 1. Отдельный дом с примыкающими к нему строениями, угодьями. 2. Посёлок, место, где расположены жилые дома и хозяйственные постройки совхоза, колхоза. 3. В сельской местности: участок земли при доме [«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, 2006, с. 838].

деревни в XIX столетии. Но в значении сохранилась историческая сема: ‘деревня – это то, что принадлежит помещику; место, где есть крепостные и усадьба’. Также в БАС выделяется значение ‘о простоватом, глупом человеке’.

4. «Малый академический словарь русского языка» (далее – МАС) под ред. А.П. Евгеньевой. В МАС выделяется три ЛСВ:

- 1) крестьянское селение;
- 2) сельская местность;
- 3) сельские жители, сельское население [МАС, 1981–1984, т. 1, с. 388].

5. «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой. В словаре зафиксировано три значения, но они несколько отличаются от ЛСВ в других словарях:

- 1) сельское – обычно небольшое – поселение. В этом значении акцентируется сема размера. Значение ‘жители такого поселения’ не рассматривается здесь как отдельное, а является дополнительным к первому и дано с пометой «разговорное»;
- 2) сельская – в отличие от города – местность. Данное значение актуализирует сему противопоставления городу. Значение ‘население такой местности; крестьянство’ в словаре Т.Ф. Ефремовой отделено от значения ‘жители такого поселения’ и дано как дополнительное к ЛСВ ‘сельская местность’, который так же имеет ограниченную область функционирования – в разговорном языке;
- 3) помещичье крепостное имение с усадьбой (в Российском государстве до 1917 г.). Во многих словарях это значение не выделяется или рассматривается как часть значения ‘крестьянское, сельское поселение, обычно небольшое’ (например, в БАС).

Значение же ‘простоватый человек’ рассматривается в словаре не как ЛСВ, а как отдельная лексема [Ефремова, 2000, с. 636–641].

6. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова дано три значения лексемы *деревня*:

- 1) небольшое крестьянское селение;
- 2) жители, население деревни || сельское население, крестьянство;
- 3) то же, что деревенщина (простореч. пренебр. устар.).

Здесь не выделено значения ‘сельская местность’, хотя есть ‘сельское население, крестьянство’, которое рассматривается как дополнительное к ЛСВ ‘жители, население деревни’ [Ушаков, 2014, с. 113].

7. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, где представлено три значения:

1) крестьянское селение;

2) сельская местность (в противоположность городу);

3) сельское население, крестьянство (см. олимпийская деревня; на деревню дедушке) [Кузнецов, 2000, с. 498].

8. В «Современном словаре русского литературного языка» рассматривается два значения:

1) поселение, жители которого занимаются преимущественно сельским хозяйством. В первом ЛСВ также представлена *деревня* в собирательном значении («На её [доревол. *деревни*] место выступает новая *деревня* с её общественно-хозяйственными постройками, с её клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслими, с её тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями. Сталин, Отч. докл. XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) (т. 13, с. 335)»). На наш взгляд, этот вариант близок к значению ‘сельская местность’, выделяемому в других толковых словарях; также здесь дополнительно отмечается оттенок значения ‘о помещичьем крепостном имении’;

2) жители, население деревни (собир.) [ССРЛЯ, 1954, т. 3, с. 386].

9. «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой. В словаре содержатся следующие значения:

1) крестьянское селение;

2) деревенская местность;

3) население деревень, деревни;

4) м. и ж. То же, что деревенщина (прост. пренебр.).

Как видим, здесь нет актуализации семы размера населённого пункта, актуализирована только сема ‘жители’. Также не рассмотрены значения ‘население сельской местности’, ‘помещичья усадьба’ [Шведова, 1998, с. 1000].

10. «Большой толковый словарь русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко, котором приведено два довольно разнёрнутых значения:

1) населённый пункт в России среднего или небольшого размера, заселённый крестьянами, занимающимися земледелием, животноводством, пчеловодством и т.д.;

2) люди, живущие в сельской местности (в отличие от города), в деревне, мало пользующиеся благами цивилизации, не обладающие в достаточной степени внешними признаками городской культуры [Бабенко, 2005, с. 960].

Ключевыми семами становятся ‘населённый пункт’, ‘размер населённого пункта’, ‘жители’, ‘род занятий жителей’. Интересно, что отсутствует нейтральное собирательное значение слова *деревня* – ‘жители деревни’, а сразу дано оценочное (‘не обладающие в достаточной степени внешними признаками городской культуры’), синонимом которому могло бы быть слово *деревенщина*. Это позволяет говорить о том, что в качестве одной из важных сем выделяется сема ‘негативная оценка жителя деревни, его несоответствие определённой культурной норме’.

11. «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина:

1) небольшой населённый пункт в сельской местности; в качестве дополнительного значения выделяется ‘жители такого населённого пункта’;

2) такие населённые пункты со свойственными им особенностями, отличающими их от города (собир.), а также местность, где ведётся крестьянское хозяйство. В качестве дополнительного значения с пометой «разг.» приведено значение ‘о жителе, жителях таких населённых пунктов, приехавших в крупный город и невыгодно выделяющихся особенностями своего поведения, манер и т.п. среди горожан’ (синоним – *деревенщина*), то есть здесь также актуализируется сема негативной оценки жителя деревни, его противопоставления городским жителям. Ещё одно дополнительное значение, которое развило на основе негативной оценки деревенского жителя, – ‘о человеке тёмном, отсталом, не знающем чего-л. очевидного, известного всем’ с пометами «разг. шутл.».

Кроме того, в словаре особо выделяется словосочетание *Олимпийская*

деревня – ‘специальный городок для участников Олимпийских игр’ [Большой универсальный словарь русского языка, 2018, с. 708–709].

12. «Малый толковый словарь русского языка» под ред. В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной. В словаре рассматривается два значения:

- 1) крестьянское селение, а также (собир.) люди, живущие в нём;
- 2) сельская местность [Лопатин, Лопатина, 1998, с. 185–186].

ЛСВ, которой во многих других рассмотренных словарях выделялся в отдельный (‘население деревни’), здесь рассматривается как часть первого. Также в словаре отдельно даётся значение словосочетания *Олимпийская деревня* – ‘городок для проживания спортсменов – участников Олимпийских игр’.

13. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.В. Дмитриева, предлагающий пять значений:

1. Деревней называют небольшое крестьянское селение, которое обычно располагается в отдалении от города и окружено лесами, полями и т.п.
2. Деревней называют сельскую местность с присущим ей укладом жизни (в отличие от города).
3. Деревней называют человека, который плохо разбирается в чём-либо.

В словаре также выделены фразеологизированные значения:

4. Олимпийской деревней называют посёлок или район города, который специально построен для участников Олимпийских игр.

5. Выражение «на деревню дедушке» употребляется в случаях, когда точный адрес кого-либо неизвестен [Дмитриев, 2003, с. 705–707].

Таким образом, в современном русском языке лексема *деревня* имеет следующие значения (расположены в порядке удаления от семантического ядра):

- 1) обычно небольшое (малых или средних размеров) крестьянское селение или населённый пункт без церкви, в котором занимаются сельским хозяйством (земледелием, животноводством, пчеловодством т.д.) и которое обычно располагается в сельской местности, в отдалении от города, окружено лесами, полями и т.д.;
- 2) (собир.) сельская, деревенская местность с присущим ей укладом жизни;

такие населённые пункты со свойственными им особенностями (в отличие от города, в противоположность городу); местность, где ведётся крестьянское хозяйство (то же, что *село* во 2-м значении); комплекс социально-экономических, культурно-бытовых и природно-географических особенностей и условий жизни деревни как социально-экономической категории, противопоставляемой городу;

3) (собир.) сельское, деревенское население, сельские жители, крестьянство, люди, живущие в деревне;

4) люди, живущие в сельской местности (в отличие от города), в деревне, мало пользующиеся благами цивилизации, не обладающие в достаточной степени внешними признаками городской культуры;

5) жители деревенской, сельской местности, приехавшие в крупный город и невыгодно выделяющиеся особенностями своего поведения, манер и т.п. среди горожан;

6) тёмный, отсталый, простоватый человек, который плохо разбирается в чём-либо, не знает чего-л. очевидного, известного всем (разг., шутл., бран., простореч., пренебр., устар.); то же, что *деревенщина*;

7) помещичье крепостное имение с усадьбой (до революции 1917 года);

8) Олимпийская деревня – специальный городок или городской квартал (посёлок или район города), построенный специально для проживания участников Олимпийских игр.

Стоит отметить, что сема ‘без церкви’ встречается в малом количестве дефиниций, что говорит о её неактуальности и вхождении в исторический слой КД.

Значения третье, четвёртое и пятое похожи и имеют общие семы (‘жители деревни’), но мы выделили их в отдельные значения, так как у них есть дифференциальные семы (третье – нейтральное значение, речь идёт о любых жителях деревни в целом; четвёртое – оценочное значение, жители деревни, которые обладают негативными качествами, в отличие от жителей города; пятое – бывшие жители деревни, которые приехали в город и обладают негативными качествами, что противопоставляет их жителям города). В шестом значении речь не обязательно идёт именно о жителях деревни, бывших или настоящих. Это может

быть любой человек, который обладает перечисленными отрицательными качествами, здесь слово *деревня* получило уже нарицательный смысл.

На наш взгляд, в ядерную зону КД входит первое значение, ближнюю периферию составляют второе и третье, дальнюю периферию – четвёртое, пятое, шестое значения, а крайнюю – седьмое и восьмое.

На основе анализа понятийного компонента КД можно выделить несколько семантико-когнитивных признаков: *деревня* – ‘населённый пункт небольшого размера’, ‘населённый пункт, где живут крестьяне’, ‘населённый пункт, где занимаются сельским хозяйством, в том числе земледелием’, ‘населённый пункт, в котором нет церкви’ (устаревшая сема, которая находится в историческом слое концепта), ‘находится вдали от города’, ‘находится в окружении природы’, ‘деревня – это сельская местность’, ‘деревня имеет свой уклад жизни и свои особенности’, ‘деревня – это что-то противоположное городу’, ‘место, где живут нецивилизованные, некультурные и необразованные люди, в отличие от городских жителей’. Кроме того, есть ещё один когнитивный признак, который можно отнести к историческому слою концепта: ‘раньше деревни принадлежали помещикам, в них жили крепостные и были поместья усадьбы’.

Рассмотрим дефиниции лексемы *село*, которая входит в КД.

1. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. В словаре лексема *село* рассматривается в словарной статье глагола *селить* и выделено одно значение – ‘обстроенное и заселённое крестьянами место, в котором есть церковь’ [Даль, 2006, т. 4, с. 173]. Здесь зафиксирована сема ‘наличие церкви’ (в отличие от деревни), но в настоящий момент эта сема уже потеряла свою актуальность.

2. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, где представлено два ЛСВ:

- 1) большое крестьянское селение (в настоящее время – административный центр сельского района);
- 2) (ед.) сельская, деревенская местность.

В первом значении выделяется сема ‘размер’ («большое») и сема ‘функция’ («административный центр сельского района»), что отличает данное

существительное от существительного *деревня*.

Второй ЛСВ является общим с лексемой *деревня* [Ожегов, Шведова, 2006, с. 710].

3. В «Большом академическом словаре русского языка» лексема *село* имеет четыре значения:

- 1) большое крестьянское селение, обычно хозяйственный и административный центр для близлежащих более мелких населённых пунктов;
- 2) любой населённый пункт негородского типа;
- 3) (собир.) жители села;
- 4) (ед.) сельская местность; деревня (противоп. городу) [БАС, 2006, с. 750].

В первом значении актуализируются семы ‘размер’ («большое»), ‘функции’ (‘хозяйственный, административный центр’). Во втором и третьем – сема ‘противопоставленность городу’. В целом семантическая структура лексемы *село* сходна с семантической структурой лексемы *деревня*, у них выделяются похожие значения, и то и другое обозначает сельскую, деревенскую местность, противопоставленную городу.

4. «Малый академический словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, в котором представлена следующая дефиниция слова *село*:

Большое крестьянское селение, хозяйственный и административный центр для близлежащих деревень (в дореволюционной России обязательной принадлежностью такого селения была также церковь).

Кроме того, дано два факультативных значения: ‘жители такого селения’ и ‘сама местность, где расположены такие селения, где ведётся крестьянское хозяйство’ [МАС, 1981–1984, с. 73].

5. «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» под ред. Т.Ф. Ефремовой содержит три значения слова *село*:

- 1) большое крестьянское селение, обычно хозяйственный и административный центр для близлежащих более мелких населённых пунктов. // разг. Жители такого селения;
- 2) любой населённый пункт негородского типа;

3) селение с церковью (в Российском государстве до 1917 г.) [Ефремова, 2000, с. 721–722].

Следует отметить, что в данном словаре значение ‘жители такого селения’ рассматривается как оттенок первого значения, а ЛСВ ‘сельская местность’ вообще отсутствует. Вероятно, это значение входит во второй ЛСВ ‘любой населённый пункт негородского типа’. Ещё одна интересная особенность – то, что сема ‘селение с церковью’, которая в других словарях обычно даётся в составе первого ЛСВ (‘населённый пункт’), здесь выделена в отдельное значение с пояснением «в Российском государстве до 1917 г.», что говорит о неактуальности данной семы в настоящее время и её принадлежности к исторической зоне концепта.

6. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. В словаре выделено только одно основное значение – ‘большое крестьянское селение, обычно хозяйственный и административный центр для близлежащих деревень’. В качестве дополнительной семы находим: ‘селение с церковью (дореволюц.)’, что вновь свидетельствует о неактуальности этой семы для современного села [Ушаков, 2014, с. 618].

7. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова предлагает следующие дефиниции:

1) большое крестьянское селение, хозяйственный и административный центр для близлежащих деревень (в России до 1917 г. – обязательно с церковью); любой населённый пункт негородского типа;

2) а) (собир.) жители такого селения; б) расш.; разг. О невежественном, наивном или отсталом в чём-л. человеке;

3) (только ед.) сельская местность, деревня (противоп.: город) [Кузнецов, 1998, с. 621–622].

В данном словаре мы видим семантическую структуру, очень близкую к структуре слова *деревня*: выделяется даже оттенок значения ‘о невежественном, наивном или отсталом в чём-л. человеке’, чего нет в дефинициях слова *село* в других словарях.

8. «Современный словарь русского литературного языка», где

рассматриваются три значения:

- 1) большое крестьянское селение, обычно хозяйственный и административный центр для близлежащих более мелких населённых пунктов. Дополнительно выделяется 'В дореволюционной России – селение с церковью';
- 2) любой населённый пункт негородского типа;
- 3) (собир.) жители села [ССРЛЯ, 1954, т. 13, С–Сняться, с. 587–588].

В данных толкованиях присутствуют такие семы, как 'размер' («большое крестьянское селение»), 'жители', 'население' («крестьянское»), 'функция' («хозяйственный и административный центр»), 'центральное положение по отношению к другим населённым пунктам' («центр»), 'противопоставленность городу' («населённый пункт негородского типа»), устаревшая сема 'наличие церкви'.

9. «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой. В словаре содержатся следующие значения:

- 1) большое крестьянское селение (в старое время со своей церковью; в настоящее время административный центр сельского района);
- 2) сельская, деревенская местность [Шведова, 1998, с. 789–790].

10. «Большой толковый словарь русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко содержит две словарные статьи со словом *село*.

Село – это населённый пункт в сельской местности, больший по размеру, чем деревня, с крестьянским населением, являющийся хозяйственным и административным центром для близлежащих деревень (в дореволюционной России обязательной принадлежностью такого селения была церковь)».

Село означает совокупность населённых пунктов негородского типа (сёл, деревень, хуторов и др.) и примыкающих к ним местностей (в отличие от города) [Бабенко, 2005, с. 612–614].

11. «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина. В словаре приведены следующие значения:

- 1) большой крестьянский населённый пункт, который является хозяйственным и административным центром для ближайших деревень и хуторов

(в России до 1917 г. обязательной принадлежностью такого населённого пункта была церковь). В качестве дополнительного в первом толковании рассматривается значение ‘жители такого населённого пункта’;

2) (ед.) такие населённые пункты со свойственными им особенностями, отличающими их от города, а также местность, где ведётся крестьянское хозяйство [БУС, 2018, с. 709–710].

12. «Малый толковый словарь русского языка» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной содержит два значения существительного *село*: большое крестьянское селение; территория, где расположены крестьянские селения и ведётся крестьянское хозяйство, в противоположность городу [Лопатин, Лопатина, 1998, с. 592–593].

13. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.В. Дмитриева, фиксирующий пять значений лексемы *село*:

- 1) селом называют любой населённый пункт негородского типа;
- 2) селом называют жителей такого населённого пункта;
- 3) селом называют сельскую местность, деревню (противоположное значение: город);
- 4) если что-либо кому-либо ни к селу ни к городу, то это означает, что какой-либо предмет, объект считается кем-либо неподходящим, излишним и т.п.;
- 5) село является грубым обращением к невежественному, отсталому в чём-либо человеку [Дмитриев, 2003, с. 712–713].

Таким образом, лексема *село* имеет следующие значения (расположены в порядке удаления от семантического ядра):

1) большое крестьянское селение, в настоящее время хозяйственный и административный центр сельского района / близлежащих более мелких населённых пунктов / близлежащих деревень, которое в дореволюционной России обязательно имело церковь; населённый пункт негородского типа;

2) сельская, деревенская местность / территория, где ведётся крестьянское хозяйство (противоп. городу); совокупность населённых пунктов негородского типа (сёл, деревень, хуторов и др.) и примыкающих к ним местностей; населённые

пункты со свойственными им особенностями;

3) жители села;

4) грубое обращение к наивному, невежественному, отсталому человеку.

Очевидно, что в целом семантическая структура лексем *деревня* и *село* схожа, но у лексемы *село* почти не встречается значения ‘грубый, невежественный человек’. В первом значении *село* схоже с *деревней* по типу жителей и деятельности («крестьянское», «хозяйственный центр»), но отличается по размерам («большое селение»), по функции («административный центр») и находится «выше» деревни по статусу населённого пункта. В семантической структуре лексемы *село* также выделяется историческая сема – ‘наличие церкви’, которая была актуальна до революции. Лексема *село* так же, как и *деревня*, имеет значение ‘сельская местность’ и противопоставлено городу как территория со своими особенностями жизни. Кроме того, *село* также связывается с отсталостью и необразованностью его жителей.

Первое значение можно отнести к ядру номинативного поля лексемы, второе – к ближней периферии, третье – к дальней, а четвёртое – к крайней периферии, тем самым возможно объединение двух лексем в рамках КД.

Таким образом, проведённый лексикографический анализ позволяет утверждать, что к *историческому* (дореволюционному) *слою* КД можно отнести значения ‘пашня’, ‘поле’, ‘наличие / отсутствие церкви’, ‘помещичье крепостное имение с усадьбой’.

В *понятийное поле актуального слова* КД входят следующие признаки:

– ядро: *деревня /село* – ‘населённый пункт (небольшой / большой)’; ‘один из видов сельских населённых пунктов’; ‘населённый пункт, где занимаются сельским хозяйством, в том числе земледелием’; ‘административный центр’;

– ближняя периферия: *деревня /село* – ‘сельская местность со своим особым укладом жизни’; ‘сельское население’; ‘населённый пункт, в котором живут крестьяне (сельские жители, занимающиеся сельским хозяйством)’;

– дальняя периферия: *деревня /село* – ‘необразованные, тёмные, отсталые люди, которые живут в деревне или переехали в город и невыгодно отличаются от

городских жителей’; ‘любой невежественный, необразованный, отсталый человек’; – крайняя периферия: *Олимпийская деревня* – городок для спортсменов во время олимпиады.

К интерпретационному полю можно отнести следующие признаки:

- ядро: *деревня / село* – ‘находится вдали от городов и центров’; ‘тесно связана с природой, находится в её окружении’; ‘что-то противоположное городу’;
- ближняя периферия: *деревня / село* – ‘имеет свой уклад жизни и свои особенности’;
- дальняя периферия: *деревня / село* – ‘объект негативной оценки, связанный с наивностью, невежественностью и отсталостью’.

2.3. Морфолого-синтаксический анализ лексем, эксплицирующих концепт ‘Деревня’

Лексема *деревня* в первом значении (‘крестьянское селение’) обладает полной парадигмой склонения: *дерёвня, дерёвни, дерёвне, дерёвню, дерёвней / дерёвнею, дерёвне; дерёвни, деревёнь, деревням, дерёвни, деревнями, деревнях*. Но в других значениях (‘сельская местность’, ‘сельское население’) её парадигма неполная, так как отсутствует форма множественного числа. У слова *село* полная парадигма словоизменения представлена в первом значении ‘большое крестьянское селение’, во втором значении ‘сельская, деревенская местность’ оно употребляется только в единственном числе.

Рассмотрим частеречную принадлежность лексем, которые репрезентируют КД. Большую часть составляют существительные: *деревенка, деревушка, деревнишка, деревнюшка, однодеревенец, деревенница, деревенчик*; есть одно прилагательное – *деревенский* и одно наречие – *по-деревенски*.

Синтаксическая сочетаемость лексем *деревня* и *село*, эксплицирующих КД, довольно богата и разнообразна. Так, лексема *деревня* может быть главным или зависимым словом; вступает преимущественно в подчинительные связи, но возможны и предикативные (*деревня находится, деревня расположена* и т.д.), и

сочинительные (*город и деревня*). В целом ей свойственна глагольная, адъективная и субстантивная сочетаемость [Морковкин, Денисов, 1983] (см. Таблица 2).

Таблица 2 – Сочетаемость лексемы *деревня*

	Адъективная сочетаемость	Глагольная сочетаемость	Субстантивная сочетаемость
Значение 'крестьянское селение'	Большая, маленькая, далняя, ближняя, соседняя, подмосковная, северная, южная, русская, родная, наша, моя и т.д. деревня Марфино, Вешняки и т.д. [Какая-л.] деревня чего: какого-л. района, какой-л. области ...	Любить, знать, проехать ... какую-л. деревню. В [какую-л.] деревню (ехать, приехать, идти, прийти ...). В какой-л. деревне (жить, родиться, работать, побывать, отдыхать). Из какой-л. деревни (приехать, уехать, быть родом ...). Около [какой- л.] деревни, недалеко от [какой-л.] деревни (что-л. находится ...). Через [какую- л.] деревню (идти, ехать, проехать). Какая-л. деревня находится где-л., расположена где-л., известна чем-л., славится чем- л.	Жители, улица, край, околица, окраина, дома ... [какой-л.] деревни
Значение 'сельская местность', а также 'сельское население' (только ед.)	Дореволюционная, старая, современная, новая, колхозная, советская ... деревня	Показать (о художественном произведении), изобразить (о художественном произведении), любить, знать... деревню. В деревню (направить кого-л. [на работу], послать кого-л. [на работу] ...). В деревне (жить, работать, родиться)	Жизнь, быт, труженики (высок.), культурный рост, электрификация, преобразование деревни

Единственная указанная сочинительная связь – *город и деревня* (во 2 значении). Также особо выделяется словосочетание *Олимпийская деревня*, которое обозначает специальный тип поселения.

Первому значению, конкретно-предметному, свойственна более богатая адъективная и глагольная сочетаемость. В основном это прилагательные с семантикой размера населённого пункта, расстояния, месторасположения, связи с говорящим (*наша, моя*), существительные-комонимы. Среди глаголов много слов с семантикой движения (*проехать, ехать, идти, прийти*), отношения (*любить*),

бытийных глаголов (*жить, родиться, побывать* в деревне; деревня *находится* где-л., *расположена* где-л.), состояния (*известна* чем-л., *славится* чем-л.), глаголы качественного состояния (*работать, отдыхать*), интеллектуальной деятельности (*знать*). Среди существительных в основном встречаются слова со значением пространственных частей или объектов деревни (*улица, край, околица, дома*), а также населения (*жители*).

Прилагательные, которые сочетаются с лексемой *деревня* во 2 значении ‘сельская местность, а также сельское население’, имеют преимущественно временную семантику (*дореволюционная, советская*), глаголы – бытийную (*жить, родиться*), качественного состояния (*работать*), интеллектуальную (*знать, показать, изобразить*), также встречаются каузативные глаголы, обладающие значением воздействия на другое лицо (*направить, послать*). Стоит отметить, что отсутствуют глаголы движения, что связано с обобщённым и абстрактным значением ‘сельская местность’. Субстантивная сочетаемость также выражена абстрактными существительными (*жизнь, быт, электрификация* и т.д.). Таким образом, сочетаемость лексемы *деревня* отражает наличие у этой единицы конкретного и абстрактного значений.

На основании анализа сочетаемости можно выделить дополнительные когнитивные признаки концепта: деревни распространены по всей России, и на каждой территории; *деревня* имеет свои отличительные особенности (*подмосковная, северная, южная, какого-л. района, какой-л. области*), *деревня* – родное место (*родная, моя, наша, жить, родиться, быть родом из..., жизнь*), деревня связана с оппозицией ‘свой – чужой’ (*моя, наша*); *деревня* – объект оценки и отношения (*любить*); *деревня* – место, где трудятся (*работать, труженики, послать к.-л. [на работу]*) и место, где отдыхают (*отдыхать*); *деревня* имеет определённым образом организованное пространство (*улица, край, околица, окраина, дома*), у которого есть центр и периферия (*край, околица, окраина*); *деревня* имеет разные исторические характеристики (*дореволюционная, старая, современная, новая, колхозная, советская*); *деревня* может быть объектом искусства (*показать, изобразить*), центром славы, известности; деревни в России

часто имеют какие-то уникальные особенности, благодаря которым могут прославиться (*известна, славится*).

Обратимся к сочетаемости лексемы *село*, представленной в том же словаре [Морковкин, Денисов, 1983], однако в этом случае два значения данного слова ('большое крестьянское селение' и 'сельская, деревенская местность') обобщены (см. Таблица 3).

Таблица 3 – Сочетаемость лексемы *село*

	Адъективная сочетаемость	Глагольная сочетаемость	Субстантивная сочетаемость
Значение 'большое крестьянское селение' и 'сельская, деревенская местность'	[Не]большое, далёкое, дальнее, ближнее, соседнее, живописное, красивое, родное, русское, украинское, волжское, подмосковное, наше, всё. Село Ильинское, Степанчиково Какое-л. село чего: какого-л. района, какой-л. области ...	В [какое-л.] село (ехать, идти, приехать). В [каком-л.] селе (жить, родиться, работать, построить что-л.). Из [какого-л.] села (приехать, уехать, быть родом ...). К [какому-л.] селу (подъехать...). Около села, у села, недалеко от села (что-л. находится, что-л. расположено ...). Через село (ехать, проехать). Село находится где-л., расположено где-л., раскинулось где-л., известно чем-л., славится чем-л. Любить, увидеть, объехать, благоустраивать ... какое-л. село.	Жители, колхозники, труженики (высок.), улица, жизнь ... какого-л. села

Сочетаемость в целом схожа с сочетаемостью слова *деревня*. В адъективной сочетаемости здесь так же представлены прилагательные с семантикой размера, расстояния, местоположения, связи с говорящим (*родное, наше*), при этом даётся больше оценочных определений (*живописное, красивое*). Кроме того, при адъективной сочетаемости часто используются комонимы.

Если рассматривать глагольную сочетаемость, можно заметить много глаголов со значением движения (*ехать, идти, приехать*), бытийных глаголов (*жить, родиться*), глаголов состояния (*что-л. находится, что-л. расположено*

около села). Также могут использоваться глаголы чувствования (*любить*), физического действия (*увидеть*), созидающей деятельности (*благоустраивать*).

Субстантивы, с которыми сочетаются словоформы лексемы *село*, могут быть как конкретными и обозначать, например, части села (*улица*), так и более обобщёнными и обозначать жителей села (*жители, колхозники, труженики*) или абстрактные понятия (*жизнь*). Мы видим, что в случае с лексемой *село* нет такого выраженного противопоставления конкретного и абстрактного значения, но в целом сочетаемость этого слова строится примерно по тем же моделям, что и у лексемы *деревня*.

Анализ сочетаемости лексемы *село* позволяет выделить следующие дополнительные когнитивные признаки КД¹: сёла распространены по всей России, и на каждой территории они имеют свои особенности (*далёкое, дальнее, ближнее, соседнее, русское, украинское, волжское, подмосковное, какое-л. село чего: какого-л. района, какой-л. области*); *село* – родное место (*родное, наше, жить, родиться*); *село* связано с оппозицией ‘свой – чужой’ (*наше*); *село* – объект положительной оценки и хорошего отношения (*живописное, красивое, любить*); место, где трудятся (*работать, труженики, колхозники*); у села определённым образом организованное пространство (*улица*); *село* – объект благоустройства (*построить, благоустраивать*); *село* может быть центром славы, известности, сёла в России часто имеют какие-то уникальные особенности, благодаря которым могут прославиться (*известно, славится*); *село* – большое, просторное (*раскинулось где-л.*), также конструкция *село* + комоним может быть прецедентным феноменом (*Степанчиково* – название села из повести Ф.М. Достоевского: «*Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного*»).

Таким образом, на основе морфолого-синтаксического анализа лексем можно смоделировать следующую структуру КД:

Исторический слой:

- 1) дореволюционный: *дореволюционная, старая*;
- 2) послереволюционный: *колхозная, советская, колхозники, труженики*,

¹ Ещё раз отметим, что лексема *село* рассматривается нами как репрезентант КД (см. предыдущие параграфы).

культурный рост, электрификация, преобразование, современная, новая.

Актуальный слой:

К интерпретационному полю можно отнести следующие признаки:

- ядро: *деревня / село* – ‘особым образом организованное пространство, у которого есть центр и периферия’; ‘распространены по всей России, и на каждой территории ‘они имеют свои отличительные особенности’; совмещает в себе различные исторические характеристики’;
- ближняя периферия: *деревня / село* – ‘место для работы и отдыха’;
- дальняя периферия: *деревня / село* – ‘объект положительной оценки, хорошего отношения, любви’.

Ценностное поле сформировано следующими признаками:

- ядро: *деревня / село* – ‘тесно связана с жизнью носителей русского языка, с детством, с работой и т.д.’; ‘родное место’;
- ближняя периферия: *деревня / село* – ‘является частью русской культуры, входит в различные прецедентные тексты’;
- дальняя периферия: *деревня / село* ‘может быть центром славы, известности, обладать какими-то своими уникальными особенностями’; ‘может быть объектом искусства’;
- крайняя периферия: *деревня / село* – ‘связана с культурной оппозицией ‘свой – чужой’’.

**2.4. Анализ ассоциативного поля лексем, эксплицирующих концепт
‘Деревня’**

Ещё одним значимым этапом лингвокультурологического анализа является составление ассоциативного поля концепта, так как ассоциативно-вербальные представления носителей языка являются «фрагментом образов сознания, мотивов и оценок» [Караулов, 2000, с. 6]. По мнению И.В. Кононовой, ассоциативная составляющая концепта сходна с лексико-семантическим полем, эксплицирующим его, но в то же время «является значимым конструктом концепта, отражающим его

бытие в актуальном срезе» [Кононова, 2012, с. 59].

Существуют различные способы моделирования ассоциативного поля, и один из наиболее «авторитетных» и частотно используемых – ассоциативный эксперимент. Суть данной методики заключается в том, чтобы получить языковой материал, который объективирует содержание и структуру исследуемого фрагмента языкового сознания. Ассоциативный эксперимент позволяет извлечь глубинные представления о концепте, которые хранятся в сознании носителей языка и в которых отразились все накопленные знания и опыт народа. Все ассоциации информантов (участников эксперимента) на слово-стимул моделируют ассоциативное поле концепта, при этом часть этих реакций (наиболее частотных) составляет ядро концепта, менее частотные – ближнюю и дальнюю периферию, а наименее частотные – крайнюю периферию.

Анализ ассоциативного словаря

Деревня как слово-стимул уже не раз становилось объектом ассоциативных экспериментов, результаты которых представлены в различных словарях (например, «Русский ассоциативный словарь», «Словарь ассоциативных норм русского языка» и др.), что бесспорно, свидетельствует о значимости данного концепта для русского языкового сознания и русской ЯКМ в целом.

Для анализа и дальнейшего сравнения с результатами ассоциативного эксперимента мы выбрали данные «Словаря ассоциативных норм русского языка» (1977) под ред. А.А. Леонтьева (далее – САНРЯ) как первого опыта составления подобного рода словарей в российской лингвистике. Кроме того, словарь создавался в 60–70-е гг. XX века, во время расцвета «деревенской прозы», поэтому «ассоциативный портрет» слова *деревня*, представленный в этом словаре, вызывает особый интерес. Кроме того, словарь отделяет от наших дней существенная времененная дистанция (в отличие от других ассоциативных словарей), что позволит провести более яркое сопоставление и показать, как изменилось восприятие КД в русском языковом сознании почти за 50 лет.

Для того чтобы выделить ядро и периферию ассоциативного поля КД, мы использовали понятие «индекс яркости» И.А. Стернина, который означает

количество реакций на определённый стимул от общего количества информантов» [Стернин, 2009, с. 26] и рассчитывается как «доля испытуемых, выделившая этот признак, от общего числа испытуемых» [Стернин, 2011, с. 81]. И.А. Стернин предлагает использовать следующие значения для определения «индекса яркости»: ядро должен составлять 0,12–0,15, ближняя периферия – индекс должен быть равен примерно 0,10–0,04, дальняя периферия – 0,03–0,02, для крайней периферии индекс составляет 0,01 и ниже.

Словарная статья ассоциатов к слову-стимулу *деревня* включает в себя 709 ассоциаций (общее количество реакций – 880), где 189 языковых единиц различной частотности, а 99 – единичное употребление. Ниже приведены конкретные ассоциации по структуре ядра и периферии.

Ядро (16%)¹: *город* 113 (0,16) (113 – частотность реакций в словаре, 0,16 – индекс яркости).

Ближняя периферия (18%): *село* 55 (0,08); *глухая* 46 (0,06); *большая* 27 (0,04).

Дальняя периферия (23%): *маленькая* 23 (0,032); *моя* 21 (0,029); *родная* 21 (0,029); *дом* 14 (0,019); *забытая* 12 (0,016), *красивая* 12 (0,016); *лес* 10 (0,014); *старая* 10 (0,014); *Калуго-Соловьёвка* 9 (0,012); *колхоз* 9 (0,012); *корова* 8 (0,011); *отдых* 8 (0,011); *природа* 8 (0,011).

Крайняя периферия (43%): *черти* 7 (0,009); *лето* 6 (0,008); *школа* 6 (0,008); *Ведрица* 5 (0,007); *глуши* 5 (0,007); *дома* 5 (0,007); *наша* 5 (0,007); *новая* 5 (0,007); *озеро* 5 (0,007); *посёлок* 5 (0,007); *близкая* 4 (0,005); *грязь* 4 (0,005); *далёкая* 4 (0,005); *деревня* 4 (0,005); *зелёная* 4 (0,005); *картошка* 4 (0,005); *небольшая* 4 (0,005); *тихая* 4 (0,005); *бабушка* 3 (0,004); *зелень* 3 (0,004); *крестьяне* 3 (0,004); *луг* 3 (0,004); *милая* 3 (0,004); *советская* 3 (0,004); *уголок* 3 (0,004); *хата* 3 (0,004); *близко* 2 (0,002); *будущая* 2 (0,002); *будущее* 2 (0,002); *в будущем* 2 (0,002); *гора* 2 (0,002); *гумно* 2 (0,002); *гуси* 2 (0,002); *дальняя* 2 (0,002); *два двора* 2 (0,002); *дедушка* 2 (0,002); *домик* 2 (0,002); *дорога* 2 (0,002); *дыра* 2 (0,002); *ждёт* 2 (0,002); *за городом* 2 (0,002); *забитая* 2 (0,002); *Золотая Сопка* 2 (0,002); *изба* 2 (0,002); *колонка* 2 (0,002); *Лужки* 2 (0,002); *люблю её* 2 (0,002); *матушка* 2 (0,002); *могила*

¹ 16% – процентное соотношение в структуре ассоциативного поля.

2 (0,002); *на отшибе* 2 (0,002); *недалеко* 2 (0,002); *огромная* 2 (0,002); *пакость* 2 (0,002); *периферия* 2 (0,002); *плохо* 2 (0,002); *поехать* 2 (0,002); *поле* 2 (0,002); *прелестная* 2 (0,002); *провинция* 2 (0,002); *Пушки* 2 (0,002); *работа* 2 (0,002); *сад* 2 (0,002); *скоро* 2 (0,002); *современная* 2 (0,002); *строения* 2 (0,002); *тихо* 2 (0,002); *тишина* 2 (0,002); *тучи* 2 (0,002); *ужас* 2 (0,002); *учитель* 2 (0,002); *Хатынь* 2 (0,002); *целина* 2 (0,002); *я* 2 (0,002); *500 км* 1 (0,001); *бабушкина* 1 (0,001); *богатый* 1 (0,001); *будущее место* 1 (0,001); *будущее место работы* 1 (0,001); *в Англии* 1 (0,001); *в лесу* 1 (0,001); *весна* 1 (0,001); *воздух* 1 (0,001); *вот моя* 1 (0,001); *вот моя деревня* 1 (0,001); *где скучал Евгений* 1 (0,001); *где скучал Онегин* 1 (0,001); *где яросла* 1 (0,001); *глупая* 1 (0,001); *глухомань* 1 (0,001); *город детства* 1 (0,001); *гриб* 1 (0,001); *далеко* 1 (0,001); *дедушке* 1 (0,001); *домишкы* 1 (0,001); *дороги* 1 (0,001); *ехать* 1 (0,001); *заброшенная* 1 (0,001); *захолустная* 1 (0,001); *захудалая* 1 (0,001); *зелёный луг* 1 (0,001); *знакомая* 1 (0,001); *избушки* 1 (0,001); *избы* 1 (0,001); *испытание* 1 (0,001); *клуб* 1 (0,001); *колхозника* 1 (0,001); *край* 1 (0,001); *Красные маки* 1 (0,001); *культура* 1 (0,001); *Лермонтов* 1 (0,001); *леса* 1 (0,001); *лесная* 1 (0,001); *луна* 1 (0,001); *любимая* 1 (0,001); *маленький домик под соломой* 1 (0,001); *меньше людей* 1 (0,001); *мечта* 1 (0,001); *милая моя* 1 (0,001); *молодые* 1 (0,001); *на окраине* 1 (0,001); *не город* 1 (0,001); *не хочу* 1 (0,001); *Николаевский* 1 (0,001); *ночь* 1 (0,001); *отсталая* 1 (0,001); *петухи* 1 (0,001); *поля* 1 (0,001); *прекрасная* 1 (0,001); *прелестный уголок* 1 (0,001); *простор* 1 (0,001); *пыль* 1 (0,001); *пыльная дорога* 1 (0,001); *райский уголок* 1 (0,001); *речка* 1 (0,001); *Родина* 1 (0,001); *рожь* 1 (0,001); *Романовка* 1 (0,001); *рос* 1 (0,001); *русская* 1 (0,001); *рябина* 1 (0,001); *сады* 1 (0,001); *сено* 1 (0,001); *скот* 1 (0,001); *снежная* 1 (0,001); *совхоз* 1 (0,001); *сок* 1 (0,001); *соседняя* 1 (0,001); *строится* 1 (0,001); *судьбы* 1 (0,001); *существование* 1 (0,001); *так и осталась деревня* 1 (0,001); *так хорошо* 1 (0,001); *темнота* 1 (0,001); *тёмный* 1 (0,001); *Терновка* 1 (0,001); *тиши* 1 (0,001); *трава* 1 (0,001); *трубы* 1 (0,001); *у леса* 1 (0,001); *у реки* 1 (0,001); *улица* 1 (0,001); *утро* 1 (0,001); *ученик* 1 (0,001); *уют* 1 (0,001); *Ходорово* 1 (0,001); *хорошая* 1 (0,001); *хутоп* 1 (0,001); *цветы* 1 (0,001); *чертятник* 1 (0,001); *чудесная* 1 (0,001); *чудесно* 1 (0,001); *ягоды* 1 (0,001).

Основываясь на приведённых данных, структуру ассоциативного поля КД

можно представить графически следующим образом (см. Рисунок 1).

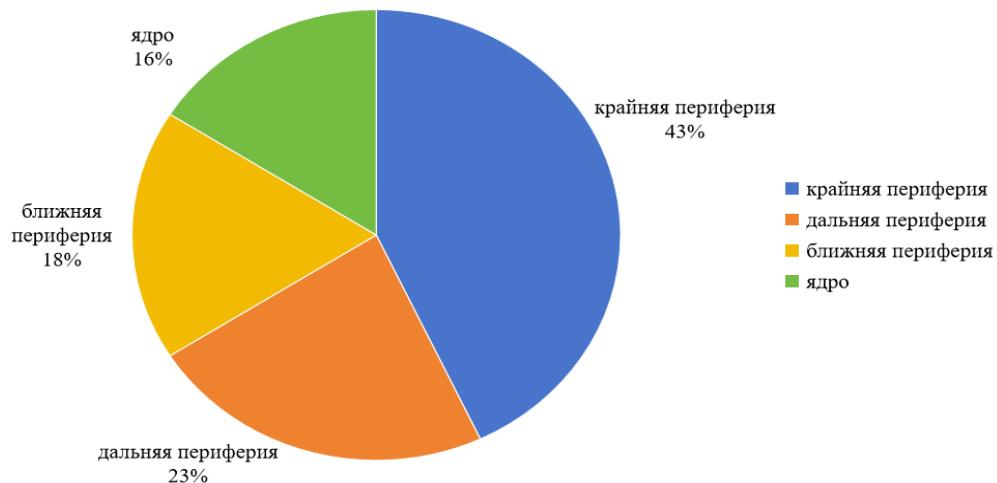
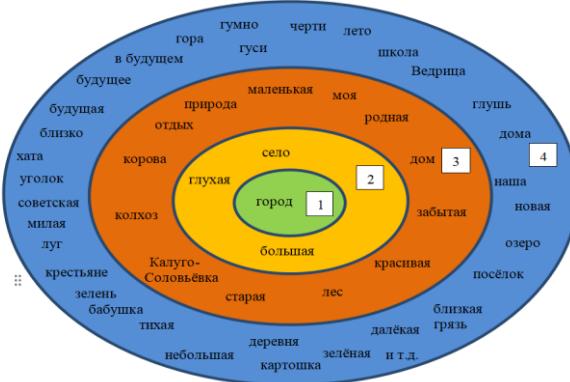

Рисунок 1 – Структура ассоциативного поля КД по данным САНРЯ

Как видно на графике, четырёхуровневая структура ассоциативного поля КД по данным САНРЯ 1970-х годов включается в себя ядро, ближнюю периферию, дальнюю периферию, крайнюю периферию, при этом наибольшее количество реакций приходится на крайнюю периферию – около 43%. Это свидетельствует о том, что большинство ассоциаций сосредоточено на периферии, что отражает высокую степень разнообразия и богатства содержания понятия ‘деревня’ в общественном сознании того времени. Для сравнения: на долю ядерной зоны приходится лишь 16%, что указывает на относительную концентрированность его характеристик.

На рисунке 2 представлены конкретные высокочастотные ассоциативные реакции внутри каждого слоя структуры (см. Рисунок 2).

1 – ядро, 2 – ближняя периферия, 3 – дальняя периферия,

4 – крайняя периферия

Рисунок 2 – Содержание ассоциативного поля КД по данным САНРЯ

Ядром ассоциативного поля КД является лексема *город*, которая находится в антонимических отношениях с лексемой *деревня* и представляет собой парадигматическую ассоциацию. Такая реакция может говорить об актуальности противопоставления деревни городу на момент опроса информантов, о значимости этой оппозиции в культуре и обществе. **В ближнюю периферию** входят такие реакции, как *село, глухая, большая, в дальнюю – маленькая, моя, родная, дом, красивая, старая* и т.д., **в крайнюю – черти, лето, школа, Ведрица, глушь** и т.д.

Анализ этих реакций позволяет сказать, что деревня вызывает противоречивые ассоциации: с одной стороны, она вызывает чувство любви (*красивая, милая, прелестная, любимая, прекрасная, хорошая, чудесная* и т.д.), но с другой, фиксируется много негативных явлений, связанных с деревней (*забытая, грязь, темнота, плохо, ужас* и т.д.). Особо отмечается такой признак, как заброшенность, вымирание (*глухая, забытая, заброшенная*), но в то же время есть ассоциации, которые связывают деревню с настоящим и будущим (*современная, будущее, в будущем* и т.д.). Кроме того, важным оказывается признак отдалённости деревни от города или от других центров (*глушь, далеко, дальняя, периферия, далёкая, провинция, 500 км* и т.д.), но деревня может быть и близкой к какому-либо центру (*близко, близкая, недалеко*), хотя этот признак отмечается реже.

Также релевантными оказываются такие признаки, как размер деревни (*большая, маленькая, небольшая, огромная*), старина или новизна (*старая, новая, современная, советская*), материал, из которого она построена (*деревянная, бревенчатая*). Причём здесь тоже отмечаются противоположные свойства: деревня может быть как *маленькой, небольшой*, так и *большой, огромной*; как *старой*, так и *новой, современной*.

Важно отметить, что для многих деревня – это что-то родное (*моя, родная, Родина, наша*), она связана с оппозицией ‘свой – чужой’. Также деревня – это что-то связанное непосредственно с жизнью самих информантов, о чем говорит большое количество топонимов в реакциях (*Калого-Соловьевка, Ведрица, Лужки, Пушки, Золотая сопка*). Многие жители России родились в деревне, у многих там прошло детство и до сих пор живут родственники (*бабушка, дедушка, детство*,

школа, я). Кроме того, в ассоциациях отразилась и традиция проводить летний отпуск и каникулы в деревне (*детство, лето, отдых*). Всё это находит отражение в содержании КД.

Ещё одна яркая черта КД – это связь с природой (*природа, лес, воздух, луг, зелень* и т.д.). В связи с этим отмечаются такие особенности деревни, как *тишина, тишина, простор*. Деревня выступает как тихий, райский уголок, где можно отдохнуть душой и почувствовать себя так же легко и беззаботно, как в детстве.

Но деревня связана не только с отдыхом, но и с трудом. На это указывают такие ассоциации, как *колхоз, работа, совхоз*. Отдельно отмечается связь деревни с землёй, с земледелием (*целина, поле*), с животноводством (*корова, петухи, гуси, скот*). Отдельную область в ассоциативном поле «деревня» составляют различные деревенские продукты (*картошка, гриб, сок, ягоды, молоко* и т.д.).

Деревня представляет собой особым образом организованное пространство (*колхоз, дорога, поле* и т.д.) со своим уникальным материальным миром. Центральное место в нём занимает дом (*дом, хата, изба* и т.д.). Возле дома расположены различные хозяйствственные постройки и сооружения (*гумно¹, колонка, строения* и т.д.).

Деревня имеет не только свой предметный мир, но и нематериальный: например, ассоциации *черти* отсылает к деревенскому фольклору (чёрт – один из самых распространённых его героев).

Такие ассоциации, как *целина* (отсылка к освоению целины в СССР в 1950–60 гг.), *Хатынь* (одна из самых известных деревень в Белоруссии, выжженных немцами во время Второй мировой войны), *где скучал Евгений / где скучал Онегин* (отсылка к строкам из поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин»), *два двора* (продолжение русской пословицы «Первый парень на деревне, а деревня в два двора»), *вот моя / вот моя деревня* (отсылка к стихотворению И.С. Сурикова «Детство» 1866 г.), *матушка* (отсылка к песне «Деревня-матушка»), *Лермонтов* (вероятно, имеется в виду отсылка к лирике Лермонтова, где упоминается деревня,

¹ 1. Помещение, сарай для сжатого хлеба. 2. Крытая площадка для молотьбы, колонка (Большой толковый словарь русского языка).

в частности к стихотворению «Родина», в котором есть строка «Дрожащие огни печальных деревень...») являются прецедентными феноменами и говорят о том, что деревня осознаётся как важная часть русской культуры. Различные эпохи русской жизни отразились в КД и сохранились в виде отдельных слоёв. Кроме того, деревня воспринимается как национальное явление: об этом говорит ассоциация *русская*. Также в сознании участников эксперимента отражается важный этап в существовании деревни – *советский*, который имеет свои отличительные черты (наличие *совхозов, колхозов* и т.д.).

Квалификативный анализ данных САНРЯ позволяет представить ассоциативное поле КД в виде определенной таксономии, сгруппировав реакции-ассоциаты в концептуально-тематические группы (далее КТГ) и подгруппы (далее ПГ):

1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – 215 реакций, 30,3%:
 - ПГ «Общие названия населённых пунктов»: *город* 113, *село* 55, *посёлок* 5, *деревня* 4, *уголок* 3, *провинция* 2, *периферия* 2, *хутор*, *не город, край* – всего 187;
 - ПГ «Топонимы»: *Калого-Соловьёвка* 9, *Ведрица* 5, *Золотая Сопка* 2, *Лужки* 2, *Пушки* 2, *Хатынь* 2, *Красные маки*, *Николаевский*, *Романовка*, *Терновка*, *Ходорово*, *в Англии* – всего 28.
2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – 16 реакций, 2,3%:
 - ПГ «Жители деревни»: *бабушка* 3, *крестьяне* 3, *дедушка* 2, *я* 2, *учитель* 2, *ученик, колхозник* – всего 14;
 - ПГ «Характеристика жителей деревни»: *глупая, молодые* – всего 2.
3. КТГ «Характеристика деревни» – 229 реакций, 32,3%:
 - ПГ «Место расположения»: *за городом* 2, *на отшибе* 2, *периферия* 2, *русская, соседняя, в Англии, в лесу, на окраине, у леса, у реки* – всего 13;
 - ПГ «Размер»: *большая* 27, *маленькая* 23, *небольшая* 4, *уголок* 3, *огромная* 2 – всего 59;
 - ПГ «Время существования деревни»: *старая* 10, *новая* 5, *советская* 3,

современная 2, будущая 2, будущее 2, в будущем 2, будущее место, будущее место работы – всего 28;

– ПГ «Степень удалённости от центра»: *глушь 5, далёкая 4, близкая 4, близко 2, дальняя 2, недалеко 2, на отшибе 2, периферия 2, провинция 2, поехать 2, далеко, 500 км, глухомань, ехать, захолустная, на окраине – всего 33;*

– ПГ «Степень населённости, обитаемости»: *глухая 46, забытая 12, меньше людей, глушь, глухомань – всего 58;*

– ПГ «Социально-экономическое положение деревни»: *забытая 12, два двора 2, дыра 2, забытая 2, могила 2, плохо 2, ужас 2, богатый, заброшенная, захолустная, захудалая, испытание, отсталая, строится, существование, так и осталась деревня, темнота, тёмный, хорошая – всего 36;*

– ПГ «Тип материала»: *бревенчатая, деревянная – всего 2.*

4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает» – 197 реакций, 27,8%:

– ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней»: *красивая 12, забытая 12, грязь 4, милая 3, люблю её 2, матушка 2, могила 2, пакость 2, плохо 2, ужас 2, прелестная 2, глупая, испытание, любимая, мечта, милая моя, не хочу, прекрасная, прелестный уголок, простор, райский уголок, Родина, существование, так и осталась деревня, так хорошо, темнота, тёмный, уют, хорошая, чертятник, чудесная, чудесно – всего 66;*

– ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней»: *милая 3, люблю её 2, могила 2, пакость 2, ужас 2, испытание, любимая, милая моя, не хочу, Родина, так хорошо, темнота, тёмный, уют – всего 20;*

– ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней»: *грязь 4, тишина 2, культура, мечта, простор, судьбы, существование, темнота, тёмный, тишина, уют, пыль, пыльная дорога, пыль – всего 18;*

– ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека»: *моя 21, родная 21, дом 14, наша 5, люблю её 2, матушка 2, работа 2, я 2, ждёт 2, будущая 2, будущее 2, в будущем 2, поехать 2, бабушкина, где яросла, город детства,*

знакомая, любимая, мечта, милая моя, молодые, не хочу, судьбы, будущее место, будущее место работы, рос, скоро – всего 93.

5. КТГ «Мир деревни» – 184 реакции, 26%:

– ПГ «Деревенская природа»: *лес 10, природа 8, лето 6, озеро 5, зелёная 4, зелень 3, луг 3, гора 2, поле 2, сад 2, тучи 2, целина 2, в лесу, весна, воздух, гриб, зелёный луг, леса, лесная, луна, поля, речка, рожь, рябина, сады, снежная, трава, у леса, у реки, утро, цветы, ягоды, ночь – всего 70;*

– ПГ «Деревенские животные»: *корова 8, гуси 2, петухи, скот – всего 12;*

– ПГ «Организация пространства в деревне»: *дом 14, колхоз 9, школа 6, дома 5, хата 3, гумно 2, два двора 2, домик 2, дорога 2, изба 2, колонка 2, могила 2, поле 2, сад 2, строения 2, целина 2, домишки, дороги, ехать, заброшенная, захолустная, избушки, избы, клуб, маленький домик под соломой, поля, пыльная дорога, сады, совхоз, строится, улица – всего 74;*

– ПГ «Деревенский быт»: *колхоз 9, гумно 2, два двора 2, колонка 2, сено, совхоз, строится, существование, трубы, уют – всего 21;*

– ПГ «Деревенские продукты»: *картошка 4, гриб, сок, ягоды – всего 7.*

6. КТГ «Деревенские занятия» – 30 реакций, 4,2%:

– ПГ «Деревенский труд»: *колхоз 9, работа 2, совхоз – всего 12;*

– ПГ «Деревенский отдых»: *отдых 8, клуб – всего 9;*

– ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор»: *чертни 7, культура, чертятник – всего 9.*

7. КТГ «Прецедентные феномены»: *целина 2, Хатынь 2, вот моя, вот моя деревня, где скучал Евгений, где скучал Онегин, Лермонтов – всего 9 реакций, 1,3%.*

В таблице 4 подробно представлены количество и процентная доля реакций по различным КТГ и включенным в них ПГ (см. Таблица 4).

Таблица 4 – Количество и доля реакций КТГ и ПГ на основе данных САНРЯ

КТГ (кол-во реакций)	ПГ (кол-во реакций)	Доля реакций по ПГ	Доля реакций по КТГ
1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – 215	ПГ «Общие названия населённых пунктов» – 187	26,4%	30,3%
	ПГ «Топонимы» – 28	3,9%	
2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – 16	ПГ «Жители деревни» – 14	2%	2,3%
	ПГ «Характеристика жителей деревни» – 2	0,3%	
3. КТГ «Характеристика деревни» – 229	ПГ «Место расположения» – 13	1,8%	32,3%
	ПГ «Размер» – 59	59,1%	
	ПГ «Время существования деревни» – 28	3,9%	
	ПГ «Степень удалённости от центра» – 33	4,7%	
	ПГ «Степень населённости, обитаемости» – 58	8,2%	
	ПГ «Социально-экономическое положение деревни» – 36	5,1%	
	ПГ «Тип материала» – 2	0,3%	
4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает» – 197	ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней» – 66	9,3%	27,8%
	ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней» – 20	2,8%	
	ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней» – 18	2,5%	
	ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека» – 93	13,1%	
	ПГ «Деревенская природа» – 70	9,9%	
5. КТГ «Мир деревни» – 184	ПГ «Деревенские животные» – 21	3%	26%
	ПГ «Организация пространства в деревне» – 74	10,4%	
	ПГ «Деревенский быт» – 21	3%	
	ПГ «Деревенские продукты» – 7	1,7%	
	ПГ «Деревенский труд» – 12	1,7%	
6. КТГ «Деревенские занятия» – 30	ПГ «Деревенский отдых» – 9	1,3%	4,2%
	ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор» – 9	1,3%	
	ПГ «Прецедентные феномены» – 9	1,3%	
7. КТГ «Прецедентные феномены» – 9			1,3%

Согласно результатам, самой многочисленной КТГ является «Характеристика деревни» (32,3%), самой малочисленной КТГ – «Прецедентные феномены» (1,3%), далее следуют такие категориальные характеристики, как «Названия местности», «Отношение к деревне» и «Мир деревни». Среди ПГ наиболее часто встречаются «Общее название населённых пунктов» и «Деревня как родное место». Это свидетельствует о том, что во второй половине XX века восприятие деревни было в большей степени сосредоточено на её географических и идентификационных характеристиках, тогда как внимание к чувственно-эмоциональным и бытовым аспектам было относительно невелико.

Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента

Для того чтобы составить *современный «ассоциативный портрет» КД*, нами был проведён свободный ассоциативный эксперимент (далее – САЭ), в ходе которого информантам предлагалось ответить неограниченным количеством слов на слово-стимул *деревня* (без формальных, семантических и др. ограничений).

В качестве информантов была выбрана аудитория российского интернета, что позволило широко охватить представителей разных возрастных, социальных и территориальных групп, получить ассоциативный срез представлений КД в русском языковом сознании.

Всего в эксперименте приняло участие 100 информантов (63% женщины, 37% мужчин) в возрасте от 14 лет до 80 лет из различных населённых пунктов России – как из городской местности (60%), так и из сельской (40%).

По данным проведённого САЭ была составлена статья реакций-ассоциатов на слово-стимул *деревня*, где представлено 384 ассоциации (общее количество реакций – 448), в том числе 205 – количество языковых единиц различной частотности, а 152 – количество единичных реакций.

Ниже (с опорой на методику И.А. Стернина) приведены конкретные ассоциации по структуре ядра и периферии.

Ядро (16,4%): *коровы* 15 (0,15), *природа* 12 (0,13), *огород* 12 (0,12), *поле* 12 (0,12), *тишина* 11 (0,11).

Ближняя периферия (25,3%): *речка* 10 (0,10), *бабушка* 9 (0,09), *корова* 8 (0,08),

деревья 7 (0,07), *детство* 7 (0,07), *лето* 7 (0,07), *молоко* 6 (0,06), *спокойствие* 6 (0,06), *дом* 5 (0,05), *изба* 5 (0,05), *река* 5 (0,05), *свежий воздух* 5 (0,05), *уют* 5 (0,05), *глуши* 4 (0,04), *деревянный дом* 4 (0,04), *куры* 4 (0,04).

Дальняя периферия (18,7%): *дача* 3 (0,03), *парное молоко* 3 (0,03), *печка* 3 (0,03), *поля* 3 (0,03), *свобода* 3 (0,03), *село* 3 (0,03), *сельское хозяйство* 3 (0,03), *сено* 3 (0,03), *баня* 2 (0,02), *бедность* 2 (0,02), *грязь* 2 (0,02), *деревянные дома* 2 (0,02), *дома* 2 (0,02), *дорога* 2 (0,02), *красота* 2 (0,02), *крестьяне* 2 (0,02), *лес* 2 (0,02), *отдых* 2 (0,02), *петухи* 2 (0,02), *печь* 2 (0,02), *пьянство* 2 (0,02), *разруха* 2 (0,02), *ранний подъём* 2 (0,02), *сад* 2 (0,02), *скот* 2 (0,02), *собака* 2 (0,02), *умиротворение* 2 (0,02), *ферма* 2 (0,02), *хозяйство* 2 (0,02), *цветы* 2 (0,02), *чистый воздух* 2 (0,02), *мало людей* 2 (0,02).

Крайняя периферия (39,6%): *ромашки* 1 (0,01), *родители* 1 (0,01), *роса на траве* 1 (0,01), *сказка* 1 (0,01), *лесная мистика* 1 (0,01), *запах древесного дыма* 1 (0,01), *огороды* 1 (0,01), *пилорама* 1 (0,01), *дом с печкой* 1 (0,01), *луг* 1 (0,01), *песня* 1 (0,01), *дым из трубы* 1 (0,01), *рыбалка* 1 (0,01), *голубое небо* 1 (0,01), *заброшенная местность со стариками* 1 (0,01), *воспоминания о родных* 1 (0,01), *дерево* 1 (0,01), *своё хозяйство* 1 (0,01), *избы* 1 (0,01), *сарай* 1 (0,01), *пшеничные поля* 1 (0,01), *черёмуха во дворе* 1 (0,01), *русская печка* 1 (0,01), *тёплая печка* 1 (0,01), *русская печь* 1 (0,01), *околица* 1 (0,01), *петушиный крик* 1 (0,01), *крыши из соломы* 1 (0,01), *хаты* 1 (0,01), *домашние животные* 1 (0,01), *трактор* 1 (0,01), *луга и поля* 1 (0,01), *Есенин* 1 (0,01), *аккуратные домики* 1 (0,01), *петух* 1 (0,01), *чистота* 1 (0,01), *простота* 1 (0,01), *небольшое поселение* 1 (0,01), *натуральное хозяйство* 1 (0,01), *Шукшин* 1 (0,01), *глуши Саратов* 1 (0,01), *колодец* 1 (0,01), *избушка* 1 (0,01), *мало людей* 1 (0,01), *мало* 1 (0,01), *грязно* 1 (0,01), *тоскливо осенью* 1 (0,01), *вымирание* 1 (0,01), *Родина* 1 (0,01), *друзья* 1 (0,01), *кукуруза* 1 (0,01), *лопата* 1 (0,01), *грабли* 1 (0,01), *листья* 1 (0,01), *бабушки* 1 (0,01), *нет цивилизации* 1 (0,01), *свежий хлеб* 1 (0,01), *это там, где я живу* 1 (0,01); *близость к природе* 1 (0,01); *отсутствие суеты, но и отсутствие благ цивилизации, особенно медицинских* 1 (0,01); *стремок кузнечиков* 1 (0,01), *запах сена* 1 (0,01), *земляника* 1 (0,01), *загородный дом* 1 (0,01), *беззаботность* 1 (0,01), *старый дом* 1 (0,01), *бурый лес* 1 (0,01), *община* 1 (0,01),

староста 1 (0,01), тихое родное место 1 (0,01), Кагбени 1 (0,01), Непал 1 (0,01), раздолье 1 (0,01), гармония 1 (0,01); небольшой населённый пункт, заточенный под аграрное хозяйство 1 (0,01); отсталый человек 1 (0,01), тепло 1 (0,01), очаг 1 (0,01); солнце, что-то тёплое и щемящее в душе 1 (0,01); бабушка в платке 1 (0,01), дед в валенках 1 (0,01), резные наличники, резные окна 1 (0,01), небольшое количество деревянных домов, мало молодёжи 1 (0,01), сельскохозяйственные работы 1 (0,01), нет городской сути 1 (0,01), пение петуха по утрам 1 (0,01), здоровое питание 1 (0,01), опустевший населённый пункт 1 (0,01), немногочисленное население 1 (0,01), красивая природа 1 (0,01), собачий лай 1 (0,01), бани 1 (0,01), хозяйствственные животные 1 (0,01), цветение деревьев 1 (0,01), дым 1 (0,01), бесконечная работа 1 (0,01), дом пятистенок 1 (0,01), воля 1 (0,01), родовое поместье 1 (0,01); «Людка, а, Людка! Тьфу! Деревня!» 1 (0,01); велосипед 1 (0,01), дед 1 (0,01), разрушенные колхозы 1 (0,01), за МКАДом 1 (0,01), остальная Россия 1 (0,01); необразованные люди, но в целом все неплохо 1 (0,01); трава 1 (0,01), сельпо 1 (0,01), малолюдность 1 (0,01), нехватка комфорта 1 (0,01), деревья и деревянные дома 1 (0,01), покой 1 (0,01), здоровье 1 (0,01), веселье 1 (0,01), труд 1 (0,01), природа вокруг 1 (0,01), колхоз 1 (0,01), нищета 1 (0,01), отсутствие вкуса 1 (0,01), благодать 1 (0,01), церковь 1 (0,01), каникулы 1 (0,01), что-то родное и далёкое 1 (0,01), зелень 1 (0,01), деревянная изба 1 (0,01), бездорожье 1 (0,01), сеновал 1 (0,01), заброшенный 1 (0,01), забор 1 (0,01), классическая деревня 1 (0,01), родственники 1 (0,01), фрукты 1 (0,01), маленькие дома 1 (0,01), гусь 1 (0,01), домик 1 (0,01), блины 1 (0,01), сковородка 1 (0,01), овраг 1 (0,01), берёзовая роща 1 (0,01), я здесь живу 1 (0,01), земля 1 (0,01), белые занавески 1 (0,01), пашня 1 (0,01), гуси 1 (0,01), любимая деревня 1 (0,01), родная деревня 1 (0,01), моя малая Родина 1 (0,01); мало домов, отстоящих далеко друг от друга 1 (0,01); широкие улицы 1 (0,01), покосившиеся заборы 1 (0,01), неасфальтированные просёлочные дороги 1 (0,01).

Рисунок 3 отражает процентное соотношение уровней в ассоциативном поле КД по результатам современного САЭ (см. Рисунок 3).

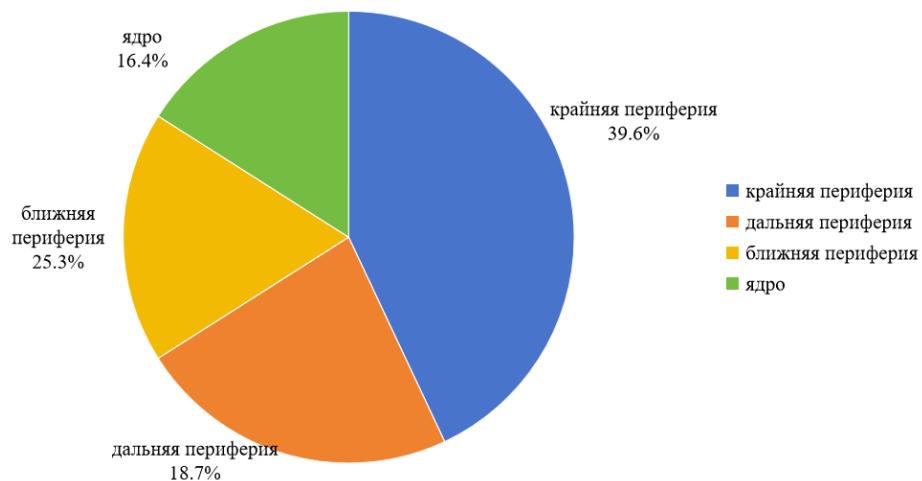

Рисунок 3 – Структура ассоциативного поля КД по данным САЭ

Можно видеть, что ядро ассоциативного поля КД состоит из 16,4% реакций, ближняя периферия – из 25,3%, дальняя – 18,7%, а крайняя – 39,6%.

На рисунке 4 представлены конкретные высокочастотные ассоциативные реакции внутри каждого слоя структуры (см. рисунок 4).

1 – ядро, 2 – ближняя периферия, 3 – дальняя периферия, 4 – крайняя периферия

Рисунок 4 – Содержание ассоциативного поля КД по данным САЭ

В ядерную зону входят ассоциаты *коровы, природа, огород, поле, тишина*.

(Интересно, что село не вошло в ядро ассоциативного поля, а реакция город совсем отсутствует.) К **ближней периферии** относятся такие реакции, как *речка, бабушка, корова, деревья, детство, лето, молоко, спокойствие, дом, изба, река, свежий воздух, уют, глуши, деревянный дом, куры*. К **дальней периферии** – *дача, парное молоко, печка, поля, свобода, село, сельское хозяйство, сено, баня, бедность, грязь*,

деревянные дома, дома, дорога, красота, крестьяне, лес, отдых, петухи, печь, пьянство, разруха, ранний подъём, сад, скот, собака, умиротворение, ферма, хозяйство, цветы, чистый воздух, мало людей. Остальные реакции относятся к **крайней периферии**.

По результатам САЭ можно выделить такие важные признаки КД, как связь с природой (*природа, речка, деревья* и т.д.) и связь с трудом, сельским хозяйством, в частности с земледелием (*сельское хозяйство, хозяйство, ферма, огород, поле / поля* и т.д.). Довольно большую группу ассоциаций составляют названия различных деревенских животных: *скот, корова, коровы, куры, петухи, собака*; названия деревенских продуктов: *молоко, парное молоко*. Кроме того, деревня – это не только место труда, но и место отдыха (*лето, дача, отдых*). Также для многих русских людей деревня выступает как родное место, связанное с их жизнью, с личными воспоминаниями, о чём говорят ассоциации *бабушка, детство*.

Важно отметить, что в сознании участников эксперимента деревня имеет определённую пространственную организацию (*огород, поле / поля, дорога, сад*). Особое место в этом пространстве традиционно занимает дом (*дом, изба, деревянный дом, дома, баня*). Важны и другие материальные объекты деревенского быта – например, *печь*. Есть реакции, которые отражают особенности образа жизни в деревне (*ранний подъём*). Также фиксируется признак отдалённости от города и от других центров (*глушь*).

В целом представление о деревне в сознании носителей русского языка двойственno. С одной стороны, деревня связана с чем-то положительным: *тишина, спокойствие, уют, свобода, красота, умиротворение*, с другой же – с отрицательным: *бедность, грязь, пьянство, разруха*.

Квалификативный анализ данных САЭ позволяет выделить следующие КТГ и ПГ (по аналогии с данными САНРЯ):

1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – 8 реакций, 2,1%:
– ПГ «Общие названия населённых пунктов»: *село 3, родовое поместье, община, классическая деревня* – всего 6;

– ПГ «Топонимы»: *Кагбени*¹, Непал – всего 2.

2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – 25 реакций, 6,5%:

– ПГ «Жители деревни»: *бабушка / бабушки* 9, *крестьяне* 2, *дедушка / дедушки, родители, друзья, староста, родственники, дед, бабушка в платке, дед в валенках* – всего 20;

– ПГ «Характеристика жителей деревни»: *отсталый человек, необразованные люди, отсутствие вкуса; необразованные люди, но в целом всё неплохо; простота* – всего 5.

3. КТГ «Характеристика деревни» – 27 реакций, 7%:

– ПГ «Место расположения»: *за МКАДом, остальная Россия* – всего 2;

– ПГ «Размер»: *«небольшой населённый пункт, заточенный под аграрное хозяйство»; небольшое поселение* – всего 2;

– ПГ «Время существования деревни»: отсутствует;

– ПГ «Степень удалённости от центра»: *глуши 4, нет городской суеты* – всего 5;

– ПГ «Степень населённости, обитаемости»: *мало людей 2, опустевший населённый пункт, заброшенная местность со старицами, малолюдность, мало молодёжи, вымирание, немногочисленное население* – всего 8;

– ПГ «Социально-экономическое положение деревни»: *бедность 2, разруха 2, нет цивилизации, разрушенные колхозы, нищета, заброшенный; отсутствие суеты, но и отсутствие благ цивилизации, особенно медицинских; нехватка комфорта* – всего 10;

– ПГ «Тип материала»: отсутствует.

4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает» – 72 реакции, 18,8%:

– ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней»: *красота 2, грязь 2, грязно, чистота, простота, любимая деревня, тихое родное место* – всего 9;

– ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней»: *спокойствие 6, уют 5, свобода 3, умиротворение 2, воля, покой, благодать, веселье, что-то тёплое и*

¹ Известная туристическая деревня в Непале.

щемящее в душе, тепло, что-то родное и далёкое, тоскливо осенью, беззаботность, гармония – всего 26;

– ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней»: *пьянство* 2, *здравье, тепло; отсутствие суеты, но и отсутствие благ цивилизации, особенно медицинских* – всего 5;

– ПГ «деревня – родное место, связанное с жизнью человека»: *бабушка* 9, *детство* 7, *дедушка, родственники, дед, бабушка в платке, дед в валенках, родители, друзья, я здесь живу; это там, где я живу, родная деревня, моя малая Родина, Родина, очаг, родовое поместье, воспоминания о родных, тихое родное место* – всего 32.

5. КТГ «Мир деревни» – 256 реакций, 66,6%:

– ПГ «Деревенская природа»: *природа* 13, *тишина* 11, *лето* 7, *поле* 12 / *поля* 3, *речка* 10, *река* 5, *деревья* 7 / *дерево, свежий воздух* 5, *сено* 3, *чистый воздух* 2, *лес* 2, *сад* 2, *цветы* 2, *ромашки, роса на траве, лесная мистика, запах древесного дыма, голубое небо, пшеничные поля, черёмуха во дворе, луга и поля, листья, близость к природе, стрекот кузнечиков, запах сена, земляника, бурый лес, солнце, красивая природа, цветение деревьев, природа вокруг, трава, зелень, берёзовая роща, овраг, земля, раздолье* – всего 109;

– ПГ «Деревенские животные»: *корова* 8 / *коровы* 15, *куры* 4, *петух / петухи* 2, *собака* 2, *скот* 2, *гусь / гуси, петушиный крик, пение петуха по утрам, домашние животные, хозяйственные животные, собачий лай* – всего 41;

– ПГ «Организация пространства в деревне»: *огород / огороды* 12, *дом* 5, *изба* 5, *деревянный дом* 4, *дача* 3, *баня / бани* 2, *деревянные дома* 2, *дома* 2, *дорога* 2, *сад* 2, *дом с печкой, старый дом, избы, избушка, сарай, околица, хаты, аккуратные домики, маленькие дома, домик, дом-пятистенок*¹, *небольшое количество деревянных домов, загородный дом, деревья и деревянные дома, избушка, бани, сельпо, колхоз, церковь, деревянная изба, сеновал, забор, пашня, пилорама, бездорожье; мало домов, отстоящих далеко друг от друга; широкие улицы; покосившиеся заборы; неасфальтированные просёлочные дороги; крыши из*

¹ Особый тип дома, у которого жилая часть имеет пять стен.

соломы, колодец, резные наличники, резные окна – всего 74;

– ПГ «Деревенский быт»: печка 3, печь 2, русская печка, тёплая печка, русская печь, ранний подъём 2, очаг, велосипед, сковородка, белые занавески, лопата, грабли, дым – всего 17;

– ПГ «Деревенские продукты»: молоко 6, парное молоко 3, кукуруза, свежий хлеб, фрукты, земляника, здоровое питание, блины – всего 15.

6. КТГ «Деревенские занятия» – 56 реакций, 14,6%:

– ПГ «Деревенский труд»: огород / огороды 12, поле 12 / поля 3, сельское хозяйство 3, хозяйство 2, ферма 2, пашня, натуральное хозяйство, своё хозяйство, труд, бесконечная работа; небольшой населённый пункт, заточенный под аграрное хозяйство; колхоз, сельскохозяйственные работы – всего 43;

– ПГ «Деревенский отдых»: лето 7, отдых 2, рыбалка, каникулы – всего 11;

– ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор»: песня, сказка – всего 2.

7. КТГ «Прецедентные феномены»: Есенин, Шукшин, глушь Саратов¹, «Людка, а, Людка! Тьфу! деревня!»² – 4 реакции, 1%.

В таблице 5 подробно представлены количество и процентная доля реакций по различным КТГ и включённым в них ПГ (см. Таблица 5).

Таблица 5 – Количество и доля реакций КТГ и ПГ на основе данных САЭ

КТГ (кол-во реакций)	ПГ (кол-во реакций)	Доля реакций по ПГ	Доля реакций по КТГ
1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – 8	ПГ «Общие названия населённых пунктов» – 6	1,6%	2,1%
	ПГ «Топонимы» – 2	0,5%	
2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – 25	ПГ «Жители деревни» – 20	5,2%	6,5%
	ПГ «Характеристика жителей деревни» – 5	1,3%	
3. КТГ «Характеристика деревни» – 27	ПГ «Место расположения» – 2	0,5%	7%
	ПГ «Размер» – 2	0,5%	
	ПГ «Время существования деревни» – 0	0%	
	ПГ «Степень удалённости от центра» – 5	1,3%	
	ПГ «Степень населённости, обитаемости» – 8	2,1%	

¹ Имеются в виду строки «В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов...» из комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

² Отсылка к фразе из фильма «Любовь и голуби» (реж. Владимир Меньшов, 1984 г.).

	ПГ «Социально-экономическое положение деревни» – 10	2,6%	
	ПГ «Тип материала» – 0	0%	
4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает – 72	ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней» – 9	2,3%	18,8%
	ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней» – 26	6,8%	
	ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней» – 5	1,3%	
	ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека» – 32	8,3%	
5. КТГ «Мир деревни» – 256	ПГ «Деревенская природа» – 109	28,4%	66,6%
	ПГ «Деревенские животные» – 41	10,7%	
	ПГ «Организация пространства в деревне» – 74	19,3%	
	ПГ «Деревенский быт» – 17	4,4%	
	ПГ «Деревенские продукты» – 15	3,9%	
6. КТГ «Деревенские занятия» – 56	ПГ «Деревенский труд» – 43	11,2%	14,6%
	ПГ «Деревенский отдых» – 11	2,9%	
	ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор» – 2	0,5%	
7. КТГ «Прецедентные феномены» – 4	ПГ «Прецедентные феномены» – 4	1%	1%

Таким образом, самой многочисленной является КТГ «Мир деревни» – 256 реакций, 66,6%, самой малочисленной – КТГ «Прецедентные феномены» – 4 реакции, 1%. Самыми многочисленными ПГ являются «Деревенская природа», «Организация пространства в деревне», «Деревенский труд», что свидетельствует о важности таких когнитивных признаков КД, как связь с природой, связь с трудом. Самые малочисленные – «Топонимы», «Место расположения», «Размер», «Деревенская культура, фольклор», при этом такие ПГ, как «Время существования деревни», «Тип материала», которые отмечались в ассоциативном эксперименте по данным словаря, отсутствуют.

Сопоставительный анализ данных САНРЯ и результатов САЭ

Графическое представление структуры ассоциативного поля КД (см. рисунок 5) убеждает, что процентное соотношений ядерной и периферийных зон

претерпело за полвека ряд изменений.

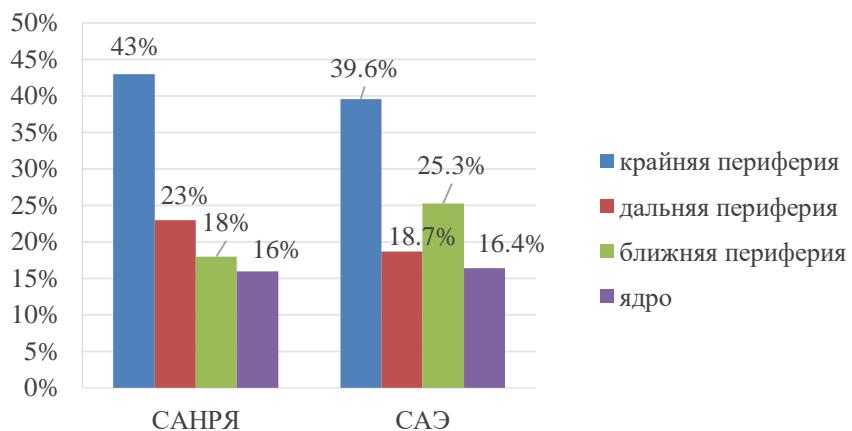

Рисунок 5 – Структура ассоциативного поля КД по данным САНРЯ и САЭ

Так, крайняя периферия составляет наибольшую долю, однако в настоящее время наблюдается заметное расширение ядра и ближней периферии, причём ближняя периферия увеличилась до 25,3%. Если раньше в ядро входила только одна реакция – *город*, то теперь ядерная зона «приросла» ещё четырьмя языковыми знаками – *коровы, природа, поле, тишина*. Соответственно, образ деревни в сознании носителей русского языка теперь строится не на противопоставлении её городу, а на представлении о деревне как об особом мире с особо организованным пространством, деревенскими животными, природой. Это свидетельствует о том, что в современном обществе фокус представлений о деревне направлен характеристику разнообразия жизненного содержания и эмоциональных связей.

Рисунок 6 демонстрирует динамику изменений реакций-ассоциатов КТГ в общей структуре ассоциативного поля КД (см. Рисунок 6).

Очевидно, что значительно возросло наполнение и содержательная представленность таких КТГ, как «Мир деревни», «Деревенские занятия» и «Жители деревни». При этом существенно снизилась значимость таких КТГ, как «Характеристика деревни», «Названия местности»; несколько уменьшилась и лексическая презентация КТГ «Отношение к деревне». Представляется, что данная трансформация свидетельствует о том, что в современном обществе представления о деревне в значительной степени сместились в сторону природы, экологии и жизненного пространства человека, тогда как традиционные

социальные характеристики и географические маркеры утратили своё прежнее значение.

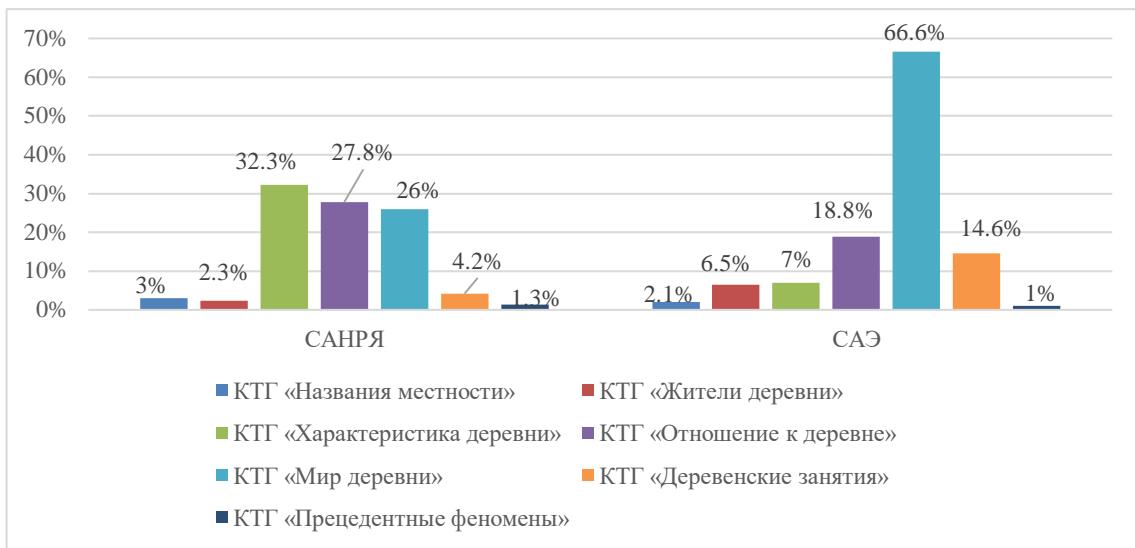

Рисунок 6 – Содержание ассоциативного поля КД по данным САНРЯ и САЗ

Можно резюмировать, что все когнитивные признаки, выявленные путём анализа языковых средств, эксплицирующих КД, формируют его структуру, которую можно представить следующим образом:

Внутренняя форма КД: существительные *поле, почва, земля, глагол драть, деру*; в сознании современных носителей русского языка – *дерево, деревянный, глаголы сесть, сидеть*.

Исторический слой КД:

1) *дореволюционный*: ‘место, расчищенное под пашню’; ‘пашня’; ‘хутор с несколькими домами возле такой пашни’; ‘помещичье крепостное имение с усадьбой’; ‘населённый пункт без церкви’; ‘раньше в деревне жило больше людей, это была более распространённая форма поселений’; ‘жители деревни противопоставлялись сельским жителям, между деревней и селом была большая разница’; ‘дореволюционная’; ‘старая’;

2) *послереволюционный*: ‘колхоз’; ‘колхозники’; ‘советская’; ‘труженики’; ‘культурный рост’; ‘объект развития и модернизации в советскую эпоху’; ‘электрификация, преобразование’; ‘современная, новая’.

Актуальный слой КД:

1) *понятийное поле*:

– ядро: ‘населённый пункт, где занимаются сельским хозяйством, в том числе земледелием’; ‘административный центр’

– ближняя периферия: ‘сельская местность со своим особым укладом жизни’; ‘сельское население’; ‘населённый пункт, в котором живут крестьяне’;

– дальняя периферия: ‘необразованные, тёмные, отсталые люди, которые живут в деревне или переехали в город и невыгодно отличаются от городских жителей’; ‘невежественный, необразованный человек’;

– крайняя периферия: ‘грубое обращение к наивному, невежественному, отсталому человеку’; ‘особое поселение для спортсменов во время олимпиады’;

2) интерпретационное поле:

– ядро: ‘находится вдали от городов и центров’; ‘тесно связана с природой, находится в её окружении’; ‘что-то противоположное городу’; ‘имеет свой уклад жизни и свои особенности’; ‘особым образом организованное пространство, у которого есть центр и периферия, при этом периферия обладает особой значимостью, важное место в этом пространстве занимают *дом* и *баня*’; ‘место, где особым образом организован быт, центральное место в котором занимает *печь*’; ‘распространены по всей России, и на каждой территории они имеют свои отличительные особенности’;

– ближняя периферия: ‘место для работы и отдыха’; ‘живёт мало людей’, ‘заброшенное, глухое место’; ‘плохое социально-экономическое положение’, ‘много негативных явлений’; ‘совмещает в себе различные исторические характеристики’;

– дальняя периферия: ‘объект положительной оценки, хорошего отношения, любви’; ‘красивое и чистое место, место спокойствия, уюта и свободы’; ‘объект негативного, даже уничижительного и презрительного отношения’; ‘грязное место, которое вызывает чувство тоски’;

– крайняя периферия: ‘место, где живут необразованные, грубые, некультурные люди’; ‘место, где отсутствует культура, образование’; ‘много животных, особенно коров’; ‘есть особые деревенские продукты’;

3) ценностное поле:

- ядро: ‘тесно связана с жизнью носителей русского языка, с детством, с работой и т.д.’; ‘родное место’;
- ближняя периферия: ‘является частью русской культуры, входит в различные прецедентные тексты’;
- дальняя периферия: ‘может быть центром славы, известности, обладать какими-то своими уникальными особенностями’; ‘может быть объектом искусства’;
- крайняя периферия: ‘общинность, соборность, коллективность’; ‘связана с культурной оппозицией ‘свой – чужой’’;

4) *образное поле*:

– ядро:

А) *визуальные образы*: бабушка в платке, дед в валенках, поле, речка, деревья, цветы, ромашки, роса на траве, голубое небо, пшеничные поля, черёмуха во дворе, луга и поля, бурый лес, зелень, берёзовая роща, коровы; мало домов, отстоящих далеко друг от друга; широкие улицы; покосившиеся заборы и т.д.;

Б) *звуковые образы*: стрекот кузнецов, мычание коров, пение петуха по утрам, собачий лай;

В) *обонятельные образы*: запах сена, запах древесного дыма.

Выводы по главе 2

Проведённый комплексный анализ лексем *деревня* / *село*, являющихся ключевыми вербальными репрезентантами КД в словарном составе русского языка, позволил выявить структуру КД, изучить его смысловое наполнение, проследить историческую динамику и определить актуальное состояние в языковом сознании носителей, что позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Различные этимологические словари, объясняющие происхождение лексем *деревня* и *село*, демонстрируют, что они имеют в своей этимологии общую сему – ‘связь с землёй, земледелием’, которая лежит в основе внутренней формы данных языковых единиц, и тем самым убедительно доказывают фундаментальную

связь КД с аграрной деятельностью, что позволяет отнести обе лексемы к ядерной зоне КД. Этимологический анализ выявляет и национальную специфику: *деревня* имеет древнерусское происхождение, тогда как *село* – общеславянское, при этом обе лексемы прошли схожий путь семантической эволюции от обозначения земельного участка к наименованию населённого пункта, что свидетельствует об общности исторических процессов формирования поселений на Руси. Различия в их распространении и использовании в разных славянских языках подчёркивают уникальность русскоязычной экспликации КД среди других славянских культурно-ментальных пространств.

2. Анализ деривационных связей указывает на разную продуктивность и семантическую насыщенность словообразовательного гнезда лексем *деревня* и *село*, что отражает их меняющийся статус и актуальность в разные исторические периоды. Более широкое гнездо лексемы ‘село’, особенно обогащённое в советскую эпоху (*сельхоз-*, *сельпо*, *сельсовет* и др.), свидетельствует о его доминирующей роли как объекта хозяйственного и административного развития. Дериваты лексемы *деревня* чаще фиксируют размер и эмоциональную оценку, при этом многие обозначения жителей (*деревенщик*, *однодеревенец*) устаревают, что коррелирует с сокращением сельского населения и стиранием чётких границ между типами поселений.

3. Дефиниционный анализ свидетельствует о наличии многозначности у обеих ядерных лексем, что является показателем высокой номинативной плотности КД. В словарных определениях закреплены как базовые понятийные признаки, относящиеся к ядру и ближней периферии (‘населённый пункт’; ‘связь с сельским хозяйством’, ‘сельская местность со своим особым укладом жизни’; ‘сельское население’ и т.п.), так и факультативные, репрезентующие дальнюю и крайнюю периферию КД (‘любой невежественный, необразованный, отсталый человек’; ‘наличие / отсутствие церкви’; ‘помещичье имение’ и др., исторически обусловленные).

4. Семантическая структура лексем лексем *деревня* и *село* во многом пересекается, однако интерпретационное поле КД демонстрирует расхождение

оценочных значений (признаки размера, наличие/отсутствие функций административного центра), что особенно ярко проявляется в противопоставление деревенской местности и его населения городу и городским жителям и фиксации пейоративной коннотации (*деревня* – ‘необразованные, тёмные, отсталые люди, которые живут в деревне или переехали в город и невыгодно отличаются от городских жителей’).

5. Исследование морфологических особенностей и синтаксической сочетаемости лексем *деревня* и *село* дополняет представление о структурно-содержательных особенностях КД, отражая различие между конкретно-предметным и обобщённо-абстрактным значениями данных лексем (полнота / неполнота парадигмы склонения). Адъективная, глагольная и субстантивная сочетаемость данных лексем выявляет широкий круг ассоциированных признаков, таких как географическая распространённость, эмоционально-личная связь (родное место), трудовая и бытовая деятельность, пространственная организация и историческая стратификация, подтверждая тем самым многомерность КД.

6. Анализ ассоциативного поля КД в диахронии (по данным САНРЯ 1977 г. и проведённого САЭ) демонстрирует значительные изменения его объективации в языковом сознании. Если в 1970-е годы ядром ассоциативного поля являлась оппозиция ‘деревня – город’, отражающая актуальное социокультурное напряжение эпохи «деревенской прозы», то в современном сознании ядро сместилось к образам живой природы, сельского хозяйства и тишины (*коровы, огород, поле, тишина*). Это свидетельствует о содержательном и аксиологическом переосмыслинии КД, об уходе от прямой городской антитезы и актуализации его внутренней сущности как особого природно-хозяйственного мира.

7. Вместе с тем современное ассоциативное поле КД характеризуется выраженной двойственностью и включает как положительные, идеализированные представления (связь с детством, родным домом, спокойствием, красотой природы), так и устойчивые негативные образы, связанные с упадком, разрухой, бедностью и отсутствием цивилизации. Наличие в ассоциативном поле многочисленных паремий и иных прецедентных феноменов подчёркивает укоренённость КД в

российской лингвокультуре, а противоречивость ассоциаций отражает сложный, многогранный и динамичный характер его бытия в актуальном русском языковом сознании.

8. Многоаспектный анализ словарных репрезентаций КД позволил не только реконструировать ядерные и периферийные зоны, но и выявить ключевые когнитивные признаки, отражающие его структурно-семасиологическую организацию и эволюцию в русской ЯКМ, что может рассматриваться как методологическая база дальнейшего исследования специфики рефлексии КД в художественных произведениях российских писателей XX века.

ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА 'Деревня' В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

3.1. Конститутивные признаки деревенской прозы

Художественная проза российских писателей XX века – довольно разнородное и даже «пёстрое» явление. В целом она проходила через те же этапы развития, что и вся художественная литература. XX век – это время больших исторических потрясений, серьёзных социальных сдвигов, эпоха двух мировых войн и революций. Большое влияние на искусство (и особенно на литературу), в России, а затем в СССР оказывали такие события, как Февральская и Октябрьская революции 1917 года, раскулачивание, коллективизация, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., перестройка 1990-х гг.

М.М. Голубков выделяет три основные ветви русской литературы в XX веке: литература метрополии, потаённая литература и литература диаспоры. Литература метрополии – это официальная литература СССР, которая находилась под идеологическим давлением. Потаённая литература тоже существовала на территории Советского Союза, но неофициально: это запрещённая, подпольная или самиздатовская литература, авторы которой по тем или иным причинам не имели возможности публиковать свои произведения; многие из этих произведений были опубликованы только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. И наконец, литература диаспоры – это литература эмиграции, у которой были свои центры, издательства и журналы. Все три ветви выходят из одного общего источника, но в ходе своего существования они мало взаимодействовали и почти не пересекались между собой [Голубков, 2024, с. 7].

Одновременно М.М. Голубков выделяет четыре этапа в истории русской литературы XX столетия:

1. Рубеж XIX–XX вв. Время «художественной революции», которая повлияла на язык литературы, на её лексику и синтаксис. Это предопределило характер всей русской прозы первой половины XX века, в том числе

существование реализма и модернизма, их взаимное влияние друг на друга. Черты прозы этого времени: ослабление роли сюжета как выражения причинно-следственных связей, замена сюжетов многозначными образами-символами, сближение прозы и поэзии.

2. Первая половина XX века (1920–1950 гг.). Влияние политических и социальных процессов на литературу, существование в ней старых и новых тенденций, взаимодействие модернизма и реализма (творчество М. Горького, И.А. Бунина, Б.И. Пастернака). В это время выходит Декрет о печати (1917 г.), вводится цензура, закрываются издания, выражавшие иные точки зрения, отличные от официальных. После этого для литературы характерна тесная связь с властью, появление нового типа читателя – массового.

3. Вторая половина XX века. Смена писательских поколений, появление авторов, не знавших «художественной революции» и модернизма. Развитие литературы происходит в основном в русле реализма: деревенская проза, лагерная проза, военная проза, городская проза, затем – литература «сорокалетних», возникновение «московской» школы как итог развития городской прозы. Осмысление исторического опыта 20–30-х гг. и Великой Отечественной войны. Формируются новые «“литературные галактики”, связанные с важнейшими сторонами русского национально-исторического опыта». К этому же времени относятся и первые опыты постмодернизма («Москва – Петушки» В.В. Ерофеева, «Пушкинский дом» А.Г. Битова и др.).

4. Рубеж XX–XXI вв. (современный период). Литературный процесс сменяется литературным хаосом. Для этого периода характерны отмена цензуры, уход идеологии, невмешательство государства в литературу, утрата литературоцентризма, сокращение количества читателей, подчинение литературы законам рынка [Голубков, 2019].

Е.Б. Скороспелова, рассматривая прозу 1920–1950-х гг., выделяет следующие этапы:

1. Конец 1910 – начало 1920-х гг. Попытки литературы осознать себя в контексте культурно-исторического разлома. Для этого времени характерно

идейное и жанрово-стилевое разнообразие. На первый план выдвигается жанр публицистики (А.С. Серафимович, А.А. Блок, А.М. Ремизов, И.А. Бунин и т.д.); актуализируется реализм (М. Горький, Л.М. Леонов, А. Толстой, М.А. Шолохов); продолжение традиций «неклассической» прозы и синтез разных жанров.

2. Первая половина 1920-х гг. В этот период устанавливаются основные участники литературного процесса на ближайшие десятилетия. Продолжают писать дореволюционные авторы (Б.А. Пильняк, И.Г. Эренбург, Е.И. Замятин, М.М. Пришвин, А. Толстой, Б.И. Пастернак, М. Горький) и возникают новые имена, происходит резкая идейно-эстетическая поляризация (Серапионовы братья, писатели Пролеткульта). Из жанров на первое место выходят рассказ и повесть, описывающая героико-трагические моменты из жизни общества, роман же отодвигается на второй план. Зарождаются и достигают пика своего развития такие формы, как сказ и орнаментальная проза. Изменяется тип героя: укрупняется масштаб личности, на первый план выходят такие качества, как воля, рациональность. Наблюдается интерес к историко-революционной теме, создаются предпосылки для формирования социалистического реализма. Активное внимание к «чужой» речи (язык лозунга, военного призыва, митинга, народных песен и романса, молитвы, частушки, просторечия и т.д.).

3. Середина 1920 – начало 1930-х гг. (М.М. Пришвин, А. Платонов, С.А. Клычков, Л.М. Леонов, М.М. Зощенко, М. Горький, А. Белый и др.). Для этого периода характерно сосуществование различных эстетических направлений, укрепление позиций реализма, формирование соцреализма, появление новых разновидностей романа (романы «Русский лес» Л.М. Леонова, «Доктор Живаго» Б.И. Пастернака). Расцвет «неклассической прозы», неомифологизм, орнаментализм, ассоциативно-лейтмотивный принцип повествования; взаимодействие классических и модернистских тенденций; обращение к философской, нравственной, исторической проблематике. Здесь же борьба с публикациями русских произведений за рубежом (кампания РАПП против Б.А. Пильняка и Е.И. Замятин и их травля), борьба с инакомыслием в литературе, разгром формальной литературоведческой школы (1929 г.). Литература становится

всё более зависимой от власти.

4. Начало 1930 – конец 1930-х гг. Расцвет соцреализма (авторы очерков Б.Л. Горбатов, С.В. Диковский, И.И. Катаев, М.И. Ильин, М.П. Лоскутов; авторы произведений о производстве и о колхозной жизни, о гражданской войне: А.А. Фадеев, Ф.В. Гладков, Н.А. Островский, А.С. Макаренко), вытеснение из литературного поля «неклассической» прозы. В этот период проходит Первый съезд советских писателей (1934 г.), на котором утверждаются главные принципы соцреализма (жизнеподобие поэтики, чёткие амплуа персонажей, обусловленность характера героя социально-политическими условиями, обращение к политической проблематике, недоверие и т.д.), а также круг тем, к которым должны были обращаться писатели. В литературе создаётся особый образ советского Космоса, формируется особая философия мироздания.

5. 1940-е – середина 1950-х гг. (В.С. Гроссман, Б.Л. Горбатов, Э.Г. Казакевич, В.Ф. Панова, В.П. Некрасов, В.Ф. Тендряков, В.В. Овечкин; писатели старшего поколения: А.П. Платонов, А.А. Фадеев), где большое влияние на литературу этого этапа оказывает Великая Отечественная война. Происходит некоторое ослабление контроля со стороны государства, появляется больше свободы; основные жанры – публицистика (И.Г. Эренбург, В.С. Гроссман и др.), очерки, рассказы на военную тематику; обращение к традициям героической повести начала 1920-х гг. Здесь же освобождение от соцреалистических канонов изображения человеческой личности и предпосылки оттепели в культуре (повесть И.Г. Эренбурга «Оттепель» 1954 г.). Далее угасание производственного, колхозного романа, развенчание мифов соцреализма, стремление к правдивому изображению действительности (очерки о деревне В.В. Овечкина «Районные будни»), возвращение жанра философского романа [Скороспелова, 2003, с. 4–46].

В общем контексте литературного процесса XX века выделяется особое и чрезвычайно значимое художественное направление – **деревенская проза**, которая «рассматривала деревню как особый цивилизационный феномен, как уходящий на глазах всего нескольких поколений тип русской цивилизации» [Голубков, 2019, с. 27–30].

Бесспорно, тема деревни всегда занимала большое место в русской литературе, однако в XX век дал «толчок» к совершенно разному художественному осмыслинию феномена деревни. В это время деревня претерпевает множество перемен: две революции 1917 года, гражданскую войну, раскулачивание, коллективизацию, Великую Отечественную войну, уничтожение «неперспективных деревень», механизацию сельского хозяйства, урбанизацию, разруху, разрушение традиционного деревенского уклада жизни и ценностей, перестройку, распад Советского Союза, «лихие 90-е», переход от социализма к капитализму и т.д. Всё это нашло отражение в произведениях многих писателей XX века (например, И.А. Бунина, В.В. Овечкина, А.И. Солженицына, В.М. Шукшина, Ф.А. Абрамова, Б.А. Можаева, В.Г. Распутина, Е.И. Носова, В.П. Астафьева и мн. др.), и конечно, образ деревни прошёл определённую эволюцию.

Если в XIX веке деревня идеализировалась, в чем-то вызывала сочувствие писателей и позиционировалась как оплот соборности, нравственности и духовности, как выражение сущности русского народа, то после реформы 1861 года и в начале XX века на первый план выходят «тёмные» стороны деревни: социальный и нравственный упадок, нищета, необразованность, погоня за наживой, пьянство, насилие и т.д. Именно такой образ сначала развивается и в советской литературе, которая рассматривала деревню как «воплощение пороков» и считала, что деревенская жизнь должна быть полностью перестроена. Спустя некоторое время в изображении деревни проявляются «лакировочные» тенденции: описывается уже колхозная деревня с развитым, передовым хозяйством, с крестьянством, которому теперь присуще коммунистическое сознание. Но это, как оказалось, было лишь поверхностным слоем, за которым всё ещё сохранялись древние крестьянские устои, традиционная русская культура. Именно к этой стороне деревни и обращается советская литература в 50–60-х гг. XX века, возвращаясь в изображении деревни (отчасти) к традициям XIX века [Подкорытова, Подворная, 2019]: так формируется деревенская проза, не только украсившая «золотую коллекцию» российской литературы, но и ставшая образцом

художественного языка, во многом сформировавшим русское языковое сознание, русскую ЯКМ и российскую лингвокультуру в целом¹.

3.2. Компаративная характеристика идиоэкспликации концепта ‘Деревня’ в произведениях писателей XX века

Рассказ И.А. Бунина «Антоновские яблоки»

И.А. Бунин (1870–1953) – русский писатель, поэт, переводчик, обладатель Нобелевской премии по литературе (1933 г.), в творчестве которого тема деревни является одной из основных. Писатель много лет жил в деревне, на хуторе Бутырки и в Озерках («в крошечном хуторе, затерянном в полевом и лесном раздолье...» [Михайлов, 2001, с. 32]), поэтому был хорошо знаком с сельским укладом жизни. И.А. Бунин изображает постепенное умирание прежней, «помещичьей» деревни, деревни дворянских гнёзд, но делает это с большой поэтичностью, изображая деревню в патриархально-идиллическом духе. Поэтике И.А. Бунина свойственны музыкальность, отсутствие чёткой фабулы, лиричность, что позволило писателю создать неповторимый образ деревни.

Рассказ «Антоновские яблоки», одно из самых известных произведений И.А. Бунина, опубликован в 1900 году в журнале «Жизнь» и входит в цикл произведений-эпитафий («Картины из книги “Эпитафии”»). Замысел рассказа возник ещё в 1891 году, когда И.А. Бунин посетил имение брата: писатель поэтически изображает уходящий в прошлое мир дворянских усадеб и помещичьего быта. О.Ю. Юрьева отмечает: «Написанный на излёте века в предчувствии тектонических сдвигов в истории и судьбах России и народа, рассказ И.А. Бунина становится своеобразным прологом к той ветви русской классической литературы, которой суждено было быть отринутой новыми реалиями XX

¹ См. в этой связи: «... художественный концепт, отражающий картину мира автора как представителя того или иного этноса, опыт, мировоззрение и систему ценностей, аккумулированных в сознании языковой личности и воплощённых в его уникальной модели мира, обладающей своими собственными законами, нормами и системами, выступает в роли ключа к характеристике всего этнокультурного сообщества, породившего его, что обуславливает важность изучения современных художественных произведений в разрезе концептуального анализа, выявления их лингвистических особенностей, также способствующих отражению особенностей мышления и мировосприятия данного этноса» [Катермина, Балаева, 2023, с. 19–20].

столетия, чтобы потом вернуться в произведениях, которые сейчас мы воспринимаем как воплощение национального мировидения и мирочувствования» [Юрьева, 2020, с. 35–42].

Важно отметить, что собственно лексема *деревня*, её производные и ближайшие синонимы в рассказе встречаются редко (*деревня* – 6 единиц, *деревенский* – 2, *село, селение, хутор* – 1). И.А. Бунин создаёт «мир деревни» не с помощью прямой номинации концепта, а путём описаний различных реалий, которые составляют деревенский мир. Соответственно, в рассказе присутствует множество языковых знаков, обозначающих жителей деревни, природных объектов и явлений, пространственных объектов, предметов быта (**450 лексических единиц**). С одной стороны, И.А. Бунин изображает зримый и осязаемый мир деревни, с другой – этот мир наполнен духовным началом: красотой, гармонией и поэзией. *Деревня* у И.А. Бунина – это не только материальные предметы, но и культура, которая выражается в различных приметах, песнях, плясках.

Квалификативный анализ лексических единиц, эксплицирующих КД в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки», позволяет выделить 7 КТГ с включёнными в них ПГ. Рассмотрим их более подробно.

1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – всего 8 единиц:

– ПГ «Общие названия населённых пунктов»: «*деревня* / *деревенские* (2) – всего (10), *село / сельское* (2), *город* (2), *селение, хутор* – 5 единиц;

– ПГ «Топонимы»: *Выселки* (7), *Красный Бугор*, *Гремячий Остров* – 3 единицы.

2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – всего 65 единиц:

– ПГ «Жители деревни»: *старик / старики* (6), *барин* (5), *мужик / мужики* (4), *старуха / старухи* (4), *тётка Анна Герасимовна / Анна Герасимовна* (4), *девки* (4), *мещанин / мещане* (2), *народ* (2), *помещик-охотник / охотник / охотники* (3), *погонщик* (2), *подавальщик* (2), *сосед / мелкопоместный сосед* (2), *дедушка / деды* (2), *девки-однодворки, «барские», молодая старостиха, мальчишки, барчук, Агафья, Панкрат, Платон Аполлоныч, бабы, Савелий, Игнат, Дрон, семья, жена,*

тещь, повар, форейтор, помещики, верховые киргизы, дворня, холостяк-помещик, садовник, поселяне, бабушка, девушки, женщины, работник, старая кухарка (Лукерья), мещане-садовники, тархане – 43 единицы;

– ПГ «Характеристика жителей деревни»: *мелкопоместный / мелкопоместные (3), «хозяйственная бабочка и работники, (народ) прибран и доволен», жили подолгу, «высокие, большие и белые, как лунь», большая (старуха), тёчная (старуха), богатые мужики, здоровая и красивая жена, бородатый тещь, домовитость, последние мугикане дворового сословия, ветхие (старики и старухи), дряхлый, похожий на Дон-Кихота (повар в отставке), седой (кучер), загорелые с обветренными лицами, «высок ростом, худощав, широкоплеч и строен, красавец цыган, очень ловок», гостеприимный (сосед), хорошие (девушки и женщины), обедневшие до нищенства (мелкопоместные), старая (кухарка), степенный (подавальщик) – 22 единицы.*

3. КТГ «Характеристика деревни» – всего 8 единиц:

- ПГ «Место расположения»: отсутствует;
- ПГ «Размер»: отсутствует;
- ПГ «Степень удалённости от центра»: отсутствует;
- ПГ «Степень населённости, обитаемости»: *«перемерли старики в Выселках», глухой хутор – 2 единицы;*
- ПГ «Социально-экономическое положение»: *богатство, богатая, богатая мужицкая жизнь, сельское старосветское благополучие, крепостное право, нищенская мелкопоместная жизнь – 6 единиц.*

4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает» – всего 21 единица:

- ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней»: *«так в деревне и совсем не плохо», «хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах», «Славный будет день для охоты!» – 3 единицы;*
- ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней»: *«как хорошо жить на свете!», «сладкая и странная тоска», одиночество, «тепло и отрадно», «мирный зимний лад», «грустная, безнадёжная удаль» – 6 единиц;*

– ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней»: *тишина* (5), *чистота*, *старинная мечтательная жизнь*, *мелкопоместная жизнь* – 4 единицы;

– ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека»: *покойный шурина Арсений Семёныч* (5), *тётка* (3), *тётка Анна Герасимовна* (2), *дедушка, жена, тестя, бабушка, детство* – 8 единиц.

5. КТГ «Мир деревни» – всего 303 единицы:

– ПГ «Деревенская природа»: *сад / сады* (22), *поле / поля* (12), *небо* (12), *лес / леса / строевой лес* (11), *листва / листья* (9), *ветер* (7), *осень* (7), *дождь / дожди / дождик* (7), *солнце* (6), *вечер / вечером* (5), *деревья* (5), *ночь* (5), *кленовые аллеи / аллея / берёзовая аллея* (5), *земля* (5), *темнота* (4), *утро* (4), *зазимок / зазимки* (4), *день / дни* (4), *сумерки* (4), *яблоня / яблони* (3), *зима / зимой* (4), *свет / солнечный свет / солнечный блеск / бледный свет* (4), *вода* (3), *тучи* (3), *лозины* (3), *заря* (3), *снег* (3), *озими* (3), *звёзды* (2), *созвездия / созвездие Стоожар* (2), *воздух* (2), *запах антоновских яблок* (2), *лето / летом* (2), *бабье лето* (2), *костёр* (2), *ветви* (2), *погода* (2), *грязь* (2), *овраги* (2), *сырость* (2), *взмёты* (2), *жнивья* (2), *затравленный зверь* (2), *паутина, тенётник*¹, *запах, аромат опавшей листвы, запах мёда, запах осенней свежести, запах сада, запах дёгтя, душистый дым вишнёвых сучьев, воздух чист, свежий воздух, чистый и чуткий воздух, воздух (чист и ясен), звёздное небо, тишина утра, квохтанье дроздов, стук ссыпаемых яблок, солома, розы и лилии, рябины, берёзы, липы, липовый цвет, сучья, кора, дуля, ястребок, кобчики, голуби, воробыи, соловьи, горлинки, галки, зверь, убитый матёрый волк, полдень, мрак, поздняя ночь, полночь, полутемнота, ранняя заря, эхо, горизонт, даль, пруд, река, июнь, август, сентябрь, октябрь, туман, мороз, прохлада, холодно, росисто, грибная сырость, холод, студёная заря, зимняя свежесть, запад, север, бледная луна, Млечный путь, облака, ливень, буря, полянка, чернолесье, лесная долина, чернотроп*², *скалы, дубравы, равнины, пашни, зеленя, конопляник, садовый вал, камень, эхо* – 122 единицы;

– ПГ «Деревенские животные»: *собака / собаки* (11), *лошадь / лошади* (7),

¹ Обл. Осенняя паутина, летающая по воздуху [МАС, 1988, т. 4, с. 353].

² Охот. Осенние холода до выпадения снега, а также дорога, путь, не покрытые ещё снегом [МАС, 1988, т. 4, с. 353].

гончие и борзые собаки / гончие / гончие суки (5), чёрный борзой / борзые (3), «киргиз» (2), лохматая овчарка, псина, корова, петухи, гуси, пчёлы, жеребец-битюг, донец, лошадиный пот, телята, бурый мерин – 16 единиц;

– ПГ «Организация пространства в деревне»: сад / сады (22), усадьба / усадьбы / дворянские усадьбы / поместьи усадьбы (15), дом / господский дом (14), поле / поля (12), шалаши (9), окно / окна (8), гумно / гумна (6), ворота (5), крыльцо (5), двор / дворы (5), большая дорога / дорога / путь-дорога (4), рига / риги (4), зала (4), людская (3), озими (3), избы / избы в две-три связи (3), садовый вал / вал (2), калитка взмёты (2), жнивья (2), крыша / соломенная крыша (2), сарай / каретный сарай (2), флигель (2), дверь / двери (2), лакейская (2), гостиная, молельная, жильё, кабинет, коридор, сени, конопляник, овины, пунька¹, амбарчики, надворные постройки, передний фасад, колонны, фронтон, поместье, пашни, зеленя, телеграфные столбы – 43 единицы;

– ПГ «Деревенский быт»: дым / дым от трубок и папирос / клубы дыма (9), замашная рубаха / белые замашные рубашки / рубаха с канифасовыми косяками / шёлковая малиновая рубаха / холщовая рубаха (5), сапоги / рыжие сапоги / длинные сапоги / сапоги с подковками / полусапожки с подковками (5), рог / рога (4), печка / печи / земляная печка (4), барабан молотилки / барабан (4), скамеечка / скамейка (3), самовар (3), телеги / тележка (3), обед (3), ружьё / одностольное ружьё (3), воз / возок (2), постель / постели (2), платки / красные и жёлтые платки (2), поддёвка / поддёвки (2), бархатные шаровары / шаровары (2), стёкла (2), привод (2), свечи / сальные свечи (2), умываться / «умыться около бочки» (2), меры / «меры, окованные медными обручами» (2), понева (2), обоз, кадушки, красные уборы, сарафаны, костюмы, «рога» (косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками), косы, безрукавка плисовая, занавеска, подол, босые ножки, длинный сюртук, ржаной аромат новой соломы и мякины, колёса, посуда, рогожи, ящики, «по-чёрному дымятся избы», «засёдывать лошадь», «встать вместе с солнцем», позавтракать, седло, сундуки, чуньки (покойницкие), холсты, прялки, полушибки, наборная сбруя, санки, омёт, бочка, портки,

¹ Обл. Сарай для хранения сена, мякины или для других хозяйственных нужд [МАС, 1987, т. 3, с. 558].

праздничный убор, деревянные тарелки, своры, дубовые брёвна, соломенные крыши, шапка, старая мебель красного дерева, кресла, столы с инкрустациями, зеркала в узеньких и витых золотых рамках, большая персидская шаль, тройки, труба, поводья, ночёвка, фонари, лампы, перина, образничка, лампада, дрова, плесень, духи, часы (с кукушкой), седло, огоньки (Выселок), зимние рамы, ворох соломы, сечки¹, распоясанная косоворотка, шкурки лисиц, кровать, папироза, табак, махорка, постромки², навозный круг, кнут, ток, носилки, мётла, пук, старновка³, грабли, солома, хоботье – 100 единиц;

– ПГ «Деревенские продукты»: яблоко / яблоки / антоновские яблоки / антоновка (10), хлеб / чёрный хлеб (2), водка (2), кулеш с салом, картошки, соль, лук, горячая баранина, ситник⁴, сотовый мёд, брага, «дули», «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», розовая варёная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады, красный квас, заяц под соусом, капуста – 22 единицы.

6. КТГ «Деревенские занятия» – всего 40 единиц:

– ПГ «Деревенский труд»: молотьба (2), урожайный год (2), сев, хозяйство, деревенские дела, косить, молотить, рубить капусту, разметать ток, работа – 10 единиц;

– ПГ «Деревенский отдых»: охота (8), ярмарка, престольные праздники, попойка, отдых, «сумерничать», «пьют на последние деньги» – 7 единиц;

– ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор»: праздник св. Лаврентия, «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик», «много тенётника на бабье лето – осень ядрёная», тульская гармоника, пляска, «Ядрёная антоновка – к весёлому году», престольные праздники, Петровки⁵, праздник, благовест, книги, деревенские песни, гитара, «На сумерки буен ветер загулял, / Широки мои ворота растворял...», «Широки мои ворота растворял, / Белым снегом путь-дорогу заметал...» – 15 единиц;

– ПГ «Религия»: обедня (2), праздник св. Лаврентия, престольные праздники,

¹ Орудие для рубки капусты; тяпка [МАС, 1987, т. 3, с. 558].

² Ремни (верёвки), соединяющие валёк с хомутом [там же].

³ Немятая солома, получаемая при обмолоте таким способом [Ушаков, 1940, т. 4, с. 486].

⁴ Разг. Хлеб, испечённый из просеянной муки; ситный [МАС, 1988, т. 4, с. 99].

⁵ Петров день, отмечался обычно 12 июля.

кресты, благовест, церковные требники, образничка, лампада – 8 единиц.

7. КТГ «Прецедентные феномены»: «Осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик», «Много тенётника на бабье лето – осень ядрёная», «Ядрёная антоновка – к весёлому году», «На сумерки буен ветер загулял, / Широки мои ворота растворял...», «Широки мои ворота растворял, / Белым снегом путь-дорогу заметал...» – всего 5 единиц.

Наиболее многочисленная КТГ – «Мир деревни» (303 единицы). Самые многочисленные ПГ в рассказе: «Деревенская природа» (122 ед.), «Деревенский быт» (100 ед.), «Жители деревни» (43 ед.), «Организация пространства в деревне» (43 ед.), «Характеристика жителей деревни» (22 ед.) и «Деревенские продукты» (22 ед.). В каждой подгруппе также можно выделить отдельные группировки слов. Например, важной частью деревенского быта у И.А. Бунина является одежда. Писатель уделяет большое внимание её описанию: *замашная рубаха, полусапожки с подковками, красные и жёлтые платки, поддёвка, бархатные шаровары, безрукавка плисовая* и т.д. Многие слова в описании одежды являются устаревшими или диалектными, отражают традиционный русский народный колорит. Другая значимая часть деревенского быта – это название предметов домашней утвари (*самовар, меры, кадушки, сундуки, прялки*). Причём есть как общезыковая лексика (*посуда, кровать, ящики*), так и культурно-специфичная, обозначающая предметы, которые используются в основном только в деревенской среде (*кадушки, сечки, постромки* и т.д.). Кроме того, следует отметить ряд слов, связанных с деревенским хозяйством, с трудом (*солома, старновка, мякина*); со средствами передвижения (*воз, телега, обоз*); с деревенским распорядком дня (*«встать вместе с солнцем», «умыться около бочки», позавтракать*). Такое обилие лексики в данной ПГ показывает, что мир деревни у И.А. Бунина очень богат, его отличает свой специфичный быт, распорядок дня. Смысловой доминантой здесь становится лексема *дым*: И.А. Бунин часто упоминает дым от костров, дым, идущий из труб домов, или дым от трубок и папирос. Дым становится одним из символов деревенской жизни, деревенского уюта и быта.

Деревенская природа тоже изображена разнообразно: можно встретить как

непосредственно упоминание объектов природы (*поле, лес, деревья*), так и лексику, связанную со сменой времён года, суток или погоды (*осень, лето, зима; вечер, утро, темнота; дождь, ветер, солнце*); названия птиц и животных (*ястребок, кобчики, голуби, волк*), деревьев и растений (*яблони, рябины, берёзы, липы, розы и лилии*). Ещё одним важным символом деревенской жизни у И.А. Бунина становятся яблони и антоновские яблоки, особенно их запах. Перцептивный компонент в восприятии природы выходит у И.А. Бунина на первый план. Мир деревенской природы наполнен различными запахами (*аромат опавшей листвы, запах мёда, запах осенней свежести, запах сада, запах дёгтя, душистый дым вишнёвых сучьев*), звуками (*квохтанье дроздов, стук ссыпаемых яблок*) и ощущениями (*мороз, прохлада, холодно, зимняя свежесть*). Мир природы очень гармоничен и тесно связан с миром деревни. Ещё одними неотъемлемыми признаками деревни, связанными с природой, у И.А. Бунина являются *тишина и свежий воздух*.

Значимые составляющие КД – деревенские жители с их особенностями. Прежде всего это конкретные персонажи «Антоновских яблок» (*тётка Анна Герасимовна, Агафья, Панкрат, Платон Аполлоныч, старая кухарка Лукерья*), причём многие имена – старинные, окрашены национально-культурной спецификой, а часть из них раньше была распространена только в деревенской среде, среди крестьян. Также деревенские жители характеризуются по различным признакам: возраст (*старики, девки, мальчишки*), пол (*бабы, мужики*), сословная принадлежность (*барин, мужики, мещане*), род деятельности (*охотники, погонщик, кухарка, садовники*), место жительства (*тархане*). Важность сословной принадлежности при характеристике жителей деревни и наличие широкого круга лексики, связанной с этим, – отличительная черта концепта «деревня» в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки». Также стоит отметить, что в рассказе много лексики, выражающей семантику пожилого возраста: *старик / старики, старуха / старухи, дедушка / деды, «последние могикане дворового сословия», ветхие (старики и старухи), «дряхлый, похожий на Дон-Кихота» (повар в отставке), седой (кучер)*. Эта черта является общей для всех рассматриваемых нами произведений о деревне. Таким образом, деревня в рассказе И.А. Бунина предстаёт

как мир, в котором живут в основном пожилые люди (так как молодые уезжают в город), как отживающий своё, уходящий в прошлое мир.

С подгруппой «Деревенские жители» тесно связана подгруппа «Деревня – родное место». В рассказе И.А. Бунина *деревня* – это место, в котором живут или жили родственники рассказчика и которое вызывает воспоминания о детстве (*покойный шурин Арсений Семёныч (5), тётка (3), тётка Анна Герасимовна (2), детство и т.д.*).

Помещичья усадьба и усадебный мир изображаются как «знаковые», но исчезающие явление дореволюционной русской деревни, у которого уже нет былого богатства и благополучия (*сельское старосветское благополучие*). В целом *деревня* у И.А. Бунина отличается двойственностью, в ней совмещаются два мира: крестьянский и дворянский, и эта двойственность проявляется в лексике (в четвёртой по частотности ПГ «Организация пространства в деревне»). Почти в каждой КТГ слова можно разделить на лексику «крестьянского» мира (например, *печка, гумно, сарай, соломенная крыша* и т.д.) и «дворянского» (*передний фасад, колонны, фронтон, флигель, старая мебель красного дерева, кресла, столы с инкрустациями, зеркала в узеньких и витых золотых рамках* и т.д.). Эти два мира резко контрастируют друг с другом, помещичья усадьба имеет много городских примет, но в то же время крестьянский и дворянский миры тесно связаны между собой. И.А. Бунин описывает их сосуществование как гармоничное и идеальное, хотя иногда в этом описании всё-таки проявляются негативные черты (*крепостное право, нищенская мелкопоместная жизнь*). Также в рассказе «Антоновские яблоки» довольно подробно описывается охота как часть дворянского мира. Охота была одним из любимых развлечений дворян, а о важности этой сферы в жизни помещика говорит обилие лексики, связанной с охотой (*ружьё, гончие, борзы, киргиз, лохматая овчарка, убитый матёрый волк*).

В изображении И.А. Бунина мир деревни предстаёт не только как материальный, но и как духовный. В произведении присутствует значительный пласт лексики, связанной с деревенской культурой и с религией. Причём в этом тоже наблюдается двойственность: разделение на народную культуру (*тульская*

гармоника, пляска, деревенские песни) и дворянскую (гитара, книги). Например, день святого Лаврентия в честь раннехристианских мучеников Лаврентия Римского и Калужского празднуется 23 августа, но в крестьянской культуре он отмечался как праздник мельника, и с ним были связаны различные приметы («осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик»). И.А. Бунин упоминает и другие народные приметы, и русскую народную песню («На сумерки буен ветер загулял, / Широки мои ворота растворял...»). Такой же двойственностью, как и праздник святого Лаврентия, обладал и Петров день, отмечаемый 29 июня (12 июля): с одной стороны, в православной церкви это был день святых апостолов Петра и Павла, с другой – в народной культуре в этот день было окончание «купальских празднований», прощание с весной, начало летних свадеб и приготовлений к сенокосу. Таким образом, И.А. Бунин показывает, как в русской деревенской культуре переплетается христианство и язычество, народная культура и дворянская.

Рассказ В.В. Овечкина «Упрямый хутор»

В.В. Овечкин (1905–1968) – прозаик, драматург и журналист, автор цикла очерков «Районные будни» (1952–1956) и других произведений о деревне. В.В. Овечкин был корреспондентом и ездил по советским деревням и сёлам, писал об их проблемах, критиковал недостатки в руководстве, показные успехи и бюрократию. В отличие от «лакировочной прозы» второй половины 1940-х гг. писатель стремился изображать реальное положение дел в деревне¹.

Для анализа мы выбрали рассказ В.В. Овечкина «Упрямый хутор» (1960), в котором изображается жизнь небольшого хутора Южный в разгар Великой Отечественной войны. В числе выделенных **385 лексических единиц**, объективирующих в произведении КД, обращают на себя внимание наименования населённых пунктов, которые отражают региональную специфику южных сёл (*хутор, станица*), и большой пласт лексики, отражающей советские реалии (*колхоз, колхозники, двадцатипятитысячник, трёхтысячница* и т.д.).

¹ По мнению литературоведов, именно творчество В.В. Овечкина положило начало деревенской прозе в советской литературе.

Квалификативный анализ позволяет выделить следующие КТГ и ПГ:

1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – всего 11 единиц:

- ПГ «Общие названия населённых пунктов»: *хутор / хутора (34), станица / станицы (4), сёла (3), край* – 4 единицы;
- ПГ «Топонимы»: *Миус (река) (8), хутор Южный (7), Кубань (5), «Заря счастья» (название колхоза) (4), село Тёплое (3), хутор Сковородин, река Лаба* – 7 единиц.

2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – всего 65 единиц:

- ПГ «Жители деревни»: *Харитон Акимыч / Акимыч (32), Дунька Сорокина / Дуня Сорокина / Евдокия Петровна / Дуня (26), Кузьма Головенко / Кузьма / Головенко (22), старик / старики (15), председатель / председатели (13), дед (12), тракторист / трактористы (8), люди (8), женщина / женщины (7), Марфа Рубцова / Марфа Ивановна (5), девушка / девушки (4), девка / девчата (4), Ульяна (4), бригадир тракторной бригады / бригадиры (3), бригада (3), механик / механики (3), хлебороб / хлеборобы (3), колхозники / товарищи колхозники (3), парень / молодой парень (2), Мишка (2), члены правления (2), народ (2), жители (2), крестьяне (2), ребята (2), жених / женихи (2), начальство, мужик, середнячок, сосед, кулак, городские, Гашка Морозова, Митя, Марья Голубкова, пахари, хуторяне, малыши, матери, доярки, телятницы, домохозяйки, ребята-рулевые, кухарка тракторной бригады тётя Поля, ездовой* – 45 единиц;

- ПГ «Характеристика жителей деревни»: *хозяин / хозяева / хозяйка (7), инвалид / инвалид на деревяшке (3), (народ) упрямый (2), мальчик лет двенадцати / мальчик (2), хозяйственый (старик), хозяйственник, старатели, боевые (доярки, телятницы), двадцатипятитысячник¹, отец родной (о председателе), краса колхоза (о людях, которые пошли в армию); «бородатый, лохматый, старый на вид человек (инвалид на деревяшке)»; «тракторист был так себе, бел и пух лицом ... очень грязен (о Кузьме Головенко)»; «одна лет пятидесяти, с сухим, строгим, в глубоких морщинах, лицом, чернобровая, другая лет двадцати пяти, круглоголицая*

¹ Член отряда передовых рабочих, посланных по решению Ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 года в деревню для оказания практической помощи в деле коллективизации (Толковый словарь языка Совдепии) [Мокиенко, 1998, с. 146].

карглазая блондинка, статная, с сильными налитыми плечами»; «молодая, бывшая доярка, трёхтысячница, невеста, девушка (о Евдокии Петровне)»; работящий, да некрасивый; красивый, да неласковый; старый член правления, старшая (о Марфе Ивановне); невестка – солдатка – 20 единиц.

3. КТГ «Характеристика деревни» – всего 13 единиц:

- ПГ «Место расположения»: отсутствует;
- ПГ «Размер»: отсутствует;
- ПГ «Степень удалённости от центра»: отсутствует;
- ПГ «Степень населённости, обитаемости»: *опустевшие (хутора и сёла), «ни малейшего движения», «жили люди», «тихо, безлюдно»* – 4 единицы;
- ПГ «Социально-экономическое положение»: *развалины хат (4), надувальное хозяйство (2), индивидуальное хозяйство, сгорели только камышовые крыши, горело, дымило, «лихое время», разорённый дотла колхоз, разрушенное войною народное хозяйство* – 9 единиц.

4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает» – всего 24 единицы:

- ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней»: *«жизнь ... не сладкая», «дюже был хороший колхоз», «золотой колхоз», «передовой был колхоз»* – 4 единицы;
- ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней»: отсутствует;
- ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней»: домашность, тишина – 2 единицы;
- ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека»: *дом / домой / дома (11), невеста (3), невестка (3), внук (2), родичи (2), сын / два сына (2), русская земля, семейный совет, папаша, дедушка, семейство, семеро детей, родные места, «нашей закваски, нашего воспитания», Ольга, мать, жена, старые друзья* – 18 единиц.

5. КТГ «Мир деревни» – всего 224 единицы:

- ПГ «Деревенская природа»: *земля (23), речка / река (14), берег / берега (10), вода (10), ночь / ночи / ночью / ночами / тёмная звёздная ночь (10), небо / звёздное*

небо (8), весна / весною / весенняя пора (7), сад / сады / садик (7), камень / камни (6), луг (6), снег (6), балка¹ / каменистое дно балки (5), днём / день (5), грязь / комья грязи (3), водоросли (3), темнота (3), воздух (3), февраль (3), бугор (3), плёсо (3), камыш / камыши (3), взгорье (2), утро / утром (2), лето / летом (2), дерево / деревья (2), сугроб (2), грунт (2), ил / речной ил (2), соловьи (2), трава / травинка (2), сумерки, яма (2), тина (2), лощина / лощинки (2), «слива, дичка» / слива-дичка (2), сырость / луговая сырость (2), лесок, местность безлесная, степи, круча, равнина, водомоины, болотные кочки, грунт, песок, трава, семечко, репей, куст, верхушка, ствол, сучья, бурьян, раннее апрельское первоцветье, облачка, морозы, лёд, холодок, рябь, зарницы, осень, март, апрель, май, вечер, ночная даль, запад, дикие утки, птицы, выдра, кулички, щука, сом, яблони – 75 единиц;

– ПГ «Деревенские животные»: лошадь / лошади (14), корова / коровы (8), конь / кони (4), одры² (2), тягло³, скот, рысаки – 7 единиц;

– ПГ «Организация пространства в деревне»: два порядка хат / хаты / хата / полхаты (12), двор / дворы (11), дорога / дороги / дорожка (11), сад / сады / садик (7), гектар / гектары (6), край (6), улица / улицы (5), поле / поля / колхозные поля (4), погреб / погреба (4), стена / стены / «стены, сложенные из самана» (5); потолок / потолки, густо смазанные слоем глины и земли (3), полевой стан (3), огороды (3), каменоломня / каменоломни (3), усадьбы нижнего порядка / усадьба (эмтээс) (3), крыша / камышовые крыши (2), печи / печка (2), баня / банька (2), угол (2), грядка⁴ (2), площадь, мост, железная дорога, развалка, просёлочная (о дороге), выгон⁵, посадка⁶, каменная загата⁷, закоулки, округа, электростанция, контора (колхоза), мастерские, жилище, сарайчик, ясли, дымоходы, деревянные рамы в окнах, окна, косяк, дверь – 42 единицы;

– ПГ «Деревенский быт»: колхоз / колхозы / колхозное, колхозные (3) – всего (33), трактор / тракторы / трактора / «Орлик» / «сталинградец» / колёсный (о

¹ Лощина, ложбина, овраг, иногда большой протяжённости [Ожегов, Шведова, 2006, с. 34].

² Разг. Изнурённая, тощая (обычно старая) лошадь [МАС, 1986, т.1, с. 419].

³ Рабочий скот, животные для тяги, перевозки чего-н. [Ожегов, Шведова, 2006, с. 819].

⁴ Местн. Край кузова телеги и саней, образуемый продольными или поперечными жердями [Ефремова, 2000, с. 547].

⁵ Место, где пасётся скот, пастбище [Ожегов, Шведова, 2006, с. 111].

⁶ Место, на к-ром посажены растения, а также сами посаженные растения [Ожегов, Шведова, 2006, с. 567].

⁷ 1) запруда; (насыпь) плотина; 2) диал. род насыпной ограды [Бусел, 2004, с. 782].

тракторе) / сэтээзэ / гусеничные «Сталинцы» (32), машина / машины / машинка (15), бревно / брёвна (6), вожжи (6), правление (5), плуг / плужок / конный плужок (5), трос (5), мотор / моторы (4), повозка (4), эмтээс (4), копна / копёшка (3), бочка / бочки (3), солома (2), котёл / котелок (2), шапка (2), блузка шёлковая / нарядная блузка (2), комбайн / комбайны (2), сеялка (2), тягачи (3), колёса (2), цыгарка / махорочная цыгарка (2), папироза (2), болт (2), рукав (2), собрание / общее собрание (2), дом, боронка, молотилка, крупорушка, автомашины, штурвалы тракторов и комбайнов, труба воздухоочистителя, радиатор, топливный бак, ось, кронштейн, буксир, ломы, пешни, доски, стекло, стропила, палка, кизяки, обрезочки, дрова, рейки, крынка, сено, корм, стружки, чугунок, правление, скирды, салазки, пары¹, озимь², зябь³, узлы, ящики, семена, широкорядный⁴ (посев), колёсники, инвентарь, бричка, хомут, ярмо, кнут, лопата, стол, простыня, верши, носилки, борозда, уздечки, гайка, петля, корзины, белые носочки и тапочки, кофточка, «поношенные, большие, не по ноге, грубые сапоги», стёганка, бусы, платок – 85 единиц;

– ПГ «Деревенские продукты»: просо (4), магарыч (2), консервы, молоко, жирный мясной кулеши, картофель, свёкла, кукуруза, пшеница, хлеб, пшённая каша, сто грамм, красные яблоки, поджаренное сало, чай с галетами – 15 единиц.

6. КТГ «Деревенские занятия» – всего 48 единиц:

– ПГ «Деревенский труд»: сеять / посеять / засеять (9), пахать / вспахать / запахивать / пахать электричеством (9), хозяйство (8), работать / поработать (6), пахота (2), ремонтировать / отремонтировать (2), посев / сев (2), восстановливать хозяйство, труды, работа, пахать-сеять, урожай, скосить, обмолотить, заборонить, копать огороды, огородничество, копать землю, уборка, «страда», сажать, тысячи вспаханных гектаров, большой день работы, взмёт тяжёлой целины, «камыша на жну», «набузуем побольше проса», «обтешу стропила, повяжу их на земле», верши ставить, «носят камень», строиться,

¹ Поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего вегетационного периода или части его и содержащееся в рыхлом и чистом от сорняков состоянии [МАС, 1987, т. 3, с. 19].

² Всходы, посевы озимых культур; Поле, занятое посевами озимых культур [МАС, 1987, т. 2, с. 602].

³ Осенняя вспашка поля, а также поле, вспаханное с осени под весенний посев [МАС, 1985, т. 1, с. 625].

⁴ Связанный с посевом сельскохозяйственных культур с увеличенными междуурядьями [МАС, 1988, т. 4, с. 718].

- отстроим (о хуторе), починить, ремонт, нагреть воды, натопить – 35 единиц;*
- ПГ «Деревенский отдых»: *купаться, поиграть на баяне, песни – 3 единицы;*
 - ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор»: *креститься / перекреститься (4), религиозный (2), поиграть на баяне, «Господи благослови!», не говел, песни – 6 единиц;*
 - ПГ «Религия»: *креститься / перекреститься (4), религиозный (2), «Господи благослови!», не говел – 4 единицы.*

7. КТГ «Прецедентные феномены»: отсутствует.

Наиболее многочисленная КТГ – «Мир деревни» (224 единицы). Самые многочисленные ПГ – «Деревенский быт» (85 ед.), «Деревенская природа» (75 ед.), «Жители деревни» (45 ед.), «Организация пространства в деревне» (42 ед.), «Деревенский труд» (35 ед.). Первые три ПГ мы отмечали также среди наиболее частотных в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки». Но в отличие от произведения И.А. Бунина, в рассказе В.В. Овчекина большое место занимают такие ПГ, как «Организация пространства в деревне», «Деревенский труд». Также сильно отличается конкретное лексическое наполнение каждой группы: языковые единицы в очерке В.В. Овчекина отражает новую эпоху, советские реалии и перемены в жизни деревни (модернизация, влияние Великой Отечественной войны).

Так, в ПГ «Деревенский быт» мы видим слова *колхоз, трактор, машина, эмтээс, комбайн, сеялка, тягачи, крупорушка, радиатор* и т.д. Это говорит о том, что в способе ведения хозяйства в деревне в СССР произошли большие изменения, появилась новая техника, работы стали более масштабными. Если у И.А. Бунина центральное место занимает эстетика деревни, красота её быта и природы, то у В.В. Овчекина на первый план выходит практическая сторона: функции деревни, её способность пережить трудную военную пору и обеспечить хлебом как тыл, так и фронт. Именно к этому стремятся жители хутора в рассказе В.В. Овчекина, поэтому всё, что связано с трудом, с сельским хозяйством, приобретает большое значение, а, например, описание одежды и предметов быта отходит на второй план. Но ещё сохраняется традиционная лексика, которая была в дореволюционной

деревне (*плуг, повозка, солома, дрова, крынка, сено, чугунок, скирды, хомут* и т.д.). Это говорит о том, что, несмотря на масштабные перемены, советская «деревня» сохранила в себе традиционные русские черты.

Важность труда отражена в пятой по частотности ПГ «Деревенский труд». В неё вошли глаголы, обозначающие традиционные для деревни занятия (*сеять, пахать, работать, копать, скосить, обмолотить, заборонить*). В целом можно выделить три основных направления деревенского труда: земледелие (*сеять, пахать, пахота, урожай, огородничество* и т.д.), строительство (*строиться, отстроить, носить камень*), работа по дому (*нагреть воды, натопить*). Кроме того, ПГ «Деревенский труд», отражает тяжесть и большое количество работы (*«большой день работы», «взмёт тяжёлой целины», «тысячи вспаханных гектаров»*), необходимость восстановления деревни после войны (*восстанавливать хозяйство, отстроить (о хуторе), починить, отремонтировать*).

Структура ПГ «Деревенская природа» в рассказе «Упрямый хутор» в целом схожа со структурой данной ПГ в рассказе «Антоновские яблоки»: в неё входят и природные объекты (*река, берег, небо, сад, камень, луг*), и времена года (*весна, февраль*), и части суток (*ночь, утро, сумерки, днём*), и погода (*морозы, холодок*), растения (*слива-дичка, трава, первоцветье*), птицы и животные (*соловьи, дикие утки, выдра*). Однако природа у В.В. Овечкина не служит «предметом любования», он описывает природу как бы попутно, в качестве фона для развития событий. Стоит отметить, что в этой подгруппе наиболее частотно слово *земля* в разных значениях: ‘почва’, ‘территория’, ‘страна’, где первое значение встречается чаще. Лексеме *земля* в рассказе придаётся особое значение, потому что идёт война за родную землю (в значении ‘страна’) и потому что земля особо важна для деревенского жителя. Для него она кормилица и смысл жизни, спасение в трудные времена, а земледелие – основной вид деятельности. Поэтому даже во время войны жители хутора стремятся вспахать поля и засеять их, несмотря на опасность для жизни.

В ПГ «Жители деревни» так же, как и у И.А. Бунина, можно выделить

антропонимы – имена конкретных персонажей (*Харитон Акимыч, Дунька Сорокина, Кузьма Головенко* и т.д.). Их довольно много, так как именно люди и их подвиг выходят на первый план в рассказе. Неслучайно даже сам рассказ называется «Упрямый хутор», где слово *хутор* имеет собирательное значение и обозначает всех жителей деревни, которые проявили моральную силу, решив начать посевную во время боевых действий.

Так же, как и в «Антоновских яблоках», жители деревни разделяются по полу (*девушка, парень*), возрасту (*старик, дед, парень*), профессии и виду деятельности (*председатель, бригадир, механик*). При этом появляется много новых номинаций, характерных для Советского Союза: *колхозник, председатель, бригадир, механик, тракторист, хлебороб* и т.д. Деление на сословия уже утрачивает свою актуальность: лексика, связанная с этой реалией, ещё встречается в рассказе (*середнячок, кулак*), но она является частью исторического слоя КД и несёт в себе негативную оценку прошлого. Таким образом, в рассказе прошлое противопоставляется настоящему, дореволюционная Россия – советской.

В описании организации пространства в хуторе используется как традиционная деревенская лексика (*поле, печка, баня*), так и новая, отражающая устройство жизни в советской модернизированной деревне (*электростанция, контора колхоза, мастерские*). Ещё сохраняется слово *усадьба*, но оно меняет своё наполнение; также обращает на себя внимание региональный компонент – лексика, которая отражает специфику жизни в южной деревне (*хата, саман, камышовые крыши, «потолки, густо смазанные слоем глины и земли»*), диалектные слова (*загата*).

Идиоэкспликация КД В.В. Овечкиным в рассказе «Упрямый хутор» характеризуется отсутствием такие ПГ, как «Деревенский отдых», «Деревенская культура, деревенский фольклор», что, вероятно, связано с тем, что действие очерка происходит в военное время (отдых и культура отходят на второй план). Война оставила в жизни деревни глубокий след, что отражается и в очерке. Но стоит отметить, что в произведении, несмотря на официальный атеизм советского времени, присутствует религиозная лексика (*креститься, религиозный, «Господи*

благослови!»). Это указывает на то, что такие традиционные русские ценности, как вера в Бога, религиозность, всё равно сохранялись в сознании русского народа.

Рассказ В.М. Шукшина «Сельские жители»

В.М. Шукшин (1929–1974) родился и вырос в деревне Сростки Алтайского края в крестьянской семье. В.М. Шукшину довелось работать в колхозе, в сельской школе, поэтому он был хорошо знаком с деревенской жизнью. Многие его произведения посвящены деревне и её жителям, простым людям, часто наивным и чудаковатым, склонным к каким-то необычным поступкам, но в то же время совестливым и внутренне чистым («Сельские жители», «Там, вдали», «Земляки», «Характеры» и т.д.) [БРЭ, 2023].

Рассказ «Сельские жители» был написан художником в 1962 году и вошёл в одноимённый сборник. Сначала рассказ назывался «Перед полётом» – именно под таким названием он был опубликован в газете «Труд» в том же году. В центре рассказа – советская «деревня» второй половины XX столетия. Главные герои произведения – бабка Маланья и её внук Шурка, которых сын Маланьи, Герой Советского Союза Павел Игнатьевич Любavin, зовёт на каникулы в Москву. Но путешествие на самолёте и смена привычного мира деревни на большой город пугает бабку Маланью, и на протяжении всего рассказа она не может решиться на поездку.

Несмотря на то что действие рассказа происходит в деревне, в нём нет лексем, входящих в ядро КД, кроме двух случаев употребления слова *сельские* – в названии и в письме Шурки к дяде, где он объясняет, почему его бабушка может не поехать в Москву летом: тем самым автор подчёркивает отличие деревенских жителей от городских, противопоставляет деревню городу. При этом в рассказе встречается много лексических единиц, связанных с городом (*город, столица, Москва, Новосибирск, Толмачёво, Свердловск, Владивосток, Бийск, Томск, Кремль*). Они расширяют деревенское пространство, создают контраст между маленьким, привычным миром деревни и огромным, чужим внешним миром, миром городов. Ранее мы уже писали о тесной взаимосвязи лексем *деревня* и *город*, о том, что

оппозиция ‘город – деревня’ является одной из важнейших в культуре. Это не только противопоставление двух разных типов населённых пунктов, но и противопоставление разных культур, разного восприятия пространства и времени, разных мировоззрений. Сопоставление деревни с городом помогает лучше понять деревенский уклад жизни, поэтому ЛСП «Город» в рассказе В.М. Шукшина очевидно входит в КД. Благодаря включению в рассказ такого ЛСП мы понимаем, насколько велик разрыв между городской и деревенской культурой, между мышлением городского и сельского жителя. (Несмотря на попытки преодолеть этот разрыв в СССР, разница всё равно сохранялась, и сохранялась прежде всего в мышлении).

Всего нами было выбрано и проанализировано **89 лексических единиц**. Рассмотрим более подробно КТГ и ПГ, которыми представлен КД в рассказе «Сельские жители»:

1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – всего 11 единиц:
 - ПГ «Общие названия населённых пунктов»: *город / городская (2), столица*
 - 2 единицы;
 - ПГ «Топонимы»: *Москва (6), Новосибирск (3), Толмачёво (2), Свердловск (2), Владивосток (2), Бийск, Томск, Сибирь, Кремль* – 9 единиц.
2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – всего 13 единиц:
 - ПГ «Жители деревни»: *Шурка (39), бабка / бабка Маланья / Маланья Васильевна / Маланья (37), «Егор Лизунов, сосед, школьный завхоз» / Егор / «дядя Егор Лизунов, завхоз наш» / дядя Егор (27), сосед / соседка / соседи (5), сельские жители (2), баба / бабы (2), народ, люди, Николай Васильевич* – 9 единиц;
 - ПГ «Характеристика жителей деревни»: *бабка (31), завхоз / школьный завхоз (2), баба / бабы (2), послушный парень* – 4 единицы.
3. КТГ «Характеристика деревни» – всего 0 единиц (соответственно, отсутствуют все входящие ПГ)
4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает» – всего 9 единиц:
 - ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней»: отсутствует;

- ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней»: отсутствует;
- ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней»: отсутствует;
- ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека»: *сын / сынок* (8), *мама / мать* (6), *бабонька* (4), *внук / внучата* (3), *дочь* (2), *домой / дома* (2), «*сосед наши*», *домашние, по-домашнему* – 9 единиц.

5. КТГ «Мир деревни» – всего 46 единиц:

- ПГ «Деревенская природа»: *летом* (4), *осень, буран, день, грибки* – 5 единиц;
- ПГ «Деревенские животные»: *свиннота, куры, гуси* – 3 единицы;
- ПГ «Организация пространства в деревне»: *почта* (3), *изба* (2), *школа* (2), *окно* (2), *улица, дороги, огород, ворота, калитка, двор, крыльцо, прихожая* *комната, горница, печь, дверь, пол* – 16 единиц;
- ПГ «Деревенский быт»: *стакан* (6), *четверть* (5), *полушубок* (3), *шапка* (2), *триста грамм* (2), *сено* (2), *передник, сбруя, кисет, дым, папироса, цветочный горшок, воротник, соломинка, стоги* – 15 единиц;
- ПГ «Деревенские продукты»: *пиво* (11), *медовуха, сахар, хмелина, табак, солонинка, варенье облепишиное* – 7 единиц.

6. КТГ «Деревенские занятия» – всего 9 единиц:

- ПГ «Деревенский труд»: *работа* – 1 единица;
- ПГ «Деревенский отдых»: *захмелеть* (2), *выпить* – 2 единицы;
- ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор»: «*Господи, господи!*» (2), «*Свят, свят!*», «*Раскинулось море широко...*», «*Волков бояться – в лес неходить*» – 4 единицы;
- ПГ «Религия»: «*Господи, господи!*» (2), «*Свят, свят!*» – 2 единицы.

7. КТГ «Прецедентные феномены»: «*Волков бояться – в лес неходить*» – всего 1 единица.

Самая многочисленная КТГ – «Мир деревни» (46), тогда как самыми многочисленными ПГ в рассказе являются подгруппы «Организация пространства в деревне» (16 ед.), «Деревенский быт» (15 ед.), «Жители деревни» (9 ед.), «Топонимы» (9 ед.), «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека»

(9 ед.). Однако предметный мир деревни у В.М. Шукшина не так богат, как у И.А. Бунина и В.В. Овечкина: здесь мало имён каких-либо специфически деревенских предметов, специальных хозяйственных приспособлений, домашней утвари или названий одежды, также немногочисленна лексика, связанная с деревенским трудом (мы выделили только слова *работа, сено, стоги*).

Обращает на себя внимание ПГ «Деревенские продукты», в которой перечисляются блюда, которые готовит бабка Маланья (*пиво, медовуха, сахар, хмелина, солонинка, варенье облепихиное*). В некоторых из этих названий проявляется региональный компонент (например, слово *солонинка* в южных районах Красноярского края означает «солёные овощи» [Словарь русских говоров южных районов Красноярского края, Рогова, 1968]). Особенno много в этой и в других ПГ лексики, связанной с употреблением алкогольных напитков (*пиво, медовуха, сахар, хмелина, стакан, четверть, триста грамм, захмелеть, выпить*). Мы видим, что завхоз Егор не прочь выпить, именно за этим он идёт в гости к бабке Маланье, что свидетельствует о распространении в деревне второй половины XX века такого негативного явления, как пьянство. Многие деревенские жители спивались от тоски и безысходности, от скуки и отсутствия дела, что, конечно, фиксировалось большими художниками и переводило их взгляд в плоскость нравственной проблематики деревни.

Неслучайно у В.М. Шукшина в рассказе на первый план выходит не деревенский быт или культура, не природа и не труд, а взаимоотношения между людьми, их характеры, диалоги между ними. В произведении часто упоминаются герои (*Шурка – 39 раз, бабка Маланья – 37 раз, школьный завхоз Егор – 27 раз*), большую значимость приобретают лексемы *сосед, соседка, соседи* (5 единиц), сохраняет свою важность родственный компонент (ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека»), так как часто используются слова с семантикой родства (*сын, мама, бабонька, внук и т.д.*). Иначе – в рассказе В.М. Шукшина на первый план выходят родственные и соседские отношения, где *деревня* – их исток и основа.

Повесть В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой»

В.Г. Распутин (1937–2015) – один из самых ярких представителей деревенской прозы, автор таких произведений, как «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой» и др. Он родился в крестьянской семье в селе Усть-Уда Иркутской области, поэтому с детства был хорошо знаком с деревенской жизнью. В центре творчества В.Г. Распутина – духовно-нравственная проблематика и традиционный уклад жизни крестьянского мира, уходящего в прошлое [БРЭ, 2004–2017]. Повесть «Прощание с Матёрой» была написана в 1976 и рассказывает о затоплении деревни Матёры из-за строительства Братской ГЭС. В основу повести легли реальные события 1950–60-х гг., когда в результате строительства Братской ГЭС в Иркутской области были затоплены сотни сёл и деревень. В повести В.Г. Распутин показывает, как раскалывается надвое жизнь обитателей Матёры перед её затоплением. Особенно тяжело эту трагедию переживает старшее поколение, для которого попрощаться с Матёрой означает предать память предков, и вместе с Матёрой погибает вековой уклад деревенской жизни, её ценности и традиции.

Квалификативный анализ выделенных лексических единиц, экземплифицирующих КД в настоящей повести (**общее число – 924**), позволяет классифицировать их по следующим КТГ и ПГ:

1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – всего 19 единиц:

– ПГ «Общие названия населённых пунктов»: *деревня / деревенька* (116), *посёлок / совхозный посёлок* (52), *город / города* (33), *район* (7), *поселение / поселения* (5), *бурятская сторона, посёлок городского типа, становища* – 8 единиц;

– ПГ «Топонимы»: *Матёра¹ / Матёра-«деревня» / Матёра-остров* (200), *Ангара / ангарский* (3) – всего (76), *Подмога / Поднога* (30), *Подвялочная* (7), *Москва* (3), *Братск, Тула, Лена (река), Сибирь, Иркутск, Америка* – 11 единиц.

2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – всего 146 единиц:

– ПГ «Жители деревни»: *Дарья / Дарьюшка / Дарья Васильевна* (308),

¹ Название и деревни, и острова, на котором она находится.

Петруха / Петруха Зотов / Никита Алексеевич Зотов / Никита / Катеринин парень (137), Настасья (117), старуха Катерина / Катерина (108), дед Егор / Карпов (107), старуха / старухи (104), Богодул (102), люди (78), Андрей / Андрейка (75), мужик / мужики (75), Сима / «Московишина» (74), дед / деды (60), председатель сельсовета Воронцов / Воронцов (54), старик / старики/ старичок (43), молодой / молодые / молодёжь / молоденькая / молоденький / девица-молодица (38), народ (37), баба / бабы / бабёшки (33), Клавка / Клавка Стригунова (31), мальчишка / мальчишки / мальчиконка (29), Соня (25), Вера / Вера Носарева (21), Колька (16) (внучонок Симы), Тунгуска (15), бригадир / бригадиры (15), ребяташики (14), девка / девки (13), бабка / бабки (13), ребятёнок (8), дед Максим (6), Валька (6), матёринцы (5), представитель / представитель из района (5), соседка / соседи (5), Татьяна (4), бакенищик / бакенищики (4), деревенские (4), девчонка / девчонки (4), Мирон (4), Песенный (4), крестьянин / крестьяне (3), рабочие / рабочие-ремонтники (3), Лиза (2), Орлик (2), Домнида (2), покосчики (2), верховые, шофёры (2), начальство / районное начальство (2), Афанасий Кошкин (Коткин) / Афанасий (2), Гутька (2), Маня, Хозяин, соседка, Агафья, Василиса, ребятня, Райка Серкина, старые люди, сват Иван, печник, городские(в противопоставление жителям деревни), Генька Пресняков, девица-молодица, Проня, старшие, Кольцовы, Анфиса, старые люди, Нюня (кошка), набежники из совхоза, «деревня» (в значении «жители»), завгар, колхозное чинство, Павел Пинигин, директор совхоза, старуха Аграфена, полдеревни, понаехавшие со стороны, Иван, совхозное деревенские, Пинигины, девка Паша, Васька – 83 единицы;

– ПГ «Характеристика жителей деревни»: хозяин / хозяева (26), христовенькая / христовенький (17), родной / родная (11), работник / работники (8), блажная / блажной (4), хозяйка (4), утопленники (3), нелюди (2), породные / порода (2), работящий (2), родня (2), работничек / работнички (2), зверюга / зверь (2), «зоркий и выгадливый», тёмный народ, пришлая, «по извечной привычке не очень-то доверять тому, что нельзя проверить», непутёвая (о Тунгуске), «чистенькая, аккуратная, знала немного грамоте» (о Симе), бобыль, немая, «зубоскалили», «дикий, боязливый» (о внучке Симы Кольке), добрые люди, недобрые

люди, «одинокие и горемычные из зоны затопления», крепкая бессстрашная баба, уголовный, подъедала-подпивала, старуший приворотень, прохиндей, каторжник, трепало несусветное, бравые (о девках), простоватость, разгильдяйство, никчёмность, старая, люди негодные, с характером, слабые, страдальные, лохматый, грязный, деревенская баба, добрая, немолодые бабы, «упаренные, весёлые и злые», нескладень, молодец, старая, пустохвата, горлодёрка, обсевки, дурачок, форсистая девка, образина, «на диво отчаянная баба», пьяный, простофили, не молодуха, черепановская, воробьёвские, шаманские – 63 единицы.

3. КТГ «Характеристика деревни» – всего 24 единицы:

- ПГ «Место расположения»: дальние края, дальняя Матёра – 2 единицы;
- ПГ «Время существования населённого пункта»: новый посёлок, старая деревня – 2 единицы;
- ПГ «Размер»: большой посёлок – 1 единица;
- ПГ «Степень удалённости от центра»: ближние деревни, не ближние деревни – 2 единицы;
- ПГ «Степень населённости, обитаемости»: запустение / запустенье (5), глухая – 2 единицы;
- ПГ «Социально-экономическое положение»: пожар / пожары (9), «горела изба» / «изба полыхала» / «горящая изба» / «избу сжёг» / «сожжённая усадьба» (5), пожарище / пожарища (4), разор (3), пожог (2), голод (2), разбой, худо-бедно, напасти, «сшибал копейки чем попадя и жил с матерью впроголодь», «опасный остров», «деревня стояла синая, оголённая, глухая», огонь, одиночество, суматоха» – 15 единиц.

4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает» – всего 86 единиц:

- ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней»: земля «самая лучшая, веками ухоженная и удобренная дедами и прадедами и вскормившая не одно поколение» – 1 единица;
- ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней»: больно / «тихая глубокая боль» / «боль прощения с Матёрай» (3), тревога / «давящее, неизвестно с чего

взявшееся удушиливоое беспокойство» (2), тоска / «потосковал в Матёре без магазина» (2), благодать, радость, покой, мир, хорошо, приятно, стеснительно, «жалко Матёру», безделье, «сладкое и тревожное обмирание», «горечь и суета переезда», горькое и неловкое удивление – 15 единиц;

– ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней»: тишина (4), чистота, порядок, колхозная пора, единоличное хозяйствичанье, раздолье, богатство, красота, старость, дикость, пьянка – 11 единиц;

– ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека»: мать / матери / мамка (93), дед / деды / дедушки (61), отец / отцы / тянька / тянько (46), бабушка / бабушки (33), чужой / чужая / чужие / чужие люди / чужой мужик / чужой дядя / чужой сын / посторонние люди (24), семья / семьи (17), дочь / дочерь / дочка / дочери (14), ребёнок / ребёночек / дети / детишки (14), родной / родная (11), внук / внуки / внуценок (10), тётка / тётки (9), незнакомые / незнакомая / незнакомый мужик / незнакомые мужики (8), брат / браты / братья / братовья (7), чужая сторона / чужие края / чужой край / чужие берега / чужой берег / чужая «деревня» / чужой рай (9), сын, невестка, родной воздух, жена / жёны (7), дядя / дядья (7), поколение / поколения (6), сват / сватья / сват Иван (6), родина (5), сестра / сёстры (5), прадед / прадеды (4), пристанище (3), отец-мать (3), материнская фотография / фотография матери (2), свойя (2), детство (2), земляк / земляки (2), родня (2), матушка-«деревня» (2), родство (2), родственники (2), изродные могилки / родные могилки (2), чужой дым / чужое дымление (2), свекровка, свои, породниться с Матёрай, своя Ангара, материнская земля, материнские леса, материнская рать, «вся земля на Матёре своя», свой табор, родной угол, близкие, «свой, материнский парень», своё, свой народ, свой дом, свой огород, свой род-племя, родные берёзки, привычное, материнские бабы, семейный разговор, чужие вещи, чужая изба – 59 единиц.

5. КТГ «Мир деревни» – всего 504 единицы:

– ПГ «Деревенская природа»: земля / земли / землица (162), вода / воды (136), берег / берега (85), остров (64), солнце / солнышко (53), вечер / вечера (48), ночь / ночи / ночью / ночесь / «короткие сумеречные ночи» (46), небо / небеса / поднебесье

(44), дождь / дожди / дождик (43), листвень / лиственница (37), трава / травы / травка (35), дерево / деревья / царь-дерево (31), дым / дымы (30), лес / леса / лесок (30), лето / летом (26), воздух (23), речка / речки / река / реки / речушка (22), камень / камни / камешек / камешки / каменья (22), утром / утресь (22), ветер / ветры / ветерок / ветерка (22), туман / туманы / туманчик (22), поле / поля (20), берёза / берёзы / берёзка / берёзки (18), зверь / зверьё / зверёк / зверьки / звери / зверюга (18), запах / запахи (18), куст / кусты / кустик (16), тепло (15), ствол (13), птица / птицы / птичка / птички / птишки / пичуга (13), весна / весной (12), звёздочка / звёздочки / звёзды (12), луг / луга (12), протока / проточка (11), яр (11), зима / зимой (11), ветка / ветки (10), пламя / полымя (10), волна / волны (10), ягода / ягоды / ягодка (10), мыс / поворотный мыс (9), погода (9), осень / осенью / осенние дни (8), холм / холмик / холмики (8), снег (8), песок / песочек / ангарский песочек (8), зелень (7), сосна / сосны (7), сентябрь (7), пашня / пашни (7), тиши / тишина (7), корень / корни (7), ботва / огуречная ботва / картофельная ботва (7), бугор / бугры / бугорки (6), сумерки (6), рыба / рыбы / рыбка (6), сырость (6), пихта / пихтач (6), простор (6), твердь / твердыня (5), черёмуха (5), север (5), цвет / цветы / цветочки-лепеточки / цветочки-лепесточки (5), жара (5), лягушка / лягушки (4), змея / змеи (4), течь (4), течение (4), гора (4), ненастье (4), верхушка / верхушки (4), гнездо / гнёзда (4), смородиновый куст / смородина (4), верховик (4), темень / темь (4), таракан / тараканы (4), рукав реки / левый рукав Ангары (4), луна / лунный свет (4), лёд (4), пустошка / пустошки / сосновая пустошка / сосновая пустошь (5), болотце (3), низовья (3), ворон / вороны (3), гром / громы (3), стрижи (3), муха / мухи (3), смородина (3), угодья (3), грибы (3), брусника (3), трясина (3), жимолость / «воронья ягода» (3), свежесть (3), прохлада (3), перекат (3), рябина (3), хвоя (3), шишки (3), полянка / поляны (3), природа (2), гроза (2), кочкарник (2), воробыи (2), брод (2), горизонт (2), крапива (2), каменишник (2), голомыска (2), холод (2), луговина (2), угор (2), лесина (2), тайга (2), закат (2), молния / молнии (2), нора (2), гектар (2), искры / искринка (2), борозда (2), люцерна (2), заря (2), вёдро (2), низина / низинки (2), уголь (2), клопы (2), кислица (2), волк (2), голубица (2), валки (2), мокрень (2), береста (2), зной (2), рыжики (2), маслята

(2), назъменные пласты / назъм¹ (2), сажень / полсажени (2), ласточки, наводнения, июнь, «ясные, солнечные дни», перезон, нижний край, солнечная пыль, сухое песчаное возвысье, валун, ситник, озими, ели, осиновые переборы, тальник, кочки, сушины, мышь, роща, заросли, апрель, рассвет, склон, сопка, пшеничка, восток, июль, непогодь, рёлка², мыри, быстрина, навозная куча, деляна³, декабрь, облака, восход, ручей, прокосы, август, месяц-поспень, олень, ёлочка, грузди, утренники, роса, листочки, колоски, взгорок, огуречная трава, чурка, опилки, гари, коса, верхний излом Ангары, испоть, мель, торосы, холодно, речное дно, тропка, запань, бесстечье – 196 единиц:

– ПГ «Деревенские животные»: корова / коровы / умница и послушница Майка / корова Майка (44), собака / собаки / собачонка/ псы (25), курица / курицы (20), скот / скотина (20), петух / петухи (9), кошка / кошки / кошечка / Нюня (кошка) (9), тёлка (8), поросёнок / поросята (8), конь / кони (7), бычок (3), стадо (3), свинья, кобыла / кобылёнка (3), овца / овцы (3), щенок / щенки (2), живность / мелкая живность (3), кудахтанье (2), свиньи, визг, рёв, лай – 21 единицы;

– ПГ «Организация пространства в деревне»: дом / дома / домой / порядки домов / порядки (87), изба / избы / избёнка / избёнки / избище (78), окна / окно / окошко / окошки (55), дорога / дороги (36), печь / печи / печка / предпечье / надпечье / русская печь / русские печи / русская печка (35), улица / улицы (33), дверь / двери / дверка / дверки (33), могила / могилы / могилка / могилки (31), огород / огороды / огородишко / огородик (29), кладбище / кладбища (27), двор / дворы / дворик / конный двор (25), угол / углы (23), барак (23), баня / бани / банька / баньки (15), постройка / постройки (14), мельница (13), верхний край Матёры / нижний край / край (13), сени / сенцы (12), бывшая колхозная контора / контора (12), ограда / ограды / оградки / пол-ограды (11), стайка / стайки (10), поскотина (10), магазин / магазины (10), сундук / сундучишко / сундучок (9), ворота / воротца (8), забор / заборы (8), крыльцо (8), жильё (7), подполье / подполья (7), добро / совхозное добро (7), порог / порожек (6), амбар / амбары (6), ставни (6), курятник /

¹ Назём. Обл. Навоз [МАС, 1986, т. 2, с. 354].

² Обл. Продолговатая возвышенность, гряда с пологими склонами, поросшая лесом; грива [там же].

³ Участок леса, выделенный для вырубки, лесосека (спец.) [Ушаков, 1935, т. 1, с. 683].

курятники (6), потолок (5), выпас / выпасы (5), церквишка / церкви (4), мостки (4), занавески (4), веранда (4), роспись на заборках / заборка¹ / заборки (4), пристань (3), навес / навесы (3), куть² (3), грядка / гряда / гряды (3), поварня (3), выгон / выгоны (3), леспромхоз (3), пряслы / пряслы (3), закуток (3), комната / комнаты (3), калитка (3), кладовка (3), усадьба (3), околоток (2), подоконники (2), участки (2), городьба (2), кружева на оконных наличниках / кружевные наличники (2), полаты (2), мангазея³ (2), прихожая (2), завозня (2), заулок (2), кузница / кузницы (2), стеклина (2), шалаган (2), надел (2), голбец (2), конюховка (2), больница (2), детсад (2), столовая (2), рамы / оконные рамы (2), передний угол (2), старые гари, приступка, овоцехранилище, межи, завалинка, домина, половицы, надоконные пазы, продушина, погост, новоселье, переправа, звероферма, тесина, кровля, венцы, избы-читалки, лесоповал, загнеток, стерня, сельпо, телятник, заплот⁴, гумно, вешалки, погреб, сеновал – 102 единицы;

– ПГ «Деревенский быт»: самовар (50), совхоз / совхозный / совхозная / совхозное / совхозные (10) – всего (38), лодка / лодки (29), машина / машины (29), катер / катера (26), колхоз / колхозы / колхозная / колхозные (25), пол (25), топор / топоры (22), сено / сенцо (16), узелок / узел / узлы / узелки (15), стакан / стаканы (12), литовка / литовки⁵ (12), мешок / мешки (10), пароход / пароходы (10), трактор / трактора (9), известь / извёстка (9), копна / копны (9), ведро / вёдра (9), топчан (8), дрова (8), палка / палки (8), лавка / лавки (8), пила / пилы (8), кровать с панцирной сеткой / кровать (8), паиня / паини (7), блюдце / блюдца / блюдечко (7), спичка / спички (7), зароды⁶ (7), техника / техника на конной тяге (7), грабли / конные грабли (6), платок (6), берданка (6), бензопила (5), бутылка / бутылки (5), ружьё (5), прялка (5), огонёк / огоньки (5), кистка / кистки (5), капля / капли (5), комбайн / комбайны / самоходные комбайны (4), жерди (4), моторка / моторки (4), котелок (4), куль / кули (4), лопата / лопаты (4), электричество (4), баржа /

¹ Обл. Деревянная перегородка, отделяющая одну половину избы от другой [МАС, 1985, т. 1, с. 495].

² Местн. Угол в избе против устья русской печки [Ефремова, 2000, с. 549].

³ Общественный амбар [МАС, 1986, т. 1, с. 679].

⁴ Обл. Забор [МАС, 1985, т. 1, с. 557].

⁵ Обл. Коса с длинной прямой рукоятью [МАС, 1985, т. 1, с. 567].

⁶ Обл. Стог, скирд сена, соломы или снопов обычно большого размера и продолговатой четырёхугольной формы [МАС, 1986, т. 2, с. 188].

самоходная баржа (4), лампа (4), доска / доски (3), ковшик (3), пойло (3), корм / корма / подкормка (3), зерно (3), табуретка / табуретки (3), свечи / свечка (3), фуфайка / фуфайки / фуфайонка (3), ушато / ушаты (3), чугун / чугуны / чугунки / ведёрный чугун (4), петля / петли (3), ключ (3), молоток (3), косилки (3), посудный шкафчик / шкафчики (3), корыто (3), носки (3), ходки (3), рукавицы (3), батожок (2), истопка, рогатка, старьё (2), зеркало (2), плавларёк (2), кипяток (2), ухваты (2), мутовка / мутовки (2), запарник (2), кросна (2), куделька (2), конфорка, кринки (2), кружска/ кружски (2), мякина¹ (2), нары (2), ватное лоскутное одеяло / одеяла (2), посуда (2), солома/ соломка (2), сидор² (2), вилы (2), голбец (2), брёвна (2), подвода / подводы (2), табак (2), птичье перо / куриное перо (2), керосин, рамки с фотографиями, межоконье, сковородник, квашня, туеса, кадки, лагуны, щипцы, точило, санки, капканы, плетёные морды, лыжи, охотничьи и рыбачьи снасти, мастеровой инструмент, скарб, медное кручёное кольцо, пожитки, висячий замок, «легли, как обычно, рано», майка, дошонка, поддувало, покосное снаряжение, бортовая машинешка, тракторные сани, мётлы, гребь, навильники, воз, дождевик, телогрейка, овёс, поленья, бруск, пугало, малахай, обыдёнок, запоры, шуба, подушка, назём, докопок, косарь³, затворы, кошеломка, кухонная утварь, шимутки, помол, рубашонка, тряпочные дранки, дорожки для пола, всходы, заварник, половик, половицы, голик, дол, банка, подойник, жернов – 158 единиц;

– ПГ «Деревенские продукты»: чай / чаи (48), хлеб / хлеба / хлебушко (37), картошка (33), бутылка вина / вино (8), молоко (5), яйца (4), сахар (4), морковка / моркошка (3), редька (3), сметана (2), луковка / лук (2), корка хлеба (2), соль (2), центнеры (2), угощенье / угощение (2), огурец / огурцы (2), бутылка водки, «две бутылки красного, некрепкого», конфеты, махорка, квас, харч, овошь, мучица, свёкла, капуста, масло – 27 единиц.

6. КТГ «Деревенские занятия» – всего 141 единица:

– ПГ «Деревенский труд»: работа / работушка / работёнка / крестьянская работа / домашняя работа / поднимать работу (84), косить / накосить /

¹ Отходы при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков и некоторых других культур; половы [там же].

² Прост. Солдатский вещевой мешок [МАС, 1986, т. 2, с. 188].

³ Большой тяжёлый нож с толстым и широким лезвием для щепания луцины, соскабливания чего-л. и т.п. [там же].

подкосить (21), сенокос (11), труд / труды (9), хозяйство (8), подгребать (огород) / посадить огород(ы) / копошиться в огороде (по огороду) / подпальвать огород (8), уборка (7), урожай / совхозный урожай (6), в поле робить / робить / поробить (5), покос / покосы (5), прибираться / убираться / прибрать / прибирать избу (4), посевная (4), страдованье / страда (4), страдовать / отстрадовать (3), косьба (3), посеять хлеба / сеять-пересевать пашню (2), стирать / постирать (2), копать картошку / выкопать картошку (2), варить, ткать, урожайность, мытьё, подоить (корову), печи класть, печку топить, ремонт техники, носить воду, пурхаться¹, «с темна до темна в беготне», хозяйственная управа, махать литовками, грести, ставить копна, орудовать вилами, хлеб убрать, разбрасывать копны, сушить сено, колоть дрова, подносить воду, сготовить, копка, белить избу, осенняя приборка, зимняя топка, стряпня, варево, жарево, белёнка, вспашка – 49 единиц;

– ПГ «Деревенский отдых»: весёлый разговор / разговоры (44), песня / песни / трезвая песня / песенка (16), разговаривать (15), праздник / праздничек / на праздник (9), беседа / беседы (6), песенку спеть / петь песни (3), побалакать (2), отдых/ роздых (3), посиделки (3), чаи гонять / чаёвничанье (2), напиться / выпить (2), рыбачить, ловить змей, лечь на кровать отдохнуть, «казался нетрезвым и пошатывался», гомонить, играть, дурить, полениться – 19 единиц;

– ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор»: песня / песни (13) («тоскливые и протяжные песни о горькой судьбе»), чёрт / черти (12), гармонь / гармошка (4), «Снежный человек» (3), «Ты Подгорна, ты Подгорна, широкая улица, по тебе никто не ходит – ни петух, ни курица...» / «Ты Подгорна, ты Подгорна» (2), домовой / домовые (2), примета (2), частушки (2), «На море-океане, на острове Буяне...» / заговорная молитва (2), нечистая сила, песенник, сватовство, игрища, сговор, русалочий муж, памятник деревянного зодчества, трижды поясно поклонился, заклинание, приговорка, Ильин день, «никто не купался, потому что «олень в воду написал», леший, дразнилка, «на печи, на

¹ Прост. Возиться с кем-, чем-либо; хлопотать [Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов), 1995, с. 593].

девятым кирпичи», баба-яга, милки, поверье, «Пашин сук» – 28 единиц;

– ПГ «Религия»: *душа / души / христианская душа* (38), *Господи / «Господь милостивый» / господь* (31), *бог* (18), *перекреститься / перекрестить* (10), *крест / кресты* (10), *гроб* (9), *троица / Троица* (6), *дьявол* (6), *грешная / грешный вид / многогрешливая / грешно* (6), *церквишка / церква / церкви христовы* (4), *Пасха* (3), *некристь / некристы* (3), *кара* (2), *молитва* (2), *святая душа / святой дух* (2), *образ* (2), *обряженье / похоронное обряженье* (2), *Рождество, иконка, служба, батюшка, поклоны, крещение, церковные записи, «Царица небесная!», «грешный, христарадный вид», потоп, христовенький, «Царствие вам небесное!», надгробия, вековечность, гром небесный, «празднуя свою буйную сатанинскую радость», покаяние, стыд, суд, Покров, престольный праздник, светлое воскресение, похороны, обряд, святая, святое место, святое отношение, богомолье* – 45 единиц.

7. КТГ «Прецедентные феномены»: *«Будто, как в старых сказках, пустили наугад стрелу, и куда ветер её занёс, туда и пошли», «как в том теремке», «кабы не цветы да не морозы»¹, «И она уже смотрела на перелетающую чутЬ поперёд и обок желтогрудую птичку, которая то садилась, то снова вспархивала, словно показывая, куда идти, как на дальнюю и вецию посланницу»* – всего 4 единицы.

Наиболее многочисленная КТГ – «Мир деревни» (504 единицы), самые многочисленные ПГ «Деревенская природа» (196 ед.), «Деревенский быт» (158 ед.), «Организация пространства в деревне» (102 ед.), «Жители деревни» (83 ед.), «Характеристика жителей деревни» (63 ед.).

Природа занимает в повести большое место. Матёра находится на острове в окружении природы, посреди реки Ангары. У неё даже есть своё дерево-покровитель – лиственница, или царственный листвень, и Хозяин острова – зверёк. Жители Матёры живут в единстве и гармонии с природой, чувствуют связь с родной землёй. Неслучайно лексемы *земля / земли / землица* в различных значениях являются самыми частотными в подгруппе. Земля в «Прощании с Матёй» – это и почва, которая кормит обитателей Матёры, и родная сторона. ПГ «Деревенская

¹ Русская народная песня.

природа» довольно разнообразна, в ней можно выделить несколько основных направлений: природные объекты (*земля, вода, берег, остров, солнце, река* и т.д.), времена года (*лето, весна, зима, сентябрь* и т.д.), время суток (*ночь, утром, сумерки, закат*), погода (*дождь, туман, тепло, погода, сырость*), стороны света (*север*), животные (*корова, свинья, овца* и т.д.), растения (*трава, дерево, берёза, зелень, пихта, цветы, брусника, жимолость* и т.д.). Природа Матёры очень красива и богата, это идеальное место для жизни, что делает его похожим на рай. В.Г. Распутин использует по отношению к Матёре такие слова, как *благодать, покой, мир, тишина, свежесть, прохлада*. Значительное место в природе и пространстве Матёры занимает река Ангара, на что указывает большое количество лексики, связанной с водой, рекой: *вода, река, речушка, волна, левый рукав Ангары, голомыска, течение, быстрина, верхний излом Ангары* и т.д.

Также в описании природы у В.Г. Распутина можно заметить много диалектной лексики (*назым, рёлка, мыри, валки, месяц-поспень, бестечье* и т.д.), в том числе сибирской: в этом проявляется региональный компонент КД. Писатель всегда с большим вниманием относился к народному языку, к различным диалектам и просторечию. При этом он считал, что такой язык следует искать в глухих деревнях: «*Корневище народного языка может быть питательным только в глубинах почвы и в глубинах неповреждённой жизни, а нет их – не будет и корешков у старины, не даст побегов и зачахнет самоцветное слово*», – писал В.Г. Распутин в предисловии к «Словарю говоров русских старожилов Байкальской Сибири» [Распутин, 2007, с. 18–19]¹. С помощью диалектизмов в повести автор создаёт особый мир деревни, связанный не только со старинными русскими традициями, но и с историей русского языка.

Диалектизмы часто встречаются и в ПГ «Деревенский быт» (*литовка, голбец, батожок, гребь, кошеломка, шмутки, голик, зароды* и т.д.), передающие местный деревенский колорит. В целом лексику данной ПГ можно разделить по нескольким тематическим направлениям: домашняя утварь (*самовар, стакан, блюдце* и т.д.),

¹ В этом же предисловии он называл словарь «сводом, энциклопедией, житием и сказанием сибирских окраин», что подчёркивает бережное и внимательное отношение В.Г. Распутина к народному слову, большое значение, которое он придавал работе над ним.

средства передвижения и транспорт (*лодка, машина, катер* и т.д.), орудия труда и хозяйственная утварь (*литовка, грабли, пила*), мебель (*лавка, табуретка*), одежда (*платок, рукавицы, малахай, шуба, рубашонка, телогрейка*) и другие слова, связанные с деревенским бытом, с хозяйством (*сено, овёс, копна, зерно, корм* и т.д.). Важное место в этой подгруппе занимают такие понятия, как *колхоз* и *совхоз*, которые обозначают форму организации хозяйства в деревне в СССР. Также лексический состав подгруппы отражает близость реки, её большое влияние на организацию жизни матёринцев (*лодка, катер, пароход, плавларёк*). Все эти водные средства служат единственным способом связи Матёры с большой землёй.

Интересно отметить, что самым частотным словом этой ПГ является слово *самовар*. Самовар – это один из символов русской культуры, символ домашнего уюта, благополучия, гостеприимства. В «Прощании с Матёй» герои часто пьют чай, это их любимый вид отдыха (*чай гонять, чаёвничанье*), а слово *чай* является самым частотным в ПГ «Деревенские продукты» (29 словоупотреблений). Можно предположить, что чаепитие и самовар в «Прощании с Матёй» служат символами уходящего мира и погибающей деревни. За разговорами и чаепитием герои пытаются спастись от реальности, но это не помогает им.

Таким образом, можно сказать, что материальный мир деревни в повести В.Г. Распутина очень богат. Он наполнен различными традиционными для деревни предметами. Но при этом деревенский быт прост, скромен и беден, наблюдается большой разрыв с городским. Лексика, которая обозначает машины и технику, относится в основном к пространству посёлка, куда хотят переселить жителей Матёры, а посёлок – это переходный населённый пункт между деревней и городом. Несмотря на то что посёлок сохраняет многие деревенские черты, в повести он противопоставлен Матёре, тем самым В.Г. Распутин подчёркивает изолированность Матёры, её оторванность от остального, большого городского мира. Матёра не только в прямом, но и в переносном смысле является островом, на котором сохранилась традиционная русская культура, духовные ценности, нравственная чистота человека.

ПГ «Организация пространства в деревне» можно разделить на три части:

пространство всей деревни и около неё (*дорога, мельница, верхний край Матёры, нижний край Матёры, контора, церквушка, пристань* и т.д.), пространство двора (*двор, огород, баня, забор, ворота, курятник, гумно* и т.д.) и пространство дома (*дом, изба, кружевные наличники, сени, печь, куть, полати* и т.д.). Большое значение в деревне имеет *дом* или *изба*: лексемы, связанные с ними, занимают первое и второе места по частотности в этой подгруппе. Дом всегда был центром мира для крестьянина, местом, где проходила его жизнь, где он рождался и умирал. К дому относились как к живому существу. Герои «Прощания с Матёй» тоже с большой любовью относятся к своим домам, не хотят покидать их. Старуха Дарья убирает и белит свою избу перед тем, как её затопят, приводит её в порядок, как будто покойника перед смертью.

Ещё две довольно многочисленные ПГ – «Жители деревни» и «Характеристика жителей деревни». Так же, как и в других анализируемых произведениях, деревенских жителей можно разделить по возрасту (*старуха, бабка, дед, молодёжь, девица-молодица, мальчишка*), по полу (*мужик, баба, девка*), профессии и виду деятельности (*председатель сельсовета, бригадир, бакенщик, крестьянин, покосчики*). Стоит обратить внимание, что в повести присутствует значительное количество номинаций пожилых людей (*старуха, старик, дед, бабка, старишок* и т.д.). Действительно, жители Матёры – это в основном старики и старухи (*Дарья Пинигина, дед Егор Карпов, Богодул, баба Сима* и др.), что отражает постарение населения и отток молодых людей в город, постепенное вымирание деревни. Отражение этих процессов – общая черта всех анализируемых нами произведений. Также в лексике, эксплицирующей КД, отражена определённая иерархия, появление большого количества начальников (*представитель из района, начальство, директор совхоза* и т.д.). Всё это начальство чуждо матёринцам, но именно оно решает их судьбу.

Рассказ В.И. Белова «Лейкоз»

В.И. Белов (1932–2012) – советский и российский писатель, поэт и драматург, один из наиболее известных представителей деревенской прозы. Его перу принадлежат такие произведения, как повесть «Привычное дело», роман

«Кануны», этнографические очерки «Повседневная жизнь русского Севера», «Бухтины вологодские» и другие произведения о жизни в деревне. Писатель с детства был знаком с жизнью северных русских деревень, так как родился и вырос в вологодской деревне Тимониха и значительную часть жизни провёл в Вологде, сохраняя связь с малой родиной. Именно она стала источником вдохновения и прообразом деревень во многих его произведениях.

Рассказ «Лейкоз», выбранный нами для анализа, входит в цикл В.И. Белова «Повесть об одной деревне», который был написан в 1995–1996 гг. Цикл объединяет такие произведения, как рассказы «Коч», «Медовый месяц», «Лейкоз» и др., опубликованные в различных сборниках. Исследователи отмечают, что для творчества В.И. Белова в целом характерна циклизация [Пономарёва, 2008]. Как отмечает Т.А. Пономарёва, «“Повести об одной деревне” свойственна «эпическая полнота изображённых событий, а единственное число (одна «деревня») воспринимается в соотнесении с другими – одна из многих» [Пономарёва, 2008, с. 78–80].

В рассказе «Лейкоз» (1996) описывается вымирающая вологодская деревня, в которой «осталось четыре дома. Всего две трубы дымили в небесную синеву» [Белов, 1996, с. 498]. Ферму, благодаря которой живёт «деревня», собираются закрыть, а вместе с ней пропадёт и надобность в самой деревне и её жителях. Их и так уже осталось мало, в основном это старики или пьяницы. Некоторые уже погибли из-за пагубной привычки, например, в рассказе несколько раз упоминается «покойничек Валентин», которого пьяным скинули с поезда. Также в произведении показан спивающийся ветеринар Туляков, который уже даже не может выполнять своих профессиональных обязанностей (долгое время его просят отпилить неправильно растущий рог у коровы, но в итоге жителям деревни приходится делать это самим). Туляков только без конца говорит о лейкозе у колхозных коров и о том, что «колхозный период завершён» и что в деревне начинается «вторая, капиталистическая фаза».

Лейкоз в рассказе – это не просто название заболевания крови, которой оказываются больны коровы, но и символ нездоровья всего общества, от простого

народа до верхушки (например, в рассказе пьянятся как жители деревни, так и руководители страны). Мотивы болезни, смерти, нравственной и духовной деградации проходят через всё произведение.

Все лексические единицы (**190 различных единиц**), эксплицирующие КД в рассказе, можно разбить на несколько групп:

1. КТГ «Названия местности и населённых пунктов» – всего 4 единицы:

– ПГ «Общие названия населённых пунктов»: *деревня* (10), *город / города* (4), *район* (2) – 3 единицы;

– ПГ «Топонимы»: *Москва* – 1 единица.

2. КТГ «Жители деревни и их характеристика» – всего 34 единицы:

– ПГ «Жители деревни» (имена персонажей, возраст, пол, род занятий): *Марья / Марья Смирнова / Маруся* (72), *Коч / Олександро / Олександро Николаевич / Александр Николаевич* (56), *Туляков* (37), *Геля / Ангелина / Гелька / Ангелина Смирнова* (32), *ветеринар / ветврач* (24), *Киошка* (18), *старуха* (14), *внук Антон / Онтонушко / Онтонко* (10), *мужик / мужики* (7), *Валентина-покойничка* жёнка, *Валентин-покойничек / сосед Валентин / Валентин / покойный Валентин* (5), *Петъка / Петъка-шофёр / шофёр Петъка* (5), *старик* (5), *бабы* (3), *Смирновы* (3), *доярка* (2), *робята / ребятишиечки* (2), *Лещов* (2), *тракторист, колхозники, девки, председатель* – 22 единицы;

– ПГ «Характеристика жителей деревни» (возраст, различные положительные и отрицательные социальные характеристики): *старуха* (14), *старик* (5), *хозяйка* (2), *пьяный / пьяные* (4), *лейкоголики* (4), *ухажёрка* (2), *дедушко, бедная, «бабы под стать пьеницам», молодая жска, «стыда нет», глупые* – 12 единиц.

3. КТГ «Характеристика деревни» – всего 2 единицы:

– ПГ «Место расположения»: отсутствует;

– ПГ «Время существования населённого пункта»: отсутствует;

– ПГ «Размер»: отсутствует;

– ПГ «Степень удалённости от центра»: отсутствует;

– ПГ «Степень населённости, обитаемости»: отсутствует;

– ПГ «Социально-экономическое положение деревни»: *колхозный период (4)*, «каюк приходит всему колхозу» – 2 единицы.

4. КТГ «Отношение к деревне, её оценка, эмоции и чувства, которые она вызывает» – всего 9 единиц;

- ПГ «Оценка деревни человеком, отношение к ней»: отсутствует;
- ПГ «Чувства и эмоции, связанные с деревней»: отсутствует;
- ПГ «Свойства и явления, связанные с деревней»: отсутствует;
- ПГ «Деревня – родное место, связанное с жизнью человека»: *мама / мать / мамка-покойница / матка (9), дома / домой (7), внук / внучёк (6), жена / жонка / жёнка (5), дочка (3), семья (2), тётя / тётка (2), детки, отец* – 9 единиц.

5. КТГ «Мир деревни» – всего 108 единиц:

- ПГ «Деревенская природа»: *ночь / ночи / ночью (3), утро (2), погода (2), осень, октябрь, снег, холод, мороз, тихая зимняя окрестность, вечер, «засинели рассветные окна», небесная синева, ворона, гора, дым* – 15 единиц;
- ПГ «Деревенские животные»: *корова / коровы / коровушки (43), бык / быки (16), Звёздка (9), Сударик / Сударь (8), телушечка, стадо / колхозное стадо / коровье стадо (3), животные (2), животина (2), скотина (2), кони (2), лошадь / лошади (2), телёнок (2), овцы, нетели, поросыта, Лебедь¹, куры, петух* – 18 единиц;
- ПГ «Организация пространства в деревне»: *ферма / колхозная ферма (14), колхоз / колхозный / колхозная / колхозные (12), изба (7), дом / дома (6), хлев (5), двери (5), теплушка² / тепляк (5), печь (5), ясельная стойка / ясельный стояк / стойка (4), ворота (4), центральная (3), окно / окна (2), сени (2), баня (2), улица (2), двор / скотный двор (2), заулок, крыльцо, райцентр, порог, красный уголок, контора, кухня, зимовка, трубы* – 25 единиц;
- ПГ «Деревенский быт»: *бутылка / бутылки (9), самовар (7), стопка / стопоцька (7), верёвка / верёвочка (7), лавка (7), телевизор / телевизоры (6), санки (4), колхозный период (4), ножовка (3), шкаф (3), керосиновый фонарь / фонарь (2), рюмка (2), телефон / тилифон (2), вилка (2), районная газета, ведро, чайник, халат,*

¹ Кличка быка.

² Тёплое помещение типа времянки [Ефремова, 2000, с. 783].

стёганка, рукавица, кол, подъёмные, бригада, скамья, котёл, чугунная топка, осиновые четвертухи, колхозный «УАЗ», машина, кроличья шапка, калоши, валенки, солома, верша, чашка с чаем, колхоз, техника, борона, посудина, дрова, блюдце, занавеска, жакетка – 43 единицы;

– ПГ «Деревенские продукты»: хлеб / хлебная буханка (6), пирог / пироги / рыбный пирог (4), молоко (3), пирожный окунь / окуньё (2), рыба, вологодское масло, сметана – 7 единиц.

6. КТГ «Деревенские занятия» – всего 32 единицы:

– ПГ «Деревенский труд»: опилить / опиливать / пилить (13), пахать (3), доить, животноводства, рекорды, доборонить, печь затоплеть – 7 единиц;

– ПГ «Деревенский отдых»: пить / допить / спиться / пропить (9), вино (3), пьяно / по-пьяному (2), пить чай (2), тост (2), дёрнуть (2), зырить¹, пуниш, плясать, застолье – 10 единиц;

– ПГ «Деревенская культура, деревенский фольклор»: «ни шьёт, ни порет», «Доярочки колхозные, / Бабёночки нервозные...», «Начальнички навозные, / Коровушки лейкозные», «Служу сороке и вороне, готов к труду и обороне...», гармонь – 5 единиц;

– ПГ «Религия»: Господь Бог, перекреститься, «Господи, прости их греиных, вразуми и наставь!», бесовская власть, гречная земля, «миру конец», «бесы лукавые», Господь Вседержитель, суд Господень, царица небесная – 10 единиц.

7. КТГ «Прецедентные феномены»: «Родную мать и ту готовы пропить...»² – всего 1 единица.

Самая многочисленная КТГ – «Мир деревни» (108 единиц), самые многочисленные ПГ – «Деревенский быт» (43 ед.), «Организация пространства в деревне» (25 ед.), «Жители деревни» (22 ед.), «Деревенские животные» (18 ед.), «Деревенская природа» (15 ед.). От других произведений рассказ «Лейкоз» отличается тем, что в нём в число наиболее многочисленных ПГ входит ПГ

¹ Зорко, пристально, жадно глядеть; высматривать, подстерегать [Даль, 2006, с. 749].

² «Продаст родную мать за гроши» – Прост. Неодобр. О ненадёжном, эгоистичном человеке [Мокиенко, Никитина, 2013, с. 612].

«Животные». Животноводство — ещё один вид сельскохозяйственной деятельности. И если в других произведениях на первый план выходило земледелие, то в «Лейкозе» основное действие разворачивается в деревне, где расположена коровья ферма. В связи с этим в произведении много таких номинаций, как *корова, коровушки, бык, телушечка, стадо, скотина, клички коров Звёздка и Сударик* и т.д. Коровы в рассказе выступают символом прежнего процветания деревни.

В ПГ «Деревенский быт» так же, как и в других произведениях, можно выделить такие группы слов, как домашняя утварь (*бутылка, самовар, стопка, ведро*), мебель (лавка, шкаф), одежда (*халат, стёганка, рукавица, кроличья шапка* и т.д.), средства передвижения и транспорт (*санки, колхозный «УАЗ», машина*). Интересно отметить появление новых, «городских», предметов быта (*телефон, телевизор*), что отражает реалии 1990-х гг. Материальный мир деревни в рассказе «Лейкоз» представлен беднее, чем, например, в «Антоновских яблоках» или в «Прощании с Матёй», здесь мало диалектизмов или названий характерных для деревни предметов быта. Деревенский мир в рассказе представлен исчезающим, беднеющим, в котором почти не осталось традиционной деревенской утвари или крестьянской одежды. Этот мир вытесняется миром городским, и *город* в рассказе резко противопоставлен *деревне*. Также в нём ещё сохраняются черты советской эпохи (*колхоз, колхозный период*), но она уже подходит к концу, о чём постоянно говорят и сами персонажи.

В организации деревенского пространства в рассказе большую роль играют такие объекты, как ферма, колхоз, изба. К внешнему деревенскому пространству относятся такие лексемы, как *ферма, центральная, заулок, улица, контора, зимовка, теплушка*. К пространству двора — *хлев, баня, двор*; к дому — *дом, изба, двери, печь, сени, красный уголок*. Деревенское пространство, описанное в рассказе В.И. Белова, отражает важность труда для деревни.

В ПГ «Жители деревни», как и в произведениях других писателей, можно встретить имена персонажей, указание на возраст (*старуха, старик*), пол (*мужик, бабы*), род занятий жителей (*ветврач, шофер, доярка, тракторист, колхозники*,

председатель). Население так же представлено как стареющее и вымирающее (*старуха, старик, покойничек, покойный*).

Подгруппа природной лексики в «Лейкозе» менее активна, чем у И.А. Бунина или В.Г. Распутина. В основном это единицы, которые обозначают время дня или года, погоду. Доминирующими оказываются лексемы с семантикой холода, темноты: *ночь, осень, октябрь, снег, холод, мороз, зимняя окрестность, вечер*, что также усиливает ощущение разрухи и упадка.

Сравнительный анализ структуры и содержания КД в произведениях XX в.

Графическое представление результатов проведённого анализа позволяет наглядно увидеть особенности экспликации КД писателями, для которых *деревня* есть основа русской ЯКМ и важнейшая часть российской лингвокультуры (см. **Error! Reference source not found.**).

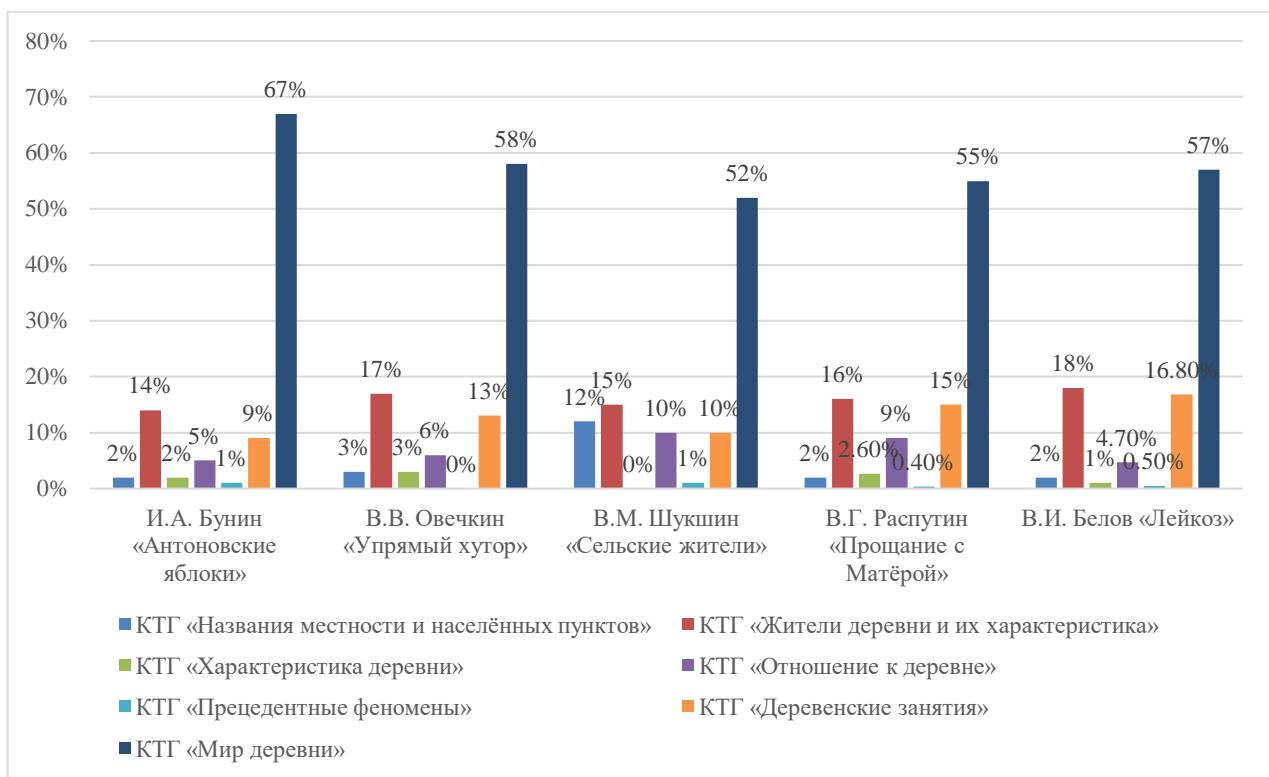

Рисунок 7 – Соотношение КТГ, репрезентирующих КД в произведениях XX века

Очевидно, что лидирующее положение во всех рассмотренных текстах занимает КТГ «Мир деревни», что свидетельствует о стремлении авторов представить деревню как целостный и уникальный мир, обладающий особым укладом жизни и собственной системой ценностей. В то же время рисунок

демонстрирует и идиопредпочтения отдельных авторов в языковых способах и средствах передачи разнообразия когнитивных признаков КД. Например, в рассказе В.М. Шукшина «Сельские жители» значительно увеличивается доля КТГ «Названия местности и населённых пунктов», что подчёркивает особое внимание автора к проблеме взаимодействия города и деревни, расширению художественного пространства за счёт включения урбанистических реалий; в произведении В.И. Белова «Лейкоз» заметен более высокий процент КТГ «Деревенские занятия», что связано с акцентом на традиционный труд и хозяйственную деятельность и др.

Рисунок 8 (в продолжение) отражает частотность распределения различных ПГ в анализируемых произведениях (см. Рисунок 8), тем самым позволяет выявить как общие тенденции, так и индивидуальные особенности осмысления деревенской тематики у разных писателей.

Рисунок 8 – Соотношение ПГ, репрезентирующих КД в произведениях XX века

Как видно из диаграмм, ПГ «Деревенская природа» и «Деревенский быт» стабильно занимают ведущие позиции, что указывает на значимость описания природного окружения и повседневной жизни в структуре деревенских текстов.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в произведениях И.А. Бунина «Антоновские яблоки» и В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» доля ПГ «Деревенская природа» максимально высока, что подчёркивает ключевую роль

природного компонента в этих произведениях. В рассказе В.М. Шукшина «Сельские жители» наибольший удельный вес имеет ПГ «Организация пространства», что свидетельствует о приоритете пространственного аспекта в концепции автора, тогда как в рассказе В.И. Белова «Лейкоз» заметно преобладание лексики, связанной с животными, что отражает специфику основной деятельности героев и тематическую направленность произведения.

Полученные данные, отображённые в диаграммах, позволяют проследить структурные и содержательные различия в организации словаря крупнейших представителей деревенской прозы и выделить некие *лексические доминанты* репрезентации деревенского мира у разных авторов (см. Таблица 6).

Таблица 6 – Лексические доминанты произведений о деревне российских писателей XX века

Наиболее частотные лексические единицы (кроме имён персонажей)	
И.А. Бунин «Антоновские яблоки»	<i>сад / сады, усадьба / усадьбы / дворянские усадьбы / поместьи усадьбы, дом / господский дом, поле / поля, небо, лес / леса, собака / собаки, «деревня» / деревенские, яблоко / яблоки / антоновские яблоки / антоновка, дым, охота и т.д.</i>
В.В. Овечкин «Упрямый хутор»	<i>хутор, трактор, сэтээзэ, колхоз, лошадь, речка, председатель, дед, хата, двор, дорога, берег, вода, ночь, посеять, пахать и т.д.</i>
В.М. Шукшин «Сельские жители»	<i>бабка, пиво, сын / сынок, Москва, мама / мать, стакан и т.д.</i>
В.Г. Распутин «Прощание с Матёй»	<i>Матёра, Матёра-«деревня», Матёра-остров, Подмога / Поднога, Подволовчая, «деревня», деревенка, деревенский, посёлок, город, поселение, посёлок городского типа, земля / земли / землица, вода / воды, старуха / старухи, мать / матери / мамка, дом / дома / домой / дома / порядки домов / порядки, берег / берега / береговые, работа / работушка / работёнка / крестьянская работа / домашняя работа, люди, изба / избы / избёнка / избёнки / избище, Ангара / ангарский, мужик / мужики, остров, дед / деды / дедушки и т.д.</i>
В.И. Белов «Лейкоз»	<i>корова / коровы / коровушки, ветеринар / ветврач, бык / быки, старуха, ферма / колхозная ферма, колхоз / колхозный / колхозная / колхозные, опилить / опиливать / пилить, деревня, мама / мать / мамка-покойница / матка, Звёздка, бутылка / бутылки, пить / допить / спиться / пропить и т.д.</i>

Ядерные лексемы *деревня, дом, старуха* присутствуют во всех произведениях и формируют устойчивый образ деревенского быта, однако у

каждого автора наблюдаются и уникальные лексические группы, благодаря которым раскрывается своеобразие авторского видения деревенского мира. Так, в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» преобладает лексика, акцентирующая внимание на эстетике помещичьей жизни и природном измерении деревни. В повествовании В.В. Овечкина «Упрямый хутор» основной массив лексики отражает советскую модель сельской жизни и процессы модернизации. В рассказе В.М. Шукшина «Сельские жители» преобладают слова, обозначающие родственные отношения и бытовые реалии, что подчёркивает интерес автора к социальным и семейным проблемам. В произведении В.Г. Распутина «Прощание с Матёй» на первый план выходят местные топонимы и лексика, связанная с природой, трудом, что свидетельствует о глубокой связи героев с малой родиной. В рассказе В.И. Белова «Лейкоз» доминируют языковые единицы, маркирующие специфику сельской жизни и кризисные явления в деревне 1990-х годов. Представляется, что такое сочетание общности и индивидуальности является важной характеристикой репрезентации КД в русской литературе XX века.

Однако для лингвокультурологического осмысления КД важна и интересна не столько специфика литературного творчества того или иного писателя, сколько динамика развития содержательных компонентов КД в разные периоды XX в. Поэтому из выделенных 24 ПГ были выбраны 8 общих (для анализируемых произведений) и наиболее частотных ПГ, сравнительное описание которых позволяет более полно проследить развитие и трансформацию структуры КД в разные периоды XX века (см. Рисунок 9).

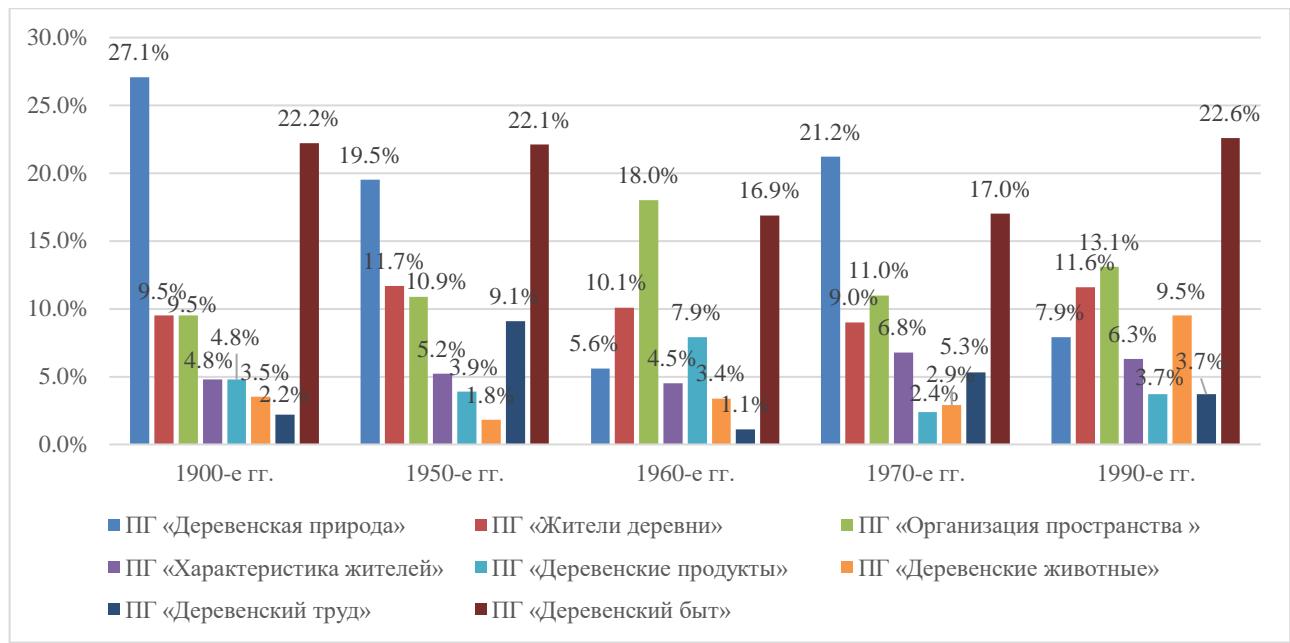

Рисунок 9 – Трансформация структуры КД в XX веке

Можно утверждать, что степень внимания к тем или иным ПГ (соответственно, к различным семантическим признакам КД) в разные периоды XX века существенно менялась. Так, в 1900-х годах ПГ «Деревенская природа» составляет 27,1%, что значительно превышает показатели других ПГ, отражая особое внимание литературы того времени к красоте и гармонии сельской природы. В 1950-е годы сохраняется высокий показатель ПГ «Деревенский быт», а доля ПГ «Деревенский труд» оказывается заметно выше, чем в другие периоды, что свидетельствует о влиянии войны и социальных преобразований на литературную тематику: деревня в произведениях всё чаще предстаёт не как объект эстетизации, а как социальная и экономическая опора общества. В 1960–1970-е годы на первый план выходят такие ПГ, как «Организация пространства» и «Деревенский быт», что связано с усиленным вниманием литературы к деталям повседневной жизни и отношениям между человеком и пространством. В 1990-е годы ПГ «Деревенский быт» вновь занимает лидирующую позицию, однако ее содержание существенно меняется: акцент смещается на осмысление упадка деревни и процессов общественных трансформаций. Резюмируем: в течение XX века тематический акцент деревенской проблематики в литературе постепенно смещался от эстетизации и поэтизации природы к реалистичному осмыслению её социальной функции и исторических преобразований, а затем – к глубокому осмыслению

кризиса деревни в поздний период. Это отражает изменения в общественной рефлексии КД, его социальной и аксиологической значимости в российском лингвокультурном сознании.

3.3. Лингвокультурные особенности реализации структурных составляющих концепта ‘Деревня’

Для уточнения лингвокультурологических параметров экспликации КД в деревенской прозе XX века в соответствии с представленным в 1 главе алгоритмом моделирования его структурно-семасиологической организации вычленим лексические единицы, репрезентирующие *исторический и актуальный* слои, где последний представлен *образным, интерпретационным, ценностным и понятийным* полями. Рассмотрим их более подробно.

Рассказ И.А. Бунина «Антоновские яблоки»

Актуальный слой КД

1. Наиболее выразительным в произведении является, бесспорно, *образное поле* КД. Большое значение приобретают различные перцептивные образы, причём они связаны не только с природой, но и с одеждой, предметами быта, мебелью. Мир деревни в произведении И.А. Бунина изображён ярко и многомерно:

1) визуальные образы: «...а понёва – *чёрно-лиловая с полосами кирпичного цвета* и обложенная на подоле *широким золотым “прозументом”*...», «Холодно и ярко сияло на севере над тяжёлыми *свинцовыми* тучами жидкое голубое небо, а из-за этих туч медленно выплывали хребты *снеговых* гор-облаков» [Бунин, 2006, с. 409, 414];

2) звуковые образы: «*И прохладную тишину утра* нарушает только сытое *квохтанье дроздов* на коралловых рябинах в чащे сада, *голоса да гулкий стук* *ссыпаемых* в меры и кадушки *яблок*»; «*А барабан гудит* всё настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий *приятный шум молотьбы*» [Бунин, 2006, с. 408, 419];

3) обонятельные образы: «*Помню большой, весь золотой, подсохший и*

поредевший сад, <...> тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах мёда и осенней свежести»; «Войдёшь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушёного липового цвета, который с июня лежит на окнах...» [Бунин, 2006, с. 408, 413];

4) тактильные образы: «И сырость из оврагов становится всё ощутительнее, в лесу холоднеет и темнеет...»; «Тогда, весь мокрый и дрожащий от напряжения, осадишь вспененную, хрипящую лошадь и жадно глотаешь ледяную сырость лесной долины» [Бунин, 2006, с. 415–416].

В целом для перцептивных образов в рассказе «Антоновские яблоки» характерно явление синестезии: «Багровое пламя с оглушительным треском блеснёт к небу, ослепит на миг и погасит звёзды, а бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту...» [Бунин, 2006, с. 410] (в предложении соединяются визуальные и звуковые образы); «Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студёной заре необыкновенно ясно» (звуковые и тактильные образы) [Бунин, 2006, с. 409] и т.д.

У перцептивных образов в рассказе И.А. Бунина есть свои лейтмотивы. Например, среди обонятельных образов повторяется запах яблок, запах осенних листьев. Среди звуков – скрип, голоса, гул барабана молотилки, среди цветов преобладают чёрные, лиловые и синие, а среди ощущений – холод, сырость. Все эти запахи, звуки и цвета становятся символами деревни и её медленного, но прекрасного умирания. Неслучайно действие происходит осенью, а И.А. Бунин часто упоминает сумерки. Писатель показывает переход от дня к ночи, от осени к зиме, символически изображая тем самым умирание традиционной русской деревни. Такая символичность «подкрепляется» и метафоризацией обыденных деревенских явлений: «молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова»; «Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо...» [Бунин, 2006, с. 408, 414].

2. Обратимся к понятийному полю. В рассказе эксплицитно представлено только первое значение лексемы деревня – ‘населённый пункт’: «Старики и

старухи жили в Выселках очень подолгу, – первый признак богатой деревни...» [Бунин, 2006, с. 411]. Другие же значения, хотя и не выражены прямо, присутствуют в предложениях и сверхфразовых единствах. Так, в понятийном поле КД в «Антоновских яблоках» присутствуют следующие смысловые компоненты:

- 1) ‘находится в окружении природы’;
- 2) ‘населённый пункт, где занимаются сельским хозяйством, в том числе земледелием’: «*Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился...*» [Бунин, 2006, с. 409];
- 3) ‘населённый пункт, где живут крестьяне’: «*Мужик, насыпающий яблоки, ест их сочным треском одно за одним...*» [Бунин, 2006, с. 408];
- 4) ‘имеет свой уклад жизни и свои особенности’: «*В полдень на ней варится великолепный кулеш с салом, вечером греется самовар... В праздничные же дни около шалаша – целая ярмарка...*» [Бунин, 2006, с. 408];
- 5) ‘раньше деревни принадлежали помещикам, в них жили крепостные и были помещичьи усадьбы’: «*Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб*» [Бунин, 2006, с. 418];
- 6) устаревшая сема ‘деревня – населённый пункт, в котором нет церкви’: «*Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, всё думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села...*» [Бунин, 2006, с. 411–412]. В этом предложении говорится о том, что колокольный звон раздаётся из села (в селе, в отличие от деревни, раньше была церковь).

3. *Интерпретационное поле* включает оценки, стереотипы и другие дополнительные размышления носителей языка над содержанием КД. В рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» очевидна яркая оценка всех составляющих деревенской жизни. Деревня идеализируется рассказчиком, предстаёт как место, где приятно проводить время: «*Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете!*» [Бунин, 2006, с. 410], «*Хороша и мелкопоместная жизнь!*» [Бунин, 2006, с. 418], «*Славный будет день для охоты!*» [Бунин, 2006, с. 419]; «*И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь*

солнечным утром по деревне, всё думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах...» [Бунин, 2006, с. 411–412]. Положительно оценивается прошлое деревни: «Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах!» [Бунин, 2006, с. 417], причём прошлое сравнивается с настоящим не в пользу настоящего: «— Хозяйственная бабочка! — говорит о ней мещанин, покачивая головою. — **Переводятся теперь и такие...**» [Бунин, 2006, с. 409]. Оценивается материальное благополучие деревни: «Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, — первый признак богатой деревни, — и были все высокие, большие и белые, как лунь» [Бунин, 2006, с. 411]. Многие положительные эмоции, связанные с деревней, обусловлены близостью природы, её красотой: «С собаками на сворах ехать приходится шагом, да и спешить не хочется, — так весело в открытом поле в солнечный и прохладный день!» [Бунин, 2006, с. 412]. Положительную оценку и приятные эмоции вызывают занятия дворянской деревни, например охота, которая была любимым развлечением помещиков: «За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков — **охота**» [Бунин, 2006, с. 413]. Положительно оценивается и крестьянский труд: «*А барабан гудит всё настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий приятный шум молотьбы*» [Бунин, 2006, с. 419].

Однако деревенская жизнь настолько сильно связана с погодой, с различными природными циклами, что и смена сезонов, и перемена погоды влияют на настроение и состояние человека: «Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо, а в саду становилось пустынно и скучно, и снова начинал сеять дождь... <...> Наступала долгая, **тревожная** ночь...» [Бунин, 2006, с. 414], поэтому деревенская жизнь не всегда так хороша, а только при определённых условиях: «Осень — пора престольных праздников, и **народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем не тот, что в другую пору**. Если же год урожайный и на гумнах **возвышается целый золотой город**, а на реке звонко и резко **гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо**» [Бунин, 2006, с. 410]. Также рассказчик вскользь отмечает и другие негативные явления, например обнищание помещиков: «*Наступает царство мелкопоместных, обедневших до*

нищенства!..» [Бунин, 2006, с. 418].

Ещё одно чувство, связанное с деревней и звучащее лейтмотивом в рассказе, – это чувство грусти, тоски: «*Кукушка высакивает из часов и насмешливо-грустно кукует над тобою в пустом доме. И понемногу в сердце начинает закрадываться сладкая и странная тоска...*» [Бунин, 2006, с. 417]; «*И с грустью вспомнишь бабушку, её полонезы на клавикордах...*»; «*И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадёжной удалью...*» [Бунин, 2006, с. 420], что в русской культурной традицией называется ностальгией.

4. *Ценностное поле* КД мотивировано пониманием И.А. Бунина, что деревня – это символ уходящей в прошлое России с её помещичьей культурой и ценностями, поэтому русские традиции и русского национального характера рассказе «Антоновские яблоки» являются неотъемлемой частью КД. Т.А. Рассадина, обобщая наблюдения над русской литературой, пишет, что писатели-классики выделяли следующие черты русского национального характера: «всечеловечность ..., спонтанность ..., общинность ..., соборность, державность ..., государственность ..., коммунитарность, иррациональность ..., церковность, соборность ...» [Рассадина, 2008, с. 45–52].

Категория *коллективности и соборности* как одной из основных ценностей русской культуры и русского характера пронизывает весь рассказ И.А. Бунина: «И.А. Бунин воссоздаёт своё представление о русском национальном мире как соборном бытии, организованном по особым, Божественным принципам и законам» [Юрьева, 2020, с. 40]. Соборность в рассказе проявляется в единстве крестьян между собой, в их коллективном, общинном образе жизни («*А у богатых мужиков – у Савелия, у Игната, у Дрона – избы были в две-три связи, потому что делиться в Выселках ещё не было моды*» [Бунин, 2006, с. 411]); в единстве крестьян и помещиков: «*Склад средней дворянской жизни ещё и на моей памяти, – очень недавно, – имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию*» [Бунин, 2006, с. 412]. Можно сказать, что идея соборности проходит через всё произведение: это

единство природы и человека, а также гармония в самой природе (звуки, запахи, цвета, ощущения слиты воедино). Во всём рассказе *деревня* звучит как единый оркестр, в котором важен каждый исполнитель и звук, каждая деталь. Идея соборности проявляется также в совместных занятиях: в охоте, пении, труде. Во всём на первый план выходит слаженность, гармония. С соборностью также связано такое качество жителей русской деревни, как *гостеприимство*: «Случалось, что у такого *гостеприимного* соседа охота жила по нескольку дней» [Бунин, 2006, с. 416].

Ещё одна ценность – это *порядок* и *иерархичность*. Жизнь в деревне, описанной И.А. Буниным, очень упорядоченная, движется по издавна заведённым правилам и имеет свой уклад. Это проявляется не только в социальной иерархии (*мужики, мещане, помещики, барин, барчук* и т.д.), но и в распорядке дня: «*В полдень на ней варится великолепный кулеши с салом, вечером греется самовар...*» [Бунин, 2006, с. 408]; в цикличности природы: «*С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась*» [Бунин, 2006, с. 414], «*Скоро-скоро забелеют поля, скоро покроет их зазимок...*» [Бунин, 2006, с. 419]; в цикличности праздников: «*Август был с тёплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия*» [Бунин, 2006, с. 408].

В КД в рассказе И.А. Бунина актуализируются также *семейные ценности*. Рассказчик вспоминает своё детство, своих родственников: *покойный шурин Арсений Семёныч, тётка Анна Герасимовна, дедушка, бабушка*. Все они неотъемлемая часть старой, уходящей в прошлое деревни.

Последний компонент ценностного поля КД, который хотелось бы отметить, – это *традиции и культура*. Русская культура породила большой пласт фольклора, и в рассказе И.А. Бунина упоминаются различные праздники, песни, приметы: св. Лаврентия, Петровки, песни, приметы («*осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик*») и т.д., что в свою очередь «поддерживает» аксиологические категории упорядоченности жизни и соборности.

Исторический слой КД

Такие семьи, как ‘наличие церкви’ и ‘наличие помещиков и помещичьих усадеб’ сейчас можно отнести к историческому слою, хотя для И.А. Бунина они являлись актуальными. Как исторический слой КД в рассказе представлены воспоминания о прошлом деревни: «*К тому же наши Выселки спокон веку, ещё со времён дедушки, славились «богатством»* [Бунин, 2006, с. 410–411]; «*Склад средней дворянской жизни ещё и на моей памяти, – очень недавно, – имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию*» [Бунин, 2006, с. 412]; «*Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тётки Анны Герасимовны чувствовал его*» [там же]; «*Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были не редкость*» [Бунин, 2006, с. 413], «*Понёва – чуть не прошлого столетия...*» [Бунин, 2006, с. 412], «*Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследства, начинают появляться угощения...*» [Бунин, 2006, с. 413] и т.д. Рассказчик вспоминает, что раньше жизнь была лучше, а теперь пора расцвета помещичьей деревни прошла, но пространство в деревне хранит в себе следы прошлого.

Таким образом, КД, эксплицированный в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» через исторический и понятийное, интерпретационное, ценностное и образное поле актуального слоя, оказывается чрезвычайно многогранным: понятие ‘деревня’ представлено почти во всех его смысловых компонентах; деревня есть природа и упорядоченность быта; деревня воплощает традиционные русские ценности – соборность, гостеприимство, семью, культуру, поэтому вызывает ностальгически положительные эмоции у рассказчика и получает положительную оценку.

Рассказ В.В. Овечкина «Упрямый хутор»

Актуальный слой КД

1. *Образное поле КД* в рассказе «Упрямый хутор» представлено менее насыщенно, чем в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки». Природа в рассказе не занимает самостоятельного места, а выполняет функцию фона для разворачивающихся событий.

1) звуковые образы: «*В камышах у берегов Миуса крякали дикие утки*»; «*Повозка загремела по каменистому дну балки...*» [Овечкин, 1986, с. 123, 125];

2) обонятельные образы: «*От луговой сырости, от молодой травы, от раннего апрельского первоцветья воздух был душный, пряный, хмельной*» [Овечкин, 1986, с. 123];

3) визуальные образы: «*В чистом голубом небе таяли белые облачка от разрывов снарядов зениток*», «*Дорохин пригнулся, увидел на фоне звёздного неба женскую фигуру, подошёл*», «*Во дворах чернели развалины хат*» [Овечкин, 1986, с. 109, 122–123];

4) тактильные образы: «*С луга тянуло сыростью, холодком*»; «*От луговой сырости, от молодой травы, от раннего апрельского первоцветья воздух был душный, пряный, хмельной*» [Овечкин, 1986, с. 118, 123].

В рассказе В.В. Овечкин изображает деревню ранней весной – в то время, когда как раз нужно готовиться к посевной, вспахивать поля, заниматься множеством других дел по хозяйству. Но идёт война, и жители хутора не могут делать это в полную силу. Поэтому изображение весенней, пробуждающейся природы контрастирует с идущей войной, с её последствиями: разрушенными домами, нищетой, опустевшей деревней («*Кое-где среди развалин торчали, как памятники на кладбище, чудом уцелевшие дымоходы на печах. Сады цвели*» [Овечкин, 1986, с. 123]). А наступающая весна как будто бы напоминает жителям, что нужно трудиться, выращивать хлеб, несмотря ни на что.

Образный компонент проявляется и в том, что хутор и всё, что с ним связано, одушевляются: «*Хутор ощетинился огнём*»; «*Первому трактору, с которым открыл он свой счёт тысячам вспаханных гектаров, он дал даже имя: Орлик. Любил он его нежно, как живое существо*» (жители относятся к трактору как к живому существу) [Овечкин, 1986, с. 109, 123]. Приём олицетворения говорит о том, что жители любят свой хутор и всё, что с ним связано, для них это родное, каким может быть человек. Неслучайно особое значение приобретает трактор, вокруг которого и разворачивается сюжет: жители хутора хотят с помощью военных вытащить трактор из реки, чтобы начать посевную; они называют трактор

кормильцем, голубчиком, что подчёркивает его роль в деревенской жизни.

2. Интересной особенностью понятийного поля КД является отсутствие лексемы *деревня* и её производных. КД объективирован такими лексемами, как *хутор*, *станица*, *сёла*, что объясняется региональной спецификой: на юге России *хутором* называют ‘крестьянский посёлок, селение’, *станицей* – ‘большое казачье селение’. Так как эти названия являются синонимами слова *деревня*, то в них можно выделить такие же семы:

- 1) ‘населённый пункт небольшого размера’: «*На такой маленький хутор такие агромадные бомбы кида...*» [Овечкин, 1986, с. 109];
- 2) ‘находится в окружении природы’: «*В хуторе, в садах, заливались соловьи*» [Овечкин, 1986, с. 123];
- 3) ‘населённый пункт, где занимаются сельским хозяйством, в том числе земледелием’: «*Пары надо поднимать под озимь, зябь пахать*», «*Ночами будем пахать!..*» [Овечкин, 1986, с. 108];
- 4) ‘имеет свой уклад жизни и свои особенности’: «*...стены, сложенные из самана – земляного кирпича, и потолки, густо смазанные толстым слоем глины и земли...*», «*Баньку сообразим! Вон в том сарайчике поставим чугунок, натопим. Котёл есть*» [Овечкин, 1986, с. 103, 105];
- 5) ‘раньше деревни принадлежали помещикам, в них жили крепостные и были помещичьи усадьбы’: «– *Вы из какого сословия, товарищ лейтенант?* – спросил он, помолчав. – *Из крестьян или из городских?* – *Из крестьян. Был бригадиром тракторной бригады*» (отражение деления на сословия) [Овечкин, 1986, с. 107];
- 6) ‘деревня – это что-то противоположное городу’: «– *Из крестьян или из городских?*» (вопрос, который задаёт Дорохин Харитону Акимычу) [Овечкин, 1986, с. 107];
- 7) ‘деревенское население’: «*упрямый хутор*» (имеются в виду все жители хутора, их упрямство) [Овечкин, 1986, с. 103].

При этом в понятийном слое не реализованы такие смысловые компоненты, как ‘населённый пункт, в котором нет церкви’, ‘находится вдали от города’.

(Отметим, что смысловой компонент ‘раньше деревни принадлежали помещикам, в них жили крепостные и были помещичьи усадьбы’ относится к *историческому слою КД*. Кроме того, исторический слой КД актуализируется в следующем примере: «*Вот то ж я и говорю – надувальное хозяйство. Кто кого надуает. И середнячок иной поглядывал: как бы соседа прижать да самому в кулаки высочить?..*» [Овчакин, 1986, с. 107]. Харитон Акимыч вспоминает дореволюционную деревню и деревню начала 1920-х гг., до раскулачивания и коллективизации, при этом в его словах проявляется негативная оценка, он называет «индивидуальное хозяйство» «надувальным» и считает, что в это время каждый думал только о себе. Также в качестве исторического слоя концепта «деревня» можно выделить довоенное время, которое вспоминают герои, когда их колхоз был передовым: «*Передовой был колхоз, на всю округу. В газетах про нас писали*» [Овчакин, 1986, с. 113]. В целом в очерке довольно широко представлен советский исторический слой, что выражено в такой лексике, как *колхоз, передовой, доярка, двадцатипятитысячник, председатель* и т.д. Таким образом, исторический слой КД в рассказе «Упрямый хутор» неоднороден и представлен различными реалиями.)

3. *Интерпретационное поле КД* характеризуется положительной оценкой: «...дюже был **хороший** колхоз. У нас колхоз был не простой» [Овчакин, 1986, с. 113]. однако это утилитарная оценка, связанная с производительностью колхоза, с его функциями; такое отношение к деревне в целом свойственно эпохе СССР, когда на первый план выходит труд и социалистическое соревнование. А в рассказе В.В. Овчакина действие происходит ещё и в военное время, поэтому красота сельской местности отходит на второй план. Великая Отечественная война стала большой трагедией в жизни советской деревни, так как многие мужчины в то время были призваны на фронт: «*Семьдесят восемь солдат* пошло из нашего колхоза в армию, бригадиры, трактористы, **вся краса колхоза!..**» [Овчакин, 1986, с. 113], война принесла с собой смерти: «— У Гашки Морозовой сына убило, — сказал Харитон Акимыч», разрушения: «*Во дворах чернели развалины хат*» [Овчакин, 1986, с. 110, 123], поэтому жизнь в военной деревне становится очень тяжёлой, что не раз

отмечается в рассказе.

4. В *ценостном поле* КД можно выделить обращение к следующим аксиологемам:

1) *коллективность, общинность*: «— *У нас народ упрямый, товарищ лейтенант*» [Овчакин, 1986, с. 113] (жители хутора Южный всё делают вместе, сообща); Харитон Акимыч называет индивидуальное хозяйство «надувальным», осуждая ситуацию, когда каждый думает только о себе: «*Как вспомнишь, что у нас было при надувальном хозяйстве...*» [Овчакин, 1986, с. 123]; кроме того, мы видим **единство** армии и народа, которые вместе думают о победе, помогают друг другу;

2) *труд* – для жителей хутора Южный очень важно посеять хлеб, даже несмотря на идущую войну: «*Чем год жить, если не посеем?*», «*Ночами будем пахать!..*» [Овчакин, 1986, с. 108]. Труд необходим для того, чтобы выжить, чтобы победить. Такие качества, как *трудолюбие, работоспособность* высоко ценятся в человеке: «*Где бригадиры ни свет ни заря на ногах, ходят по полям, дело направляют? У нас. Где самые боевые доярки, телятницы?*» [Овчакин, 1986, с. 113];

3) *Родина, родная земля*: «*Как можно – от своей земли итти куда-то в люди?*», «*Земля-то наша, товарищ лейтенант, вся вон туда, назад, в тыл*», «*Но много было потом ещё хуторов и сёл по пути на запад, и каждый освобождённый им клочок земли стал Алексею родным*» [Овчакин, 1986, с. 108, 130]. Жители хутора Южный не хотят уходить на другие, более безопасные земли, они остаются в своём родном хуторе, несмотря на постоянные обстрелы;

4) *вера в Бога*: «*Харитон Акимыч перекрестился, – Господи благослови!*», «— *А ты, дед, оказывается, религиозный, – сказал Дорохин. – Какое религиозный! Десять лет не говел. Так, в крайнем случае прибегаю...*», «*Харитон Акимыч, завалившись на бок в какую-то яму, мелко, часто крестился*» [Овчакин, 1986, с. 126–127, 129]. Представляется, что данный компонент является важнейшим аксиологическим маркером КД: несмотря на то что официально советское общество было атеистическим, в глубине народного сознания сохранялась религиозность, вера в Бога, и человек прибегал к ней в минуты крайней опасности

(о таких, сохранившихся в глубине сознания традиционных русских ценностях писали многие авторы деревенской прозы).

Вместе с тем хронотоп произведения определяет фиксацию ценностей и советского общества, таких как «труд, коллективизм, преданность партии, ориентация на общественно полезные интересы, бескорыстность, готовность к самопожертвованию, аскетизм во имя «светлого будущего» [Кирьянова, 2007, с. 68–69] – все они стали часть КД в рассказе «Упрямый хутор» В.В. Овечкина.

Рассказ В.М. Шукшина «Сельские жители»

Исторический слой КД (и дореволюционный, и приметы советской эпохи) практически не отражены (кроме указания на то, что сын бабки Маланы является Героем Советского Союза), что обусловлено вектором всего творчества писателя.

Актуальный слой КД

1. Перцептивный компонент в *образном поле* КД также представлен единичными примерами:

1) звуковые образы: «У ворот бабка Маланья *повстречала соседку и стала громко рассказывать...*», «– *А вообще-то не бойтесь! – громко сказал он*» [Шукшин, 1992, с. 396, 400];

2) обонятельные образы: «*В горнице запахло сеном и сбруей*» [Шукшин, 1992, с. 398];

3) визуальные образы: «*Егор достал кисет, закурил, выпустил из-под усов громадное белое облако дыма*» [Шукшин, 1992, с. 399].

В рассказе мало описаний, в том числе описаний природы. В основном рассказ состоит из диалогов, на первый план в нём выходит общение жителей, их характер: само название произведения («Сельские жители») указывает на то, что в центре повествования будут находиться они.

2. *Понятийное поле* КД почти не содержит эксплицитной лексической объективации, кроме слова *сельские* в словосочетании *сельские жители*, однако имплицитно выражены следующие смысловые компоненты:

1) ‘находится в окружении природы’: «*А сейчас, после этого бурана, дороги все позанесло. Весь день сегодня пластились, насили к ближним стогам пробились*»

[Шукшин, 1992, с. 400]. Несмотря на то что в рассказе мало упоминаний природы, из некоторых предложений становится понятно, что природа сильно влияет на местных жителей: они зависят от погоды, от природных циклов, смены времён года. Например, лето как пора земледелия остаётся важным сезоном в жизни сельских жителей: «*А то и летом она тоже не поедет. Тут огород пойдёт, свиннота разная, куры, гуси – она сроду от них не уедет*» [Шукшин, 1992, с. 401]. Деревенский житель продолжает планировать свою жизнь исходя из природных циклов;

2) ‘населённый пункт, где занимаются сельским хозяйством, в том числе земледелием’: «*Тут огород пойдёт, свиннота разная, куры, гуси – она сроду от них не уедет*» [Шукшин, 1992, с. 401];

3) ‘деревня – это что-то противоположное городу’: *В Москве-то ведь всё с купли. Да и не сделают они так, как я по-домашнему сделаю*» [Шукшин, 1992, с. 402]. В целом через весь рассказ проходит противопоставление города и деревни. Маленький мир деревни противопоставляется большому, неизвестному и пугающему городскому миру, при этом наблюдается большое различие между деревенской и городской психологией, между городом и деревней. Несмотря на появление различной техники и развитие связи (в рассказе упоминаются такие реалии, как *самолёт, телеграмма*), между жизнью в городе и деревне всё ещё существует огромный разрыв: в то время как между городами летают самолёты, в деревне всё ещё продолжают косить сено и зависеть от погоды. Но самое главное отличие заключается в мировоззрении;

4) ‘деревенское население’: «*Мы же всё-таки сельские жители ещё*» [Шукшин, 1992, с. 401]. В рассказе деревню представляют местные жители – *бабка Маланья, школьный завхоз Егор Лизунов, Шурка. Бабка Маланья* с её старинным именем является самым ярким представителем деревни – она олицетворяет собою и психологию деревенских жителей, их основные черты, и деревню в целом;

5) ‘место, где живут нецивилизованные, некультурные и необразованные люди, в отличие от городских жителей’. Этот смысловой компонент воплощён в рассказе лишь отчасти: в малограмотности бабки Маланьи. Так, например, её речь

неграмотна: «*А телеграмму анулироваем*» [Шукшин, 1992, с. 401]. Шурка учит её, как правильно писать телеграммы, и пишет под её диктовку;

6) ‘имеет свой уклад жизни и свои особенности’: «*Бабка спрятала письмо в карман передника, оделась и вышла из избы*», «*Егор вышел; слышно было, как он осторожно спустился с высокого крыльца, прошёл по двору, скрипнул калиткой и на улице негромко запел...*» (в деревне особым образом организованное пространство: люди живут в избах, при которых есть двор и т.д.); «*Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить, варенья сварить обленишного*» (в деревне своя особая пища) [Шукшин, 1992, с. 395, 400, 402].

Не объективируются в рассказе В.М. Шукшина такие смысловые компоненты КД, как ‘деревня – населённый пункт небольшого размера’, ‘населённый пункт, где живут крестьяне’, ‘населённый пункт, в котором нет церкви’, ‘находится вдали от города’, ‘раньше деревни принадлежали помещикам, в них жили крепостные и были помещичьи усадьбы’.

3. Если говорить об *интерпретационном поле* КД, то стоит отметить, что деревня в глазах бабки Маланьи имеет положительную оценку по сравнению с городом. Деревня оценивается ею как что-то привычное, домашнее. Это оценка проявляется через упоминание о еде: «*Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить, варенья сварить обленишного. В Москве-то ведь все с купли. Да и не сделают они так, как я по-домашнему сделаю*» [Шукшин, 1992, с. 402]. В этом высказывании Маланьи деревенская еда символизирует собой что-то домашнее и противопоставляется городской, покупной. Так через оценку деревенской и городской еды проявляется недоверчивость бабки Маланьи к городу и неодобрительное отношение к городскому образу жизни.

Отметим, что многие исследователи выделяют сельских жителей в отдельную социальную группу, которой присуще особое мировоззрение. Конечно, исторические события XX века, урбанизация жизни сильно повлияли на психологию жителей деревни, однако они сохраняют в себе традиционные черты. Так, например, Н.В. Гаврилова и Ж.Б. Есмурзаева в своей статье о психологических

особенностях людей в сельской местности пишут, что «размеренный ритм, «открытость» общения, отсутствие больших социальных и культурных различий между жителями, немногочисленность реальных и возможных контактов делают общение селян довольно тесным и охватывающим все стороны жизни» [Гаврилова, Есмурзаева, 2012, с. 105].

4. Учёные считают, что к традиционным ценностям деревенского жителя всегда относились такие, как «повседневный кропотливый труд, взаимопомощь, семейные ценности, привязанность к родной земле» [Гаврилова, Есмурзаева, 2012, с. 106]. Именно эти типичные черты характера русского деревенского жителя раскрываются через *ценостное поле КД* в анализируемом рассказе:

1) *коллективность, общинность*. Например, бабка Маланья, прежде чем ехать в Москву, советуется с соседями: «*Видно было, что все ей советуют ехать*», «— *Дорогой сынок Паша, поговорила я тут с соседями — все советуют ехать*» [Шукшин, 1992, с. 396]. Также Маланья зовёт к себе в гости школьного завхоза Егора Лизунова, чтобы выслушать его мнение и узнать, каково летать на самолётах. В.М. Шукшин показывает, что общение между деревенскими жителями более простое, открытое и непосредственное, они ничего не скрывают друг от друга и всегда советуются между собой. Кроме того, селяне относятся друг к другу с уважением и почтением: «— *Поклон Павлу Сергеевичу передавайте*», «*Поклон жене своей и ребятишкам от меня и от Шурки*» [Шукшин, 1992, с. 400, 402]. Эта словесная формула связана ещё с древней русской традицией раскланиваться друг перед другом во время встречи в знак уважения;

2) с коллективностью связана и такая черта, как *семейственность*. Но в рассказе мы видим уже разрыв поколений как в прямом смысле (большое расстояние, которое отделяет бабку Маланью от её сына), так и психологический (бабка Маланья не может решиться поехать в Москву, боится самолётов, а её внуку Шурке всё это интересно, и он даже с некоторой иронией относится к страхам своей бабушки). В рассказе показана такая проблема, как отток более молодого населения деревни в город. Члены одной семьи разбросаны по разным местам, поэтому уже нарушается и принцип соборности крестьянской жизни;

3) *гостеприимство, хлебосольство, щедрость* – ещё три важные черты, в которых проявляется общинность и соборность русского человека, особенно деревенского жителя. Бабка Маланья гостеприимно встречает завхоза Егора, угождает его пивом собственного приготовления. Раздумывая о поездке в Москву, Маланья думает о том, какие угождения привезёт в столицу: «*Поближе туда к осени поедем. Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить, варенья сварить обленишного*» [Шукшин, 1992, с. 402]. Кроме того, в представлении Маланьи большое значение имеет щедрость: «*Когда скучиться перестанете, тогда и пиво хорошее будет. <...> – Сахару побольше кладите. А то ведь вы всё подешевле да посердите стараетесь. Сахару больше кладите в хмелину-то, вот и будет пиво*», – говорит она Егору, когда тот интересуется, как она делает пиво [Шукшин, 1992, с. 398]. Быть скрупульным, по мнению Маланьи, – стыдно. Таким образом, бабка Маланья в рассказе является носительницей многих традиционных русских ценностей;

4) *трудолюбие* – в рассказе показано, что сельскохозяйственный труд сохраняет важность для сельского жителя: «*А то и летом она тоже не поедет. Тут огород пойдёт, свиннота разная, куры, гуси – она сроду от них не уедет. Мы же всё-таки сельские жители ёщё*» [Шукшин, 1992, с. 401];

5) *привязанность к родной земле*: Бабка Маланья не хочет уезжать из родного села, где ей всё привычно и понятно;

6) *недоверчивость, осторожность*: «*– Так и пустили всех, – недоверчиво сказала она*» [Шукшин, 1992, с. 402]. Такие качества связаны с важностью разделения в русской культуре на ‘своё’ и ‘чужое’. Город выступает как чужая среда, в отличие от своей, деревенской, поэтому он вызывает недоверие и настороженность.

Однако в рассказе В.М. Шукшина представлены не только положительные качества русского человека, но и негативные, которые можно было бы назвать «антиценостями» – например, пьянство. В рассказе присутствует много лексики с «алкогольной» семантикой: *стакан, четверть, триста грамм, пиво, медовуха, хмелина, захмелеть, выпить*. Сосед Егор Лизунов быстро напивается в гостях у

Маланьи: «*Бабка была недовольна, что Егор так скоро захмелел, – не поговорили толком*» [Шукшин, 1992, с. 400]. Кажется даже, что выпивка – это всё, что его интересует. И если сначала он это скрывает, то потом уже не может скрывать и в открытую просит у Маланьи налить ему. А когда бабка Маланья убирает четверть с медовухой, он начинает собираться и уходит: «– *Егор нахмурился и внимательно посмотрел на четверть. Бабка взяла её и унесла в прихожую комнату. Егор посидел ещё немного и встал*» [Там же].

Таким образом, смысловой доминантой КД в рассказе В.М. Шукшина становятся сельские жители, их характеристика и взаимоотношения. Образы героев В.М. Шукшина воплощают такие качества русского крестьянина, как *коллективность, семейственность, гостеприимство, хлебосольство, щедрость, привязанность к родной земле, трудолюбие*. Но есть и негативные качества: *недоверчивость, пьянство, необразованность*. Также В.М. Шукшин противопоставляет город и деревню, показывает увеличивающийся разрыв между ними и одновременно между поколениями деревенских жителей.

Повесть В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой»

Исторический слой КД в «Прощании с Матёрой» затрагивает дореволюционную историю деревни: «*Мало кто помнил, когда Богодул впервые появился в Матёре – теперь уж казалось, что он околачивался здесь всегда, что за грехи или ещё за что достался он деревне в подарочек ещё от тех, прежних людей, полным строем ушедших на покой*» [Распутин, 2024, с. 235]; «*…самовар – большой, купеческий, старой работы…*» [Распутин, 2024, с. 224].

Старое время воспринимается жителями Матёры как спокойное по сравнению с настоящим: «*Сто-то годов назад в спокое, поди-ка, жили*» [Распутин, 2024, с. 344]. Следы его ещё сохранились в некоторых постройках, вещах или легендах Матёры. Кроме того, в историческом слое отражена Великая Отечественная война: «*…был он у Дарьи теперь старшим, а по порядку вторым сыном, первого прибрала война. И ещё одного сына лишилась она в войну…*» [Распутин, 2024, с. 255]. В повести, пусть и вскользь, но показано, какой разрушительный след оставила в истории Матёры война, как много деревенских

жителей погибло. В историю отходит уже и колхозный период Матёры: «*И посеяно было нынче многое меньше против прошлых колхозных лет...*» [Распутин, 2024, с. 363]. Его сменяет более современная эпоха, эпоха техники и модернизации: «...без **техники**, без самой **большой техники** ничего нынче не сделать и никуда не уехать» [Распутин, 2024, с. 295]; «но обещают и **воду на дом. Что и говорить** – жизнь настала **облегчённая**. Пришёл с работы, умылся и можешь полёживать, в потолок поплёживать, **никаких забот, никаких переживаний...**» [там же]; «...она как вошла в **дом** – в **квартиру** теперь надо говорить, не в **дом**...» [Распутин, 2024, с. 296]. И в этой эпохе уже нет места таким *деревням*, как Матёра. Но Матёра – это деревня со своей историей, которая вписана в историю всей страны.

Актуальный слой КД

1. В повести В.Г. Распутина *образное поле* КД неразрывно связано с природой острова, описание которой насыщено различными перцептивными образами. Рассмотрим их более подробно:

1) звуковые образы. Остров наполнен различными звуками. Часто они даются в восприятии Хозяина острова, маленького зверька. Причём среди них есть как обычные, так и едва уловимые звуки, слышимые только Хозяину: «*Это были верхние, податливые слуху звуки, звуки Ангары, услышав, распознав которые, можно было услышать и звуки острова: тяжкий, натужный скрип старой лиственницы на поскотине и там же глухое топтанье пасущихся коров, сочную, сливающуюся в одно звенья жвачки, а в деревне – непрестанное шевеление* всего, что живёт на улице, – куриц, собак, скотины. Но и эти звуки были для Хозяина громкими и грубыми, с особенным удовольствием и особенным чутьём **прислушивался** он к тому, что происходит в земле и возле земли: **шороху мыши, выбирающейся на охоту, притаённой возне пичуги, <...>, слабым замирающим ихам качнувшейся ветки, <...>, дыханию взрастающей травы** [Распутин, 2024, с. 263–264]; «*Там бродили коровы, и тонко бренчало, как булькало, на шее одной из них ботало*» [Распутин, 2024, с. 250]; «*Где-то за спиной на большой Ангаре прокричал пароход...*» [Распутин, 2024, с. 253].

Когда на остров приезжают городские жители, чтобы помочь убрать урожай

и подготовить Матёру к затоплению, гармония звуков нарушается, остров наполняется громкими, неприятными, резкими звуками: «*Кудахтанье и визг раздавались каждый день*» [Распутин, 2024, с. 365]; «...совохозные коровы, оставшиеся от колхоза, носились по острову с *дурным рёвом...*» [там же]; «*Заржали опять кони, пригнанные с Подмоги, зазвучали по утрам, перекликаясь, голоса работников, застучало-забренчало* покосное снаряжение» [Распутин, 2024, с. 307]. Потом, ближе к затоплению, какофония сменяется странной, глухой тишиной: «*Стояла глухая, сплошная тишина: не плескала вода, не доносило привычного шума с переката на недалёком верхнем изломе Ангары, не булькала одиноким случайным чмоком со сна рыба, не возникало, не пробивалось нигде длинного и мерного, в другую пору доступного чуткому уху, поигрывающего посвиста течения, молчала земля – всё кругом казалось заполнено мягкой, непроницаемой плотью*» [Распутин, 2024, с. 437];

2) обонятельные образы. С одной стороны, Матёра наполнена приятными деревенскими запахами, связанными с природой, с домом, с уютом: «*Пахнет травами, пахнет лесом, отдельно с листом и отдельно с иголкой, каждый кустик веет своим дыханием; пахнет деревом постройки, пахнет скотиной, жильём, навозной кучей за стайкой, огуречной ботвой, старым углём от кузницы – из всего дождь вымыл и взнял розные терпкие запахи, всему дал свободный дых*» [Распутин, 2024, с. 329]; «*И сильнее, приятней запахло за столом самоварным духом, душистей показался чай, который пили теперь уже все...*» [Распутин, 2024, с. 317]. Запах становится словно бы дыханием всего, что есть на Матёре. Но есть и другая сторона запахов, противоположная, связанная с уничтожением деревни: «*Сильнее запахло гарью...*» [Распутин, 2024, с. 288]; «...вставал **сильный сухой запах запустения и гнили**» [Распутин, 2024, с. 267]; «*От неё исходил тот особенный, едва уловимый одним Хозяином, износный и горклый запах конечной судьбы, в котором нельзя было ошибиться*» [Распутин, 2024, с. 266]. Это запах гари, запах чего-то горклого, который проходит лейтмотивом через всё произведение, символизируя собой конец Матёры;

3) визуальные образы. «*Покойно, недвижно лежала Матёра: темнели леса,*

водянисто серебрилась по земле молодая трава, большими расплывчатыми пятнами чернела деревня, где ничто не стучало и не бренчало, но словно бы подготовлялось к стуку и бряку» [Распутин, 2024, с. 264];

4) тактильные образы. Образы, связанные с ощущениями, строятся на антитезе тепла и сырости. Тепло, сухость олицетворяют собой дом, обжитое пространство, а сырость – запустение, надвигающуюся воду, которая затопит деревню: «*Спасаясь от сырости, топили печи*» [Распутин, 2024, с. 326]. Мотив влажности и сырости с самого начала проходит через всю повесть, а к финалу только усиливается: «...в окне стоял мглистый и сырой, как под водой, непроглядный свет...» [Распутин, 2024, с. 422]; «*В разбитую стеклину наплескивало сыростью*» [Распутин, 2024, с. 443];

5) синкетические перцептивные образы. Во многих описаниях в повести соединяются различные перцептивные компоненты: «*В нетопленой избе было тепло срединным, ровно достаточным теплом, когда не жарко и не прохладно – неощутимо вовсе, как во сне; устало и нудно звенели в окнах и бились о стёкла мухи; пахло кисловатым от ведёрного чугуна с пойлом...*» [Распутин, 2024, с. 240] (ощущения, звуки, запах). Такая синестезия подчёркивает единство всей деревни, которая представлена как единый живой организм.

Кроме этого, в повести можно выявить множество образов, в которых Матёра предстаёт как живое существо: «*Вот так худо-бедно и жила “деревня”, держась своего места на яру у левого берега, встречая и провожая годы, как воду...*» [Распутин, 2024, с 216]; «*Спала Матёра-“деревня”*» [Распутин, 2024, с 267]; «*И тихо, без единого огонька и звука, как оставленная всеми без исключения, лежала, чуть маяча последними избёнками, горестная Матёра*» [Распутин, 2024, с 397]; «*Вот и не стало Матёры – царствие ей небесное...*» [Распутин, 2024, с. 426]. Название деревни сближается словами матёра (то есть ‘опытная, знающая’) и мать, что тоже помогает создать образ живого существа. При этом Матёра действительно выступает по отношению к жителям как мать, которая кормит их, заботится о них, является родной, поэтому одушевлённой в повести предстаёт не только Матёра, но и избы, деревья и вся природа вокруг. В таком анимизме

(древней вере в то, что природа является одушевлённой) проявляется мифологизм произведения.

2. *Понятийное поле* КД эксплицировано такими лексемами, как *деревня*, *деревенька*, *деревенский*, *посёлок*, *поселенье* и т.д., а также топонимами *Матёра*, *Подмога*, *Подволочная*. Слова *деревня* и *Матёра* являются одними из самых частотных в произведении. При этом следует отметить, что *Матёра* выступает одновременно и названием деревни, и названием острова, на котором она расположена. В понятийном поле КД в повести реализуются следующие семы:

- 1) ‘населённый пункт небольшого размера’: «Редкий человек не обрадовался этой счастливой возможности пожить-побыть под конец в родной деревеньке...» [Распутин, 2024, с. 307];
- 2) ‘находится вдали от города’ – На Матёру надо плыть на катере, она отрезана от большой земли: «Там, на **большой земле**, и вниманье на нас будет **большое**» [Распутин, 2024, с. 338];
- 3) ‘находится в окружении природы’: «В другое окно виден был **левый рукав Ангары**, его искрящееся, жаркое на солнце **течение и берег** на той стороне, разубранный по луговине **берёзой** и **черёмухой**, уже запылавшей от цвета» [Распутин, 2024, с. 226];
- 4) ‘населённый пункт, где живут крестьяне’: «Пока это временная пластинка, там, в музее, будет другая: “**Изба крестьянина из Матёры Петрухи Зотова...**”» [Распутин, 2024, с. 260];
- 5) ‘населённый пункт, где занимаются сельским хозяйством, в том числе земледелием’: «Как всегда, **посеяли хлеба** – да не на всех полях: за рекой **пашню** не трогали, а только здесь, на острову, где поближе» [Распутин, 2024, с. 213];
- 6) ‘деревня – это что-то противоположное городу’: «*А квартиры, хвастают, красивые, стены в цветочках-лепесточках, на кухне, что в городе, не русская печь с дровами да углем, а электрическая плита с переключателями...*» [Распутин, 2024, с. 257]; «*В городе* тем хорошо, кому город хороши, а кого **матушка-“деревня”** взрастила да до старости довела – сиди уж, не рыпайся» [Распутин, 2024, с. 297];
- 7) ‘деревенское население’: «*А бывало, вся “деревня”* запрягала коней и ехала

сюда по горячему солнцу на праздник...» [Распутин, 2024, с. 251];

8) ‘место, где живут нецивилизованные, некультурные и необразованные люди, в отличие от городских жителей’: «*Старик, который выдавал себя за поляка, любил русский мат, и, видно, кто-то из приезжих грамотных людей, послушав его, сказал в сердцах: богохул, а деревенские то ли не разобрали, то ли нарочно подвернули язык и переделали в богодула*» [Распутин, 2024, с. 215].

С другой стороны, многие жители Матёры уже владеют грамотой: «...*Сима была вся чистенькая, аккуратная, знала немного грамоте...*» [Распутин, 2024, с. 218]. Кроме того, В.Г. Распутин подчёркивает развитое духовное начало в жителях Матёры и противопоставляет их городским жителям, которые этой духовности (даже при наличии грамотности) лишены;

9) ‘имеет свой уклад жизни и свои особенности’: «*Курятник, лавки, топчан, ещё один стол, русская печка, подполье, двери оставались. Много чего оставалось в амбара, во дворе, в завозне, погребе, стайках, на сеновале, в сенях, на полатях – и всё такое, что перешло ещё от отцов и дедов, что позарез нужно было каждую минуту здесь и что там сразу оказывалось без надобности. Ухваты, сковородник, квашня, мутовки, чугуны, туеса, кринки, ушаты, кадки, лагуны, щипцы, кросна...*» [Распутин, 2024, с. 273];

10) ‘населённый пункт, в котором нет церкви’. Эта сема выступает в «Прощании с Матёй» как устаревшая, потому что в Матёре, наоборот, есть церковь, хоть она уже и не действует (в чём отражаются советские реалии, когда церкви в «деревнях» уничтожали или использовали в качестве помещений для чего-то другого): «*Была в деревне своя церквишка, как и положено, на высоком чистом месте, хорошо видная издали с той и другой протоки; церквишку эту в колхозную пору приспособили под склад*» [Распутин, 2024, с. 216].

Таким образом, в понятийном поле КД в повести представлены почти все основные когнитивно-семантические признаки, однако два из них поменяли своё «наполнение»: церковь уже не является отличительной чертой только села, а жителей деревни нельзя назвать некультурными и необразованными (данная сема сохраняется как стереотип). Отсутствует сема ‘раньше деревни принадлежали

помещикам, в них жили крепостные и были поместьи усадьбы', что объясняется региональной спецификой (Матёра – сибирская деревня, поэтому она не знала крепостного права).

4. В *интерпретационном поле* КД ярко фиксируется положительная оценка деревни. Жизнь в деревне связана с благодатью, покоем и миром: «Жары на острове, посреди воды, не бывает; по вечерам, когда затихал ветерок и от нагретой земли исходило тёплое парение, такая наступала кругом **благодать**, такой **покой и мир**...» [Распутин, 2024, с. 220]. В.Г. Распутин описывает Матёру как райский уголок, в котором есть всё необходимое для счастливой жизни. Она противопоставлена городу,циальному суетой, шумом и разорвавшему связь с традициями и памятью о прошлом.

В повести представлена также символическая составляющая КД. Деревня в произведении «Прощание с Матёй» является символом традиций, духовных и нравственных ценностей, моральной чистоты, связи с прошлым и сохранения памяти о своих корнях. Но В.Г. Распутин показывает, что всё это вместе с Матёй и её жителями-стариками уходит в прошлое. Матёра становится символом исчезновения русских деревень под натиском урбанизации и развития цивилизации.

5. В *ценностном поле* КД наглядно представлены традиционные ценности и качества русского человека:

1) *любовь к природе* – жители Матёры очень бережно и с большим почтением относятся к природе. Например, о «царском листвене» говорится: «*Не в столь ещё давние времена по большим тёплым праздникам, в Пасху и Троицу, задабривали его угощением, которое горкой складывали у корня и которое потом собаки же, конечно, и подбирали, но считалось: надо, не то листвень может обидеться. Подати эти при новой жизни постепенно прекратились, но почтение и страх к наглавному, державному дереву у старых людей по-прежнему оставались*» [Распутин, 2024, с. 398]. Такое отношение противопоставляется потребительскому и утилитарному отношению к деревне со стороны городских жителей, которые готовы затопить Матёру и многие другие деревни ради строительства ГЭС;

2) *коллективность, общинность, соборность*. Это главные нравственные характеристики жителей Матёры. Они вместе трудятся, вместе собираются за чаем и разговорами, многие до последнего вместе остаются на острове: «*По вечерам, перед тем как упасть в постель, выходили на улицу и собирались, вместе – полянка не полянка, посиделки не посиделки, но вместе, помня, что не много остаётся таких вечеров, и забывая об усталости*» [Распутин, 2024, с. 311]. Идея общинности, соборности пронизывает всё произведение. Она выражается не только в единстве матёринцев между собой, но и в их единстве с Матёй, с природой, в единстве и слаженности, царящих в самой природе (весь остров живёт как единый организм). В этой всеобщем единстве проявляется сходство описания деревни у В.Г. Распутина с деревней в рассказе И.А. Бунина;

3) *семья*: «*Для себя из всей деревни насмелились косить два дома: Кошкины или Коткины, которые своей большой дружной семьёй намахали на корову шутя...*» [Распутин, 2024, с. 357]. Семья и родственные отношения имеют большое значение для обитателей Матёры. Оторванность от своих корней, неспособность создать семью вызывают неодобрение и служат отрицательной характеристикой персонажа. Так, о беспутном и легкомысленном Петрухе автор пишет: «*Под сорок человеку, а всё продуриться не хочет, всё как мальчишка: ни семьи (два раза каким-то чудом привозил из-за реки баб, но та и другая на первом же месяце летом улётывали от него через Ангару), ни рук, способных к работе, ни головы, способной к жизни. Всё трын-трава*» [Распутин, 2024, с. 301–302];

4) *упорядоченность жизни*: «...вот и нарушился порядок Матёры, с одного края деревня оголилась, и теперь этот край беззащитен» [Распутин, 2024, с. 288]. После того как на Матёре начинают поджигать дома и вывозить из них вещи, на острове нарушается издавна заведённый порядок, привычный ход жизни;

5) *гостеприимство* – жители Матёры постоянно собираются для совместных чаепитий и разговоров: «*В обед собирались опять возле самовара – три старухи, парнишка и Богодул*», «*Так, с поночёвщиками, с Симой и мальчишкой, стали держать*» [Распутин, 2024, с. 410]. Старуха Дарья пускает к себе ночевать Симу, когда у той сгорает изба: «*садятся вместе уже и не вдвоём, а вчетвером, как в*

том *теремке...*» [Распутин, 2024, с. 369];

6) *трудолюбие*: «*Но ещё сумела, всплеснулась жизнь на Матёре – когда начался сенокос*» [Распутин, 2024, с. 307]; «*И вроде подобрел, повеселел дед за работой*, хотя только что помирал, *стал помахивать руками, покрикивать, распоряжаться*» [Распутин, 2024, с. 308]; «*И работали с радостью, со страстью*, каких давно не испытывали. *Махали литовками так, словно хотели показать, кто лучшие знает дело*, которое здесь же, вместе с этой землёй, придётся навеки оставить» [Распутин, 2024, с. 308–309];

7) *Родина, родная земля*: «*И тихо, покойно лежал остров, тем паче родная, самой судьбой назначенная земля*, что имела она чёткие границы, сразу за которыми начиналась уже не твердь, а течь» [Распутин, 2024, с. 250]; «– привязчив человек, имевший свой дом и *родину*, он как привязчив!» [там же]; «*Жалко Матёру, и мне тоже жалко, она нам родная...*» [Распутин, 2024, с. 322];

8) *дом* – жители Матёры относятся к своим избам как к живым существам, прибирают их и провожают в последний путь, словно человека: «*А как можно отдать на смерть родную избу*, из которой выносили отца и мать, деда и бабку, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь, отказав ей в том же обряженье?» [Распутин, 2024, с. 406]. И наоборот, городские жители или люди, которые не чувствуют своих корней, как, например, Петруха, с лёгкостью поджигают избы;

9) *память о предках*: «*Надо – значит, надо, но, вспоминая, какая будет затоплена земля, самая лучшая, веками ухоженная и удобренная дедами и прадедами и вскормившая не одно поколение*, недоверчиво и тревожно замирало сердце: *а не слишком ли дорогая цена?*» [Распутин, 2024, с. 293]. Матёра для её жителей – это земля предков, место, где похоронены бабушки и дедушки, матери и отцы, поэтому затопить Матёру – это значит разорвать связь поколений, лишиться своих корней;

10) *вера в Бога*: «*Дарья крестилась на образ, прося у Господа прощения за всё, что сказал и скажет старик, и торопилась ставить самовар*» [Распутин, 2024, с. 238]. «*Прости, Господь милостивый, прости меня грешную, –*

перекрестилась она в дверь, мимо Андрея» [Распутин, 2024, с. 348]. Вера в Бога играет большую роль в жизни Дарьи, а всё происходящее с Матёрой она воспринимает как конец света, отход от Бога;

11) нравственность (совесть, справедливость, праведность): «*Раньше совесть сильно различали. Если кто норовил без её, сразу заметно, все друг у дружки на виду жили*» [Распутин, 2024, с. 244]. Старуха Дарья очень праведная, поэтому и потерю современным поколением связи со своим прошлым она воспринимает как потерю совести и других духовно-нравственных качеств.

Даже «антиценности», которые отмечаются в повести (*пьянство, разрыв семейных связей, отсутствие связи с родной землёй, с домом, с традициями, отсутствие порядка в жизни*) и воплощением которых является Петруха, служат «подкреплением» тех качеств, благодаря которым и существует Россия – связь с семьёй, с родной землёй и с историческими корнями.

Рассказ В.И. Белова «Лейкоз»

Актуальный слой КД

1. К образному полю КД можно отнести следующие перцептивные образы:

1) звуковые образы: «*Но Геля и сама не знала, отчего корова второй день мычит*»; «*Затем она издала призывный и мощный мык, огласив тихую зимнюю окрестность*»; «*Крупная серая ворона, сидя на коле около Валентиновой бани, картаво и резко каркала на всю округу. Орала нечередом, к погоде, что ли?*» [Белов, 1996, с. 485–486];

2) визуальные образы: «*Засинели рассветные окна, Марья испуганно вздрогнула, прояснила свои мысли и поглядела вниз*»; «*Дым уходил белым столбом, погода сворачивала на мороз*»; «*Всего две трубы дымили в небесную синеву*» [Белов, 1996, с. 497–498];

3) тактильные образы: «*Туляков похлопал от холода нога о ногу...*» [Белов, 1996, с. 490]; «*Дым уходил белым столбом, погода сворачивала на мороз*» [Белов, 1996, с. 498].

Однако таких образов в рассказе немного: в основном они связаны с зимним временем года (холод, мороз, дым из труб) или с деревенскими животными

(мычание коров). Природа не является в произведении смысловой доминантой, автор делает акцент на диалогах персонажей, на их взаимоотношениях и характерах.

2. *Понятийное поле* КД объективируется с помощью лексемы *деревня* и включает в себя следующие значения:

1) ‘населённый пункт, где занимаются сельским хозяйством, в том числе земледелием’: «*Сквозь кольцо, заделанное в ноздри быка, была продёрнута верёвка, и на всю её длину доярка подпустила быка к Звёздке*»; «—*Мы, батюшка, пахали и на коровах, и на быках!*» [Белов, 1996, с. 487, 492];

2) ‘«деревня – это что-то противоположное городу’’: «—*Ну так и пусть там, в городах-то, заместо хлеба глину жуют!*», «*Вся Москва завалена привозными харчами. Собчаку и Лужкову наше вологодское масло не требуется, подавай им галанское*» [Белов, 1996, с. 492]. Город противопоставляется деревне как более сытое место, куда привозят иностранные товары. Кроме того, многие негативные явления – это явления, пришедшие из городской цивилизации (лейкоз, СПИД, алкоголизм, телевизор; например, «*Вся беда от вина да от телевизора*» [Белов, 1996, с. 497]);

3) ‘деревенское население’: «*Примерно через час вся компания, кроме Гели, сидела в избе у Смирновых. За Марыным самоваром много народа могло уместиться!*» [Белов, 1996, с. 490];

4) ‘место, где живут нецивилизованные, некультурные и необразованные люди, в отличие от городских жителей’ – среди жителей деревни менее образованным представлено старшее поколение. Это отражается в их речи, которая не соответствует литературной норме («—*А куды нацяльники-то глядят?* – спросила Марья» [Белов, 1996, с. 494]), и в меньшем понимании происходящего. Так, например, старуха Киюшка спрашивает у ветеринара Тулякова: «—*А пошто нонече коровы-ти стали заразные?*» [Там же], так как считает его «учёным». Также деревенские жители произносят с ошибками некоторые слова, связанные с городской жизнью и современными реалиями («тилифон»);

5) ‘имеет свой уклад жизни и свои особенности’: «*Марья поспешино*

выбралась в *сени*. Корова в *хлеву* поминутно трубила на всю деревню», «Затем корову привязали к *яельной стойке*»; «Иди в *избу*-то да полезай на *печь*» [Белов, 1996, с. 484, 486]. В произведении встречается различная «деревенская» лексика, связанная с организацией пространства в деревне и с её бытом.

Такие семьи, как ‘деревня – населённый пункт небольшого размера’, ‘находится вдали от города’, ‘находится в окружении природы’, ‘населённый пункт, где живут крестьяне’, ‘населённый пункт, в котором нет церкви’, ‘раньше деревни принадлежали помещикам, в них жили крепостные и были помещичьи усадьбы’, в рассказе отсутствуют.

3. Оценочная лексика как маркер интерпретационного поля КД в произведении практически не встречается. Можно отметить только то, что жизнь в деревне оценивается как нелёгкая: «– *Мы, батюшка, пахали и на коровах, и на быках! Да и на себе бывало...* Помню, *тащим борону-то на лямках в гору, волочем да хохочем! Иная и заревит...*» [Белов, 1996, с. 492].

4. Ценностное поле КД в рассказе В.И. Белова представляет собой антиномию, обусловленную сложными социальными процессами конца XX века, и представлено следующими компонентами:

1) *коллективность, общинность*. Несмотря на существенные перемены в жизни общества и упадок деревни, в ней по-прежнему сохраняется общность, жители собираются вместе, помогают друг другу: «*Корову общими силами без верёвки повели к скотному двору*» [Белов, 1996, с. 486]. Но всё же коллективное начало уже ослабевает, жители не стремятся с большой охотой приходить на помощь: например, ветеринар Туляков несколько раз обещает отпилить рог корове, но не делает этого;

2) *гостеприимство, хлебосольство, щедрость*: «*Примерно через час вся компания, кроме Гели, сидела в избе у Смирновых. За Марьиным самоваром много народу могло уместиться!*», «*Марья усадила старика на почётное место рядом с ветеринаром*» [Белов, 1996, с. 490–491];

3) *труд* (хотя эта ценность относится, скорее, к прошлому деревни): «*Помню, тащим борону-то на лямках в гору, волочем да хохочем!*» [Белов, 1996, с. 492]. В

современной автору деревне персонажи почти не трудятся, наоборот, они всячески избегают труда (например, ветеринар Туляков всё время пьёт вместо того, чтобы работать);

4) *пьянство* (один из множества пороков деревни 1990-х гг.): «— *Какой он, к лешему, ветеринар? Одно у него на уме, вино пить*», «*Ты погледи-ко, ведь все спились. Жорут и жорут! Нонче пьют не одне мужики, а зырят и бабы. Да чево говорить, быки и те лейкоголики!*», «*Вся беда от вина да от телевизора*» [Белов, 1996, с. 483, 495, 497]. Пьянство изображается как болезнь всего общества: неслучайно жители деревни совмещают слово *алкоголик* и название болезни *лейкоз* в одном — *лейкоголик* («лейкозными» называют не только коров, но и политиков, которые выступают по телевизору). Такой контаминацией народ по-своему осмысливает перемены, происходящие в обществе, и алкоголизм для героев становится способом бегства от непонятной и безрадостной реальности;

5) *отказ от традиционных аксиологем* — нарушается упорядоченность жизни, её лад и гармония, а ценности переворачиваются с ног на голову. То, что раньше было ценным, теперь не стоит ничего, и наоборот: «*Молоко в цивилизованном обществе стало дешевле солярки! Кирпич из глины дороже хлебной буханки!*»; «*А то вот ещё начали деньги считать везде! В круговую — одне деньги, одне деньги...*»; «*У девок-то уже и стыда нет, иные и зимой ходят без юбок*» [Белов, 1996, с. 492, 495, 497]. Новые ценности непонятны деревенским жителям, поэтому они чувствуют растерянность и воспринимают происходящее как конец света: «*Истинно близко миру конец, заматерела бесовская власть, растеклась по грешной земле, во все стороны, и конца ей не видно*» [Белов, 1996, с. 497];

6) *нивелирование деревенской культуры*, от которой в рассказе остаются только скабрёзные анекдоты и частушки — фольклорные жанры, которые демонстрируют «непосредственную реакцию на внешнюю бытовую действительность (“на злобу дня”)» [Тубалова, 2007]. Использование таких литературных приемов говорит о попытке В.И. Белова и героев осмыслить перемены, которые происходили с русской деревней на очередном сломе эпох — в

1990-е гг. XX века.

В этой связи особую аксиологическую значимость приобретает *исторический слой КД*. Так, герои произведения вспоминают сталинскую эпоху, время коллективизации и создания колхозов: «*Она у вас наверняка юбилейная, ей шестьдесят пять годиков, не меньше. Меня ещё не было, а она молоко государству давала. Помнишь, Марья, какие рекорды ставили?*», «*Доярок в те поры ухажёрками звали*», «*У каждой коровы был паспорт, записана вся родословная, от кого родилась, от какого быка, помнишь? И у коней тоже паспорта были*», «*Товарищ Сталин выписал паспорта всем коровам. У каждой лошади, у каждой коровы был паспорт, на колхозников у него не хватило бланков*» [Белов, 1996, с. 491]. Это время воспринимается как время рекордов, эпохой, когда, в отличие от времени, описываемого В.И. Беловым (1990-е гг.), животные в деревне ценились очень высоко (при этом колхозникам паспорта не выдавали, поскольку на первый план выходило общее дело, коллективный труд ради светлого будущего).

Следующий этап в истории деревни, о котором упоминают герои, – это война. Отмечается, что в это время советская деревня потеряла много мужчин, была буквально «обескровлена»: «*Мужиков к тому времю осталось мало... Всех на войне перебили, а иные по городам*», «*А за что ваши мужики на войне сгинули? Штобы вы на себе пахали? Сталин вас ведь и за людей не считал*» [Белов, 1996, с. 492–493]. А далее отражён процесс 1960–1970-х гг., когда многие маленькие деревни в СССР объединяли или ликвидировали: «*Потом, значит, объявили деревню бесперспективной...*» [Белов, 1996, с. 492], из-за чего количество деревень резко уменьшилось и началось их постепенное обнищание и разрушение. Новый же этап в жизни русской деревни, который начался в 90-е гг., на самом деле является её концом: «*А у вас в деревне колхозный период кончен! Вступаем в новую фазу...*» [Белов, 1996, с. 489, 493]. Мы видим, как в деревне закрываются колхозы, она беднеет и сталкивается с оттоком населения в города: «*А может, оттого, что в деревне осталось четыре дома. Всего две трубы дымили в небесную синеву*» [Белов, 1996, с. 498], в результате в деревне уже не остаётся деревенского уклада, быта и культуры, что, вероятно, и стало основой актуализации

взаимоисключающих признаковых характеристик деревни в XXI веке (см. результаты САЭ).

Трансформация структурно-семасиологической организации КД

С целью наглядной презентации процесса изменения содержания КД в XX веке был составлен график (см. Рисунок 10), где по оси абсцисс представлены временные периоды (1900-е, 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1990-е годы), каждому из которых соответствует одно из пяти репрезентативных произведений; по оси ординат отражается степень выраженности определенных структурных компонентов КД. Каждый структурный элемент визуализируется отдельным цветом, что позволяет с помощью высоты столбцов чётко продемонстрировать различия в акцентах построения КД в разные исторические периоды.

Для обеспечения научной обоснованности и операциональности сравнения параметров КД в настоящем исследовании проведена количественная оценка его пяти основных компонентов (исторический слой и образное, понятийное, интерпретационное, ценностное поле актуального слоя). Оценивание проводилось с учётом объёма соответствующих фрагментов, степени детализации и значимости элемента для раскрытия основной темы произведения путём применения следующей шкалы (0–5 баллов): 0 баллов – данный компонент в произведении практически не отражён или полностью отсутствует; 1 балл – встречается лишь эпизодически либо реализован крайне фрагментарно; 2 балла – имеется небольшое количество соответствующих описаний, компонент не является структурообразующим; 3 балла – компонент последовательно раскрывается, занимает заметное место в тексте и оказывает существенное влияние на раскрытие темы; 4 балла – элемент является важной частью произведения, отличается подробностью и охватывает весь текст; 5 баллов – компонент составляет центральное содержание произведения, представлен максимально полно и глубоко, играет ведущую роль в формировании авторской рефлексии КД.

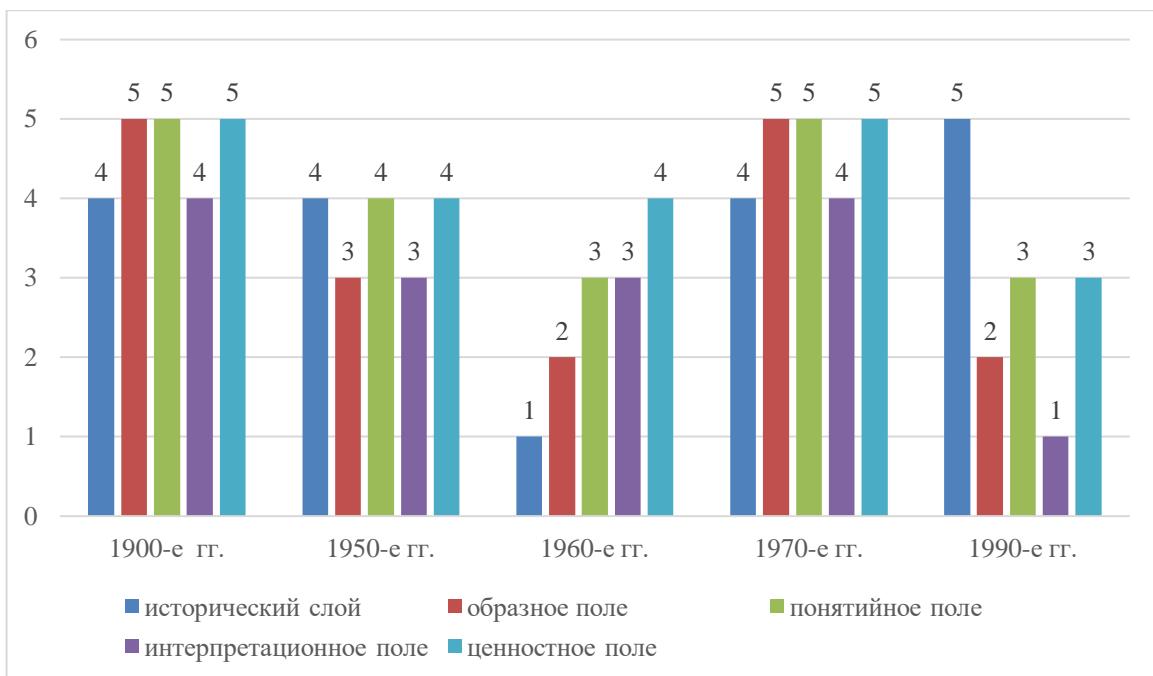

Рисунок 10 – Трансформация структурно-семасиологической организации КД в XX веке

Сравнительный анализ графических данных позволяет выделить следующие закономерности:

Исторический слой КД

В 1990-е и 1950-е годы данный компонент характеризуется высокой значимостью, поскольку произведения этих периодов акцентируют внимание на исторических трансформациях, разрушении и воссоздании социальных структур, а также на осмыслиении значимых исторических событий (коллективизация, война, реформы). Для начала XX века и 1970-х годов характерна рефлексия истории через призму ностальгии, индивидуальных воспоминаний или коллективной памяти, в то время как в 1960-е годы акцент смещается на современность, и исторический аспект теряет ведущую роль.

Актуальный слой КД

Образное поле КД

В произведениях начала XX века и 1970-х годов данный компонент получает наивысшие оценки, что свидетельствует о стремлении авторов этих периодов посредством утончённого природного описания и мультисенсорных образов формировать поэтическую картину деревни. Подобные произведения создают

высокохудожественные и эмоционально насыщенные образы деревенской жизни, вызывая у читателя глубокий отклик. К 1950-м годам образное поле сохраняет заметное присутствие, однако становится более функциональным, а художественная образность упрощается. В 1960-е и 1990-е годы наблюдается снижение значимости данного элемента, что говорит о тенденции к сокращению поэтических описаний деревни и усилении внимания к социальным проблемам и реалиям.

Понятийное поле КД

За исключением небольшого снижения в 1960-е и 1990-е годы, данный компонент на протяжении всего столетия демонстрирует высокие показатели, что отражает устойчивость понятийного каркаса ‘деревни’ как географического, социального и культурного пространства в структуре текстов. Особенно ярко понятийное поле проявлено в 1970-е годы, где автор осуществляет глубокое осмысление сущности, содержания и границ деревенского мира.

Интерпретационное поле КД.

В 1900-х и 1970-х годах этот компонент занимает важное место, что указывает на выраженную тенденцию к эстетизации, идеализации либо критической оценке деревенской действительности. В 1950-е и 1960-е годы интерпретационные черты преимущественно выражаются через социальные функции, государственные идеалы или отражение реальных трудностей, а личностная оценка и эмоциональная окрашенность ослабевают. В 1990-е годы наблюдается снижение этого компонента, что связано с доминированием мотивов утраты, критики и ощущения бессилия перед разрушением традиционного уклада.

Ценностное поле КД

Наиболее отчётливое проявление этого компонента характерно для начала XX века и 1970-х годов: традиционные ценности общины, семьи, природы и порядка получают глубокое и комплексное отражение, служа опорой в условиях социальных перемен. В 1950-е годы акцент переносится на коллективизм и трудовые ценности, что соответствует идеологическим установкам эпохи. В 1960-е годы сохраняется определённая значимость этого компонента, однако уже

наблюдается тенденция к трансформации системы ценностей. В 1990-е годы ценностный уровень снижается, что свидетельствует о кризисе традиционных основ и разложении деревенского мировоззрения в условиях модернизации.

Можно утверждать, что представленная на материале деревенской прозы XX века динамика компонентного состава КД не только демонстрирует «наполненность» и специфику его лексической репрезентации, но и отражает эволюцию социальных, художественных и аксиологических ориентиров эпохи.

Выводы по главе 3

Результаты проведённого эмпирического анализа позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Российский литературный процесс XX века – это сложное и неоднородное явление, в контексте которого *деревенская проза* занимает особое место. Значимость данного художественного направления обусловлена самим социальным статусом русской деревни, которая в течение многих веков была воплощением и общественного устройства России, и традиционных ценностей русского народа и «маркером» основных исторических событий эпохи. Деревенская проза, ставшая образцом художественного языка XX века, во многом сформировала русское языковое сознание, русскую ЯКМ и российскую лингвокультуру в целом.

2. Компаративный анализ языкового материала всех исследованных текстов подтверждает объективацию КД как особого, целостного художественного мира, ядро которого формируют лексические единицы, номинирующие природное окружение и повседневный быт. Очевидное преобладание КТГ «Мир деревни» и входящих в неё ПГ («Деревенская природа», «Деревенский быт», «Организация пространства в деревне») свидетельствует о фундаментальной связи деревенского существования с землёй, естественным циклом жизни и традиционным укладом.

3. Вместе с тем, при наличии общих структурных элементов КД и совпадающих лексических доминант, каждое из проанализированных

произведений отличается уникальной авторской рефлексией КД, проявляющейся в различном удельном весе КТГ (и ПГ) и их когнитивно-семантической признакомости. Идиомаркеры текстов каждого из авторов (связанные с усадебным миром и природой у И.А. Бунина, с новыми колхозными реалиями у В.В. Овечкина, с переосмыслением родственных связей у В.М. Шукшина, с трагедией утраты малой родины у В.Г. Распутина, с общесоциальным кризисом у В.И. Белова) отражают различные грани осмыслиения феномена деревни.

4. На протяжении XX века происходит существенная трансформация содержательного наполнения КД и перераспределение акцентов в его художественной репрезентации, что напрямую связано с историческими и социальными трансформациями в России. От поэтизации в начале века уходящей помещичьей идиллии и описания деревни как «организма», гармонично сочетающего крестьянский и дворянский мир (И.А. Бунин), фокус экспликации КД смещается к изображению деревни как экономической и социальной основы общества в советский период, где первостепенное значение приобретает семантика труда и модернизации (В.В. Овечкин), далее – к смыслообозначению изменений субъектно-социального взаимодействия с актуализацией семантики возраста (В.М. Шукшин), а в поздний период – к фиксации в КД семантических признаков кризиса, упадка и утраты духовных связей (В.Г. Распутин, В.И. Белов).

5. Лингвокультурологический анализ структурно-семасиологической организации КД в произведениях российских писателей XX века показал, что соотношение и наполнение его ключевых элементов – исторического слоя, образного, понятийного, интерпретационного и ценностного полей актуального слоя – напрямую зависит от социально-исторического контекста эпохи. Так, в начале века доминирует поэтическая образность, тесно связанная с традиционными ценностями и гармонией с природой, в то время как в последующие десятилетия наблюдается лексическое изменение понятийного и интерпретационного полей актуального слоя и расширение (отчасти) исторического слоя, обусловленное сменой социальной парадигмы. К концу столетия КД теряет целостность, всё более наполняется семантикой кризиса и утраты аксиологем русской культуры.

6. На основании сопоставления способов объективации КД в литературных текстах различных периодов XX века можно заключить, что трансформация КД отражает не только художественные предпочтения и идеологические установки авторов, но и более глубинные сдвиги в российском национальном самосознании. Постепенный отход от традиционной деревенской картины мира в сторону образов утраты, разобщённости и переосмыслиния ценностей свидетельствует о сложном процессе адаптации российского общества к новым историческим реалиям и преобразованием нравственно-культурных ориентиров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование, посвящённое осмыслиению динамики содержания КД в национальном сознании русского народа и его репрезентации в художественной прозе XX века, представляет собой комплексный лингвокультурологический анализ структурно-семасиологической организации КД как значимого компонента русской ЯКМ, результаты которого позволили охарактеризовать феномен русской деревни не только как географический или административный объект, сколько как сложный культурный конструкт, насыщенный историческим, социальным, психологическим и символическим содержанием.

В методологическом отношении работа базируется на синтезе различных лингвистических подходов (концептуальный, контекстуальный, семантико-дефиниционный, деривационный, этимологический анализ, ассоциативный эксперимент и др.), тогда как общий лингвокультурологический ракурс описания показал, что КД представляет собой не только понятийную, но и ценностную, образную, интерпретационную структуру, отражающую миропонимание, когнитивные и нравственные установки российского социума, что в совокупности дало основание для разработки целостной модели КД, разноаспектной характеристизации его многослойной структуры и описания изменений в разные исторические периоды.

В процессе лингвистической реконструкции КД, которая осуществлялась на материале различных лексикографических ресурсов, фиксирующих вербализацию КД, были выделены структурные составляющие КД: внутренняя форма, исторический слой, актуальный слой (сочетающий понятийное, образное, интерпретационное и ценностное поле), где по отношению к каждому компоненту можно разграничить ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферия. Установлено, что ядро концепта формируется устойчивыми лексемами и базовыми представлениями, отражающими сельский уклад, природную среду, трудовую деятельность; на периферии располагаются более абстрактные, исторически и

ситуативно обусловленные значения, а также оценочные и эмоциональные компоненты. Так, этимолого-деривационный анализ обнаружил, что многие лексемы, связанные с деревенской тематикой (*колхоз, совхоз, изба, околица, гумно, ферма* и т.д.) не только несут конкретно-бытовое значение, но и являются носителями глубокой культурно-исторической памяти: данные лексемы являются собой языковые репрезентации истории, образа жизни и традиций русской деревни, которые накапливались и формировались веками, тем самым воплощают коллективный опыт. Семантико-дефиниционный анализ выявил многоуровневую когнитивную структуру концепта, объединяющую материальные, социальные и идеальные характеристики. КД воспринимается не просто как населённый пункт, а как пространство, насыщенное смыслом и социально-культурными связями. Параметрические компоненты – географическая локализация, размер, расположение, численность жителей – взаимодействуют с непараметрическими – чувствами, отношениями, принадлежностью, традициями, особенностями быта и труда. что подчёркивает полноту и глубину данного КД: он является и пространственной, и ментальной категорией – то есть одновременно конкретной и символической. Морфолого-сintаксический анализ подтверждает разнообразие вербальных форм, используемых для объектной актуализации КД. Адъективные и глагольные конструкции в сочетании с существительными формируют богатый лексико-фразеологический фонд, позволяющий детализировать описание деревенской жизни: такие конструкты, как *большая родная деревня, жить в деревне, работать на колхозе* создают образный языковой слой, который позволяет передавать как объективные характеристики, так и эмоциональное восприятие деревни; фразеологизированные и прецедентные выражения усиливают культурную значимость и представляют традиционные для российского народа ментальные модели.

Особое значение в работе уделено диахроническому описанию ассоциативного поля концепта. Если сформировавшееся в 70-е годы ядро ассоциаций включало фундаментальные компоненты – географические и топонимические наименования, занимающие центральное место в коллективном

ментальном пространстве, а ближняя и дальняя периферия ассоциативного поля содержали более подвижные, ситуативные характеристики – описания жителей, социально-экономический статус, исторические особенности, виды деятельности, определенные эмоциональные характеристики и культурно-исторические оценки, то актуальное состояние КД в рефлексии современного россиянина демонстрирует совершенно иное восприятие. Было установлено, что в хронологической перспективе ядро ассоциативного поля смещается от социокультурной антитезы (‘город – деревня’) к природоцентричным и ностальгическим образам (*коровы, природа, тишина, огород*). При этом сохраняется двойственность: наряду с мелиоративными ассоциациями фиксируются и негативные – разруха, бедность, малочисленность, отсутствие достижений цивилизации. В совокупности это свидетельствует как о сложности и противоречивости восприятия деревенской реальности, так и многослойности КД и его значении для носителей русского языка.

Дальнейшее компаративное исследование специфики экспликации КД в произведениях ведущих мастеров русской деревенской прозы XX века (на разных его этапах) позволило проследить многогранную динамику осмысления феномена деревни через призму их творческого почерка. Было выявлено, что на рубеже XIX–XX веков (И.А. Бунин) образ деревни – это элегия ушедшей эпохи, символ утраченного гармоничного мира: деревня предстаёт пространством живописных усадеб, садов, природа становится важнейшим элементом сюжета и символом утраты и красоты, а лексический кластер, богатый образными единицами, задаёт тональность трепетного восприятия и чувственного проникновения в историческую память.

По мере развития советской литературы акцент смещается на труд, индустриализацию, колLECTИВИзМ: В.В. Овчинин с присущей ему документальной точностью и журналистской наблюдательностью раскрывает реальные сцены сельской жизни, фиксируя трансформацию советской деревни и отражая культурные и социальные изменения. Его проза представляет ценный этнографический материал, подчёркивающий важность сохранения традиций в

современных ему условиях, при этом широкий лексический пласт объективирует переосмысление социальной роли деревни – механизацию и хозяйственную деятельность. В.М. Шукшин позиционирует деревню как ареал человеческих судеб, социальных конфликтов и повседневных радостей и трагедий. Его язык – живой, разговорный, иногда резкий – максимально передаёт психологическую атмосферу и внутренний мир персонажей, добавляя социальной остроты образу деревни, расширяя тем самым ценностное поле КД.

В произведениях второй половины и конца XX века меняется интерпретационное поле КД, где актуализируются уже мотивы кризиса, распада, духовной дезориентации. В.Г. Распутин создаёт в своих произведениях объёмный и реалистичный портрет сибирской деревни: его тексты насыщены конкретными описаниями природы, быта, труда и социальных отношений, которые делают устоявшийся жизненный уклад неотъемлемой частью образа деревни; топонимы, диалектизмы, просторечные слова способствуют чувственному и культурному погружению в деревенский мир. Для В.И. Белова деревня становится метафорой забвения, разрыва поколений и окончания эпохи: преобладают лексемы с семантикой старости, угасания, одиночества, наполняя КД драматическими когнитивными смыслами. Однако принципиально важным для моделирования структуры КД является сохранение на протяжении всего XX века его ценностного ядра – коллективизм, родовые связи, трудолюбие, гостеприимство, что свидетельствует о сопротивлении российской традиционной культуры новым, «модернизационным» вызовам.

Квалификативный и квантитативный анализ КТГ (и их ПГ), а также выявление лексических доминант каждого из произведений показал вариативность и идиоспецифичность авторской рефлексии КД, что, конечно, обусловлено и региональной принадлежностью, и историко-социальными причинами (как правило, это представлено в историческом слое КД – от дореволюционной периода до постсоветского), и собственно видением писателя (неодинаковая лексическая экспликация образных, интерпретационных и ценностных полей КД), однако «добавление» индивидуальных семантических и стилистических оттенков

значений лексем-репрезентантов делает КД более богатым и разнообразным.

Можно утверждать, что связь деревни с природой (как наиболее выраженная) является ключевым компонентом КД как в когнитивном, так и в эмоциональном измерениях: леса, луга, воздух, тишина – не просто природные объекты, а символические пространства спасения, умиротворения, родины и детства. Образ деревни как тихого райского уголка, где человек может восстановить связь с природой и самим собой, становится мощным ментальным якорем и источником культурной самоидентификации. Социальная перспектива КД представлена в его отношениях с деревенскими жителями, их бытом, трудом, культурой и традициями: частотные лексемы (*жители, труженики, семья, улица, праздник*) создают представление о деревне как системе живых социальных связей, охватывающей все сферы жизни, тем самым КД включается в сложную систему культурно-социальных значений, отражающих коллективную этническую память и моральные ценности. Наиболее же значимым оказывается тот факт, что во всех текстах актуальный слой КД сохраняет сему ‘деревня есть культурный код и символ национальной идентичности русского народа’.

Таким образом, концепт ‘Деревня’ выступает как когнитивный и языковой артефакт, связующий язык, мышление и культуру в целостную систему: он играет роль носителя знания, символа и регулятора поведения, функционирует как ключевая единица ментального лексикона, интегрирующая индивидуальное и коллективное сознание, а процесс его вербализации в сознании носителей и prose XX века – это уникальное отражение сложного, динамичного и глубоко символического мира русской деревни, ее прошлого, настоящего и будущего.

Концепт ‘Деревня’ продолжает оставаться живым и актуальным символом русского национального сознания, носителем культурных традиций и духовных ценностей, обеспечивая преемственность и целостность лингвокультурного универсума русского народа, и осмысление трансформации данного концепта помогает понять, как меняется языковая и аксиологическая картина мира российского общества.

Перспективы будущих исследований включают междисциплинарный анализ КД с применением современных нейролингвистических методик и использованием ИИ для обработки эмпирических данных, а также в плоскости транскультурных сравнений, что не только позволит расширить научное понимание лингвокультурной обусловленности современных социальных норм, но и будет способствовать сохранению национального культурного наследия в условиях глобальных вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научная и учебно-методическая литература

1. Акимов, В.М. Что же такое «деревенская проза»? / В.М. Акимов // Нева. – 1982. – № 1. – С. 152–159.
2. Актуальные проблемы лингвокультурологии: сборник обзоров и рефератов / Ред. И.Л. Галинская. – Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2011. – 138 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/22469> (дата обращения: 01.03.2024).
3. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта, 2020. – 288 с.
4. Ансимова, О.К. Лингвокультура и её отражение в словарях : монография / О.К. Ансимова. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2014. – 215 с.
5. Антология концептов. Т. 1 / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 352 с.
6. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 1 / Ю.Д. Апресян. – Москва: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
7. Арсеньева, Е.Н. Репрезентация концепта «деревня» в чувашском языке / Е.Н. Арсеньева // Богатство финно-угорских народов. – 2017. – С. 20–22.
8. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: ментальные действия : сб. статей / Под ред. Н.К. Рябцевой. – Москва : Наука, 1993. – 176 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
10. Архарова, А.В. Лексико-фразеологическая объективация концепта «провинция» в русском и английском языках : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Архарова Анастасия Викторовна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2008. – 238 с.

11. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 82–95.
12. Бабаева, Е.В. Отражение ценностей культуры в языке / Е.В. Бабаева // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж : ВГТУ, 2002. – С. 25–34.
13. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : ВорГУ, 2001. – С. 52–57.
14. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Бабушкин Анатолий Павлович ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 1998. – 41 с.
15. Багдасарян, О.Ю. «Деревня» как «творческий хронотоп» современной прозы («Южнорусское Овчарово» Л. Белоиван) / О.Ю. Багдасарян // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2020. – № 1. – С. 161–172.
16. Бараков, В.Н. От «деревенской прозы» к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров) / В.Н. Бараков // Наследие Ю.И. Селезнёва и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Мат. II Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар : Новация, 2015. – С. 51–53.
17. Бердинских, В. Русь крестьянская. Зримый мир русской деревни / В. Бердинских. – Москва : Ломоносовъ, 2020. – 264 с.
18. Боженкова, Н.А. Верbalная экспликация концептуальной области «растения» в русскоязычной политической коммуникации / Н.А. Боженкова, Юй Е // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 41–53.
19. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

20. Большакова, А.Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Большакова Алла Юрьевна ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2002. – 49 с.
21. Бондар, Н.В. Село як базовий концепт української ментальності у мовопросторах братів Тютюнників : специальность 10.02.01 «Українська мова» : дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Бондар Наталія Василівна. – Полтава – Запоріжжя, 2018. – 224 с.
22. Бурмистрова, Т.А. Ассоциативно-вербальный потенциал лексемы «деревня»: лексикографическая кодификация и текстовые реализации / Т.А. Бурмистрова // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 5 (61). – С. 192–195.
23. Бурмистрова, Т.А. Лексическая оппозиция «Город-“деревня”»: лексикографический аспект / Т.А. Бурмистрова // МИРС. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-opozitsiya-gorod-derevnya-lexikograficheskiy-aspekt> (дата обращения: 17.03.2024).
24. Бурмистрова, Т.А. Сопоставительное описание ключевых лексем-репрезентантов концептов «Город» и «деревня» (по данным толковых словарей русского и китайского языков) / Т.А. Бурмистрова // МНКО. – 2020. – № 3 (82). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-opisanie-klyuchevyh-lexem-reprezentantov-kontseptov-gorod-i-derevnya-po-dannym-tolkovyh-slovarey-russkogo-i-kitayskogo> (дата обращения: 17.03.2024).
25. Бутенко, Е.Ю. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / Е.Ю. Бутенко. – Москва : Финансовый университет, 2015. – 172 с.
26. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 200 с.
27. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
28. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. – Москва :

Русские словари, 1997. – 416 с.

29. Витанова, М. Город и село во фразеологии и диалектах болгарского языка / М. Витанова // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – № 8–2. – С. 194–217.

30. Воднева, М.Г. Национальная и индивидуально-авторская концептуализация понятия «город» в русской языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Воднева Марина Геннадьевна; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2011. – 244 с.

31. Воркачёв, С.Г. *Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта* : монография / С.Г. Воркачёв. – Москва : Флинта, 2015. – 169 с.

32. Воркачёв, С.Г. *Воплощение смысла: conceptualia selecta* : монография / С.Г. Воркачёв. – Волгоград : Парадигма, 2014. – 331 с.

33. Воркачёв, С.Г. *Лингвокультурный концепт: типология и области бытования* / Под общ. ред. С.Г. Воркачёва. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 400 с.

34. Воркачёв, С.Г. *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании* / С.Г. Воркачёв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

35. Воркачёв, С.Г. *Наполнение концептосферы* / С.Г. Воркачёв // *Лингвокультурный концепт: типология и области бытования* : монография. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 8–93.

36. Воробьёв, В.В. *Лингвокультурология (теория и методы)* : монография / В.В. Воробьёв. – Москва : Издательство РУДН, 1997. – 331 с.

37. Ворошкевич, Д.В. *Пособие по лингвокультурологическому анализу текста : учебное пособие* / Д.В. Ворошкевич, Д.П. Казанникова. – Москва : Московский государственный педагогический университет, 2016. – 40 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/70013.html> (дата обращения: 02.03.2024).

38. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. Е.М. Ковалёв. – Москва : Аспект-Пресс, 1996. – 411 с.

39. Голубков, М.М. Русская литература XX века : учебное пособие для вузов / М.М. Голубков. – Москва : Юрайт, 2024. – 238 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/537531> (дата обращения: 12.05.2024).
40. Голубков, М.М. Научные принципы периодизации русской литературы XX века / М.М. Голубков // Мир русскоговорящих стран. – 2019. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-printsipy-periodizatsii-russkoj-literatury-hh-veka> (дата обращения: 12.05.2024).
41. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – Москва ; Харьков : Ра-Каравелла, 2001. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38> (дата обращения: 01.04.2024).
42. Грищенкова, Т.Ф. Проблема русского национального характера в творчестве В.Г. Распутина : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Грищенкова Татьяна Фёдоровна ; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2004. – 22 с.
43. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – Москва : Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
44. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкоznанию / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 2000. – 400 с.
45. Гумерова, А.Т. Когнитивная и лингвокультурологическая организация концепта / А.Т. Гумерова // Молодой учёный. – 2010. – № 7 (18). – С. 153–155. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/18/1856/> (дата обращения: 27.01.2024).
46. Данилова, Л.В. Крестьянская ментальность и община / Л.В. Данилова, В.П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы междунар. науч. конф. – Москва : РОССПЭН, 1996. – С. 22–39.
47. Демьянков, В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике / В.З. Демьянков // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. трудов / Ред. Е.С. Кубрякова. – Москва ; Калуга : ИП Кошелев А.Б., 2007. – С. 26–33.
48. Дронсейка, Р.П. Концептуально-языковое пространство русской деревни

в лирике Сергея Есенина / Р.П. Дронсейка // Язык. Словесность. Культура. – 2015. – № 6. – С. 10–35.

49. Дронсейка, Р.П. Языковая личность С. Есенина сквозь призму концептуального пространства русской деревни / Р.П. Дронсейка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (11). – С. 51–53.

50. Дудина, А.Н. Концепт «провинция» и феномен провинциальности в русской лингвокультуре / А.Н. Дудина // Zražská rusistika. – 2014. – С. 133–144.

51. Евсюкова, Т.В. Лингвокультурология : учебник / Т.В. Евсюкова, Е.Ю. Бутенко. – Москва : Флинта, 2014. – 480 с.

52. Есмурзаева Ж.Б. Психологические особенности сельских жителей // Сибирский психологический журнал. 2009. № 30. С. 105–106.

53. Жиндеева, Е.А. «Деревенская проза» в русской литературе / Е.А. Жиндеева // История русской литературы XX века (советский период). – Саранск : Мордовский педагогический институт, 2014. – С. 134–157.

54. Зализняк, А.А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 696 с.

55. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике : учебник / Е.И. Зиновьева. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. – 182 с.

56. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – Санкт-Петербург : МИРС, 2009. – 291 с.

57. Зусман, В.Г. Концепт в культурологическом аспекте / В.Г. Зусман. – Нижний Новгород : Деком, 2001. – 41 с.

58. Иванова, И.Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? / И.Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6–1 (24). – С. 88–94.

59. Икитян, Л.Н. Культурные «универсумы» деревенской прозы: контексты понимания / Л.Н. Икитян, Л.А. Звилинская // Культура и цивилизация. – 2016. – № 2. – С. 262–271.

60. Иная ментальность : монография / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачёва, Я.В. Зубкова [и др.]. – Москва : Гнозис, 2005. – 352 с.
61. Исаева, Л.А. Лингвоконцептология текста: базовые понятия и методические основы / Л.А. Исаева, С.Г. Буданова // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2012. – № 1(44). – С. 63–66.
62. Казачкова, Т.В. «Чудики» – любимые герои В.М. Шукшина / Т.В. Казачкова // Культура провинции: сб. научн. ст. – Курган: КГУ, 2010. – С. 43–45.
63. Карасик, В.И. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В.И. Карасик. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. – 209 с.
64. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. трудов. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.
65. Карасик, В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / В.И. Карасик // Социолингвистика вчера и сегодня. – 2004. – № 2004. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 30.03.2024).
66. Карасик, В.И. Маршруты лингвокультурологии: концепты, сценарии, типажи, сюжеты / В.И. Карасик // Филологические чтения: материалы конференции. – Ярославль, 2023. – С. 61–71.
67. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – С. 3–16.
68. Карасик, В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 1999. – 195 с.
69. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2013. – 318 с.
70. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.

71. Карасик, В.И. Лингвоконцептология : учебное пособие / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2014. – 104 с.
72. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сборник научных трудов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 75–80.
73. Караулов, Н.Ю. Основы лингвокультурного тезауруса русского языка / Н.Ю. Караулов // Русское слово в русском мире: сб. ст. – Москва, 2000. – С. 244–296.
74. Караулов, Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. – Москва : Изд-во ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
75. Катермина, В.В. Имя собственное как носитель национально-культурной информации / В.В. Катермина // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 4. – С. 166–174.
76. Катермина, В.В. Концепт «мода» в русской языковой картине мира / В.В. Катермина, М.И. Грушевая // Вестник марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18. – № 2(54). – С. 240–250.
77. Катермина, В.В. Лингвостилистические особенности вербализации концепта «любовь» в романе Анны Бернс «Молочник» как представителе современного англоязычного художественного дискурса / В.В. Катермина, М.В. Балаева // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2023. – № 1(118). – С. 16–25.
78. Катермина, В.В. Образность в фразеологизмах и её связь с языковой картиной мира / В.В. Катермина // Проблемы лингвистической семантики и pragmatики языковых единиц разных уровней. Доклады Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой. – 2023. – С. 397–403.
79. Кирьянова, О.И. Журнальные образы женщин и социальные ценности в СССР послевоенного десятилетия / О.И. Кирьянова // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2007. – № 3 (8). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalnye-obrazy-zhenschin-i-sotsialnye-tsennosti-v-sssr-poslevoennogo-desyatiletija-1> (дата обращения: 21.07.2024).

80. Ковтун, Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии: монография / Н.В. Ковтун. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отд. РАН, 2009. – 491 с.
81. Ковтун, Н.В. Русская традиционалистская проза ХХ–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты : учебное пособие / Н.В. Ковтун. – Москва : Флинта : Наука, 2017. – 600 с.
82. Колесов, В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / В.В. Колесов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2014. – 1120 с.
83. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
84. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – Санкт-Петербург : ЮНА, 2002. – 444 с.
85. Колесов, В.В. Язык и ментальность. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
86. Комарова, З.И. О соотношении фитонимических концептов в языковой и научной картине мира / З.И. Комарова, Г.Н. Плотникова // Проблемы языковой концептуализации и категоризации мира. – Екатеринбург, 2006. – С. 70–86.
87. Коновалова, Т.А. Метафора как когнитивно-дискурсивное средство репрезентации образа современной России в архитектурной картине мира / Т.А. Коновалова, А.Д. Зейферт // Политическая лингвистика. – 2018. – №. 1. – С. 158–166.
88. Кононова, И.В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации / И.В. Кононова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 49–61. – Режим доступа: <http://publications.hse.ru/articles/74023877> (дата обращения: 01.04.2024).
89. Константинов, А.В. Картина мира / А.В. Константинов // Большая российская энциклопедия, 2023. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/kartina-mira-7ad88d> (дата обращения: 20.07.2024)
90. Королёва, С.Ю. Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970–90-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации

на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Королёва Светлана Юрьевна ; Пермский государственный университет. – Пермь, 2006. – 21 с.

91. Короткова, Н.В. Оформление двух моделей концепта «Провинция» в русской литературе XVIII века (на материале прозы А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина) / Н.В. Короткова // МИРС. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/oformlenie-dvuh-modeley-kontsepta-provintsiya-v-russkoy-literature-xviii-veka-na-materiale-prozy-a-n-radischeva-i-n-m-karamzina> (дата обращения: 25.03.2024).

92. Короткова, Н.В. Формирование и развитие концепта «провинция» в русской лингвокультуре XVIII века : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Короткова Наталья Владимировна ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2012. – 195 с.

93. Короткова, Н.В. Формирование и развитие концепта «провинция» в русской лингвокультуре XVIII века : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Короткова Наталья Владимировна ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2012. – 22 с.

94. Коурова, О.И. История становления новой научной дисциплины – лингвокультурологии / О.И. Коурова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2018. – № 1 (37). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-novoy-nauchnoy-distsipliny-lingvokulturologii> (дата обращения: 30.03.2024).

95. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.

96. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.

97. Крикливец, Е.В. Постижение сущности национального характера в русской и белорусской «деревенской прозе» / Е.В. Крикливец // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце: мат. II Рэспубл. научн.-практ.

конф. – Витебск : Витеб. гос. ун-т, 2015. – С. 198–201.

98. Крылова, М.Н. Современная художественная литература о деревне: географический аспект / М.Н. Крылова // *Studia Humanitatis*. – 2022. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt> (дата обращения: 24.07.2024).

99. Кубрякова, Е.С. Языковая картина мира как особый способ презентации образа мира в сознании человека / Е.С. Кубрякова // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева*. – 2003. – № 4 (38). – С. 2–12.

100. Кузнецова, А.В. Концепт города: код культуры и нарратив / А.В. Кузнецова, И.А. Петрулевич // *Вестник АГУ*. – 2018. – № 4 (229). – С. 212–219.

101. Кузнецова, Е.Г. Концепт «провинция» в художественной системе Ф.М. Достоевского / Е.Г. Кузнецова // Учёные записки Казанского государственного университета. – 2007. – Т. 149. – Кн. 2. – С. 283–292.

102. Куссе, Х. Культуроцентрическая лингвистика / Х. Куссе. – Москва : Гнозис, 2022. – 536 с.

103. Латышев, О.Ю. Типологические особенности и межнациональные связи русской «деревенской» прозы 1960-х годов : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Латышев Олег Юрьевич ; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2000. – 22 с.

104. Лингвоконцептология: межвузовский научный сборник. Вып. 1 / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2008. – 226 с.

105. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография / Под ред. С.Г. Воркачёва. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 399 с.

106. Литвинова, Л.А. Номинативное поле как предмет лингвистического описания (на материале концепта «деревня» в русском языке) / Л.А. Литвинова // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – Челябинск. – 2012. – № 6. – С. 229–242.

107. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Известия РАН. Серия лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–10.
108. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
109. Лотман, Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Труды по знаковым системам. Учёные записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1971. – С. 144–167.
110. Маркова, Е.М. Билингвальное этимологическое гнездо в лингвистическом и лингводидактическом аспектах / Е.М. Маркова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2024. – Т. 46. – № 3. – С. 76–82.
111. Маркова, Е.М. Внутренняя форма общеславянского слова: когнитивный, креативный, лингвокультурный, лингводидактический аспекты / Е.М. Маркова // Рациональное и эмоциональное в языке и речи : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 20–21 ноября 2015 г.). – Москва : МГОУ, 2015. – С. 312–318.
112. Маркова, Е.М. Компрессия языковой формы в современной русской речи / Е.М. Маркова // Русистика. – 2024. – Т. 22. – № 3. – С. 375–391.
113. Маркова, Е.М. Сопоставление лексических ядер чешского и словацкого языков методом параметрического анализа словаря / Е.М. Маркова, И.А. Меркулова // Вопросы лексикографии. – 2023. – № 27. – С. 69–85.
114. Маркова, Е.М. Языковая объективация эталонов в межславянском диалоге языков и культур / Е.М. Маркова // Язык и ментальность в диахронии: материалы I Всероссийского научного семинара с международным участием (Владимир–Сузdalь, 26–28 сентября 2017 г.). – Владимир : Транзит-ИКС, 2017. – С. 423–429.
115. Мартазанов, А.М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мартазанов Арсамак Магомедович ; Санкт-

Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2007. – 30 с.

116. Маслова, В.А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / В.А. Маслова. – Москва : Юрайт, 2024. – 208 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/540160> (дата обращения: 29.03.2024).

117. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В.А. Маслова. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.

118. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

119. Маслова, В.А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация / В.А. Маслова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2011. – № 2–1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-i-tsennosti-soderzhanie-ponyatiy-yazykovaya-reprezentatsiya> (дата обращения: 30.03.2024).

120. Маслова, В.А. Концепты разных типов и пути их реконструкции / В.А. Маслова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. – Москва ; Архангельск, 2013. – Вып. 6. – С. 160–169.

121. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

122. Маслова, В.А. Принципы и приёмы исследования концептов / В.А. Маслова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-i-priemy-issledovaniya-kontseptov> (дата обращения: 30.03.2024).

123. Матюшина, Н.В. Основные положения отечественных школ концептологии в актуальных исследованиях / Н.В. Матюшина // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-polozheniya-otechestvennyh-shkol-kontseptologii-v-aktualnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 27.01.2024).

124. Махнанова, И.А. Образ деревни: сравнительно-философский аспект (на примере произведений И.А. Бунина, Б.Г. Пантелеймонова, В.П. Астафьева) / И.А. Махнанова // Материалы Международной научно-практической конференции (Омск, 29–30 ноября 2011 г.). – Омск : Издательство Омского государственного университета, 2012. – 156 с.
125. Мелихов, С.В. Характеристика автора как фактор презентации концептов «город» и «деревня» / С.В. Мелихов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 13. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-avtora-kak-faktor-prezentatsii-kontseptov-gorod-i-derevnya> (дата обращения: 25.03.2024).
126. Михайлов, О.Н. Жизнь Бунина: лишь слову жизнь дана... / О.Н. Михайлов. – Москва : Центрполиграф, 2001. – 420 с.
127. Насрутдинова, Л.Х. «Новый реализм» в русской прозе 1980–90-х годов: концепция человека и мира : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Насрутдинова Лилия Харисовна. – Казань, 1999. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/novyi-realizm-v-russkoi-proze-1980-90-kh-godov-kontseptsiya-cheloveka-i-mira> (дата обращения: 01.04.2024).
128. Недзвецкий, В.А. Русская «деревенская проза»: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В.А. Недзвецкий, В.В. Филиппов. – Москва : Изд-во МГУ, 2002. – 144 с.
129. Никифоров, Л.В. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды / Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова // Журнал исследований социальной политики. – Москва, 2007. – Т. 5. – № 2. – С. 179–200.
130. Никонова, Т.А. Бунинская традиция в «деревенской» прозе второй половины XX века / Т.А. Никонова // Филологос. – 2018. – № 39 (4). – С. 82–87.
131. Новожеева, И.В. Концепция человека в деревенской прозе 1960–1980-х годов (по произведениям В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук /

Новожеева Инна Вячеславовна ; Орловский государственный университет. – Орёл, 2007. – 22 с.

132. Новожеева, И.В. Маргинальный тип личности в деревенской прозе 1970-х годов (по произведениям В.М. Шукшина) / И.В. Новожеева // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 219–223.

133. Орлова, Н.В. Лингвокультурология : учебное пособие / Н.В. Орлова. – Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2014. – 168 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/59607.html> (дата обращения 12.03.2024).

134. Осадчая, О.А. Языковые средства репрезентации концепта «Дворянская усадьба» в русском языке: на материале произведений И.А. Бунина : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Осадчая Олеся Александровна ; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. – Калининград, 2014. – 200 с.

135. Парта, К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / К. Парта. – Томск : Томский государственный университет, 2004. – 204 с.

136. Петрова, Е.А. Концептуализация понятия «деревня» в газетном дискурсе 1950–1960-х гг.: вербально-когнитивные особенности объективации (на материале газет «Правда», «Труд», «Сельская жизнь») : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Перова Елена Анатольевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2018. – 243 с.

137. Пименова, М.В. Концепт «сердце»: образ, понятие, символ. Серия «Концептуальные исследования» / М.В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2007. – Вып. 9. – 500 с.

138. Пименова, М.В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) / М.В. Пименова // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 5. – С. 13–22.

139. Пименова, М.В. Концептосфера внутреннего мира человека / М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. – С. 28–42.

140. Пименова, М.В. Предисловие / М.В. Пименова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику. Серия «Концептуальные исследования». – Кемерово : Наука, 2004. – Вып. 4. – 207 с.
141. Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М.В. Пименова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – С. 127–131.
142. Пименова, М.В. Концептуальные исследования. Введение : учебное пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – Москва : Флинта, 2016. – 176 с.
143. Подкорытова, Т.И. Эволюция темы Руси-деревни от А. Солженицына («Матрёнин двор») до О. Богаева («Марьино поле») / Т.И. Подкорытова, А.В. Подворная // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (36). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-temy-rusi-derevni-ot-a-solzhenitsyna-matryonin-dvor-do-o-bogaeva-marino-pole> (дата обращения: 04.06.2024).
144. Пономарёва, Т.А. «Повесть об одной деревне» В. Белова в творческой эволюции писателя / Т.А. Пономарёва // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2008. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/povest-ob-odnoy-derevne-v-belova-v-tvorcheskoy-evolyutsii-pisatelya> (дата обращения: 07.07.2024).
145. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / З.Д. Попова. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2010. – 314 с.
146. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2001. – 189 с.
147. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
148. Попова, З.Д. Полевые структуры в системе языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1989. – 196 с.
149. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
150. Пронина, М.А. Образные смыслы концептов «город» и «деревня» в стихотворениях С.А. Есенина и их переводах на немецкий язык / М.А. Пронина //

Перевод, реклама и PR в современной коммуникации. – 2016. – № 1. – С. 108–115.

151. Пронина, М.А. Ценностные смыслы концептов «город» и «деревня» в русской и немецкой лингвокультурах / М.А. Пронина // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2016. – Т. 1. – С. 386–389.

152. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 176 с.

153. Пчёлкина, Н.А. Образ деревни в романах Н.И. Кочина «Девки» и П.И. Замойского «Лапти» в литературном и историческом контексте : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Пчёлкина Наталья Анатольевна ; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2016. – 22 с.

154. Разувалова, А.И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А.И. Разувалова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 612 с.

155. Распутин В.Г. Предисловие к «Словарю говоров русских старожилов Байкальской Сибири» / Г.В. Афанасьева-Медведева // Словарь говоров русских старожилов байкальской Сибири : в 20 т. – Иркутск, 2007. – С. 5–16.

156. Рассадина, Т.А. Традиционные ценности русской культуры / Т.А. Рассадина // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-russkoy-kultury> (дата обращения: 20.07.2024).

157. Сальникова, Я.В. Художественная картина мира в прозе В. Белова: пространственно-временные координаты : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Сальникова Яна Вячеславовна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2011. – 176 с.

158. Семёновская, А.Е. Концепт «провинция» в русской литературе XIX века: семантическое поле психологических и экзистенциальных состояний /

А.Е. Семёновская // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – №. 4 (228). – С. 101–109.

159. Сепир, Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва : Прогресс : Универс, 1993. – 656 с.

160. Скороспелова, Е.Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго») / Е.Б. Скороспелова. – Москва : Академия, 2003. – 420 с.

161. Слышкин, Г.Г. Ассоциативная модель лингвокультурного концепта / Г.Г. Слышкин // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Спец. вып. «Актуальные проблемы гуманитарных наук». – 2004. – № 1. – С. 158–163.

162. Слышкин, Г.Г. Концепт «реклама» в сознании носителей русского языка (на материале психолингвистических экспериментов) / Г.Г. Слышкин, Е.В. Белозёрова // Рекламный дискурс и рекламный текст // Москва, 2011 – 20 с.

163. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2004. – 323 с.

164. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт «Честь» / Г.Г. Слышкин // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. – Элиста, 2009. – 7 с.

165. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе : монография / Г.Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 128 с.

166. Соколова, Л.В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века: В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Соколова Лариса Васильевна ; Институт русской литературы. – Санкт-Петербург, 2005. – 379 с.

167. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю.С. Степанов. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

168. Стернин, И.А. Вопросы теории / И.А. Стернин // Язык и национальное

сознание. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 10. – 203 с.

169. Стернин, И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания : монография / И.А. Стернин. – Алматы : Казахский Университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана : Полилингва, 2018. – 200 с.

170. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 58–65.

171. Стернин, И.А. Некоторые актуальные проблемы современной концептологии / И.А. Стернин // Лингвоконцептология. Вып. 2. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 25–39.

172. Стернин, И.А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2017. – 34 с.

173. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – 1988. – С. 173–203.

174. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

175. Тимина, С.И. Современный литературный процесс (1990-е годы) / С.И. Тимина // Русская литература XX века. Школы, направления, методы творческой работы : учебник. – Санкт-Петербург : Logos, 2002. – С. 238–257.

176. Титов, А.М. Реквием по деревенской прозе / А.М. Титов // Литературная Россия. – 2017. – № 36. – Режим доступа: <http://litrossia.ru/item/10433-rekviem-po-derevenskoj-proze/> (дата обращения: 15.03.2024).

177. Тубалова, И.В. Текстовые модели народной аксиологии в анекдоте и частушке: к проблеме трансформации смеховой культуры / И.В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 298. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovye-modeli-narodnoy-aksiologii-v-anekdote-i-chastushke-k-probleme-transformatsii-smehovoy-kultury> (дата обращения: 22.07.2024).

178. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – Москва : Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.
179. Цветов, Г.А. Тема деревни в современной советской прозе / Г.А. Цветов. – Ленинград : Знание, 1985. – 32 с.
180. Чурилина, Л.Н. Концепт как объект лингвистического анализа: к вопросу о методе / Л.Н. Чурилина // Духовные истоки русской языковой картины мира: и тенденции её развития : коллективная монография. – Магнитогорск : Издательство Магнитогорского государственного университета, 2010. – 257 с.
181. Шмелёв, А.Д. Русская языковая модель мира (материалы к словарю) / А.Д. Шмелёв. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
182. Щурина, Ю.В. Бинарная оппозиция концептов «деревня»-город в языковом пространстве региона / Ю.В. Щурина, М.В. Вырупаева // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество. – 2021. – С. 238–242.
183. Юрьева, О.Ю. Категория соборности в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» / О.Ю. Юрьева // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-sobornosti-v-rasskaze-i-a-bunina-antonovskie-yablonki> (дата обращения: 04.06.2024).
184. Яковлев, А.А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет / А.А. Яковлев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 5–20.
185. Якушева, О.А. Типы крестьян в новой деревенской прозе / О.А. Якушева // Достижения вузовской науки. – 2013. – № 5. – С. 23–26.

2. Словари и энциклопедические источники

186. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов / З.Е. Александрова. – Москва : Русский язык, 2001. – 568 с.

187. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
188. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / Под ред. А.М. Прохорова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 592 с.
189. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Москва : Аст-Пресс Книга, 2005. – 864 с.
190. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1536 с.
191. Брокгауз, Ф.А. Малый энциклопедический словарь : в 4 т. / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза–Ефрана / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Москва : Терра, 1997. – 2172 с.
192. Бусел, В.Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови : ВТС: 170 000 / В.Т. Бусел. – Київ ; Ірпінь : Перун, 2004. – 1425 с.
193. Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка / Л.А. Введенская. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 544 с.
194. Гаврилова, А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка: 50 000 синонимов, 600 антонимических пар / А.С. Гаврилова. – Москва : Аделант, 2014. – 511 с.
195. Гаврилова, А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / А.С. Гаврилова. – Москва : Аделант, 2013. – 800 с.
196. Горбачевич, К.С. Русский синонимический словарь / К.С. Горбачевич. – Москва : Институт лингвистических исследований РАН, 1996. – 512 с.
197. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – Москва : Эксмо, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 382 с.
198. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – Москва : Рипол Классик, 2006. – 784 с.
199. «Деревня» // Лингвострановедческий словарь «Россия». Режим доступа: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title=%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0>

%B2%D0%BD%D1%8F/C1-C2 (дата обращения: 20.03.2024).

200. «Деревня» // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона. – Режим доступа: <https://rus-brokgaуз-efron.slovaronline.com/43089-%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D1%8F> (дата обращения: 03.03.2024).
201. Елистратов, В.С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990-х гг.: ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений / В.С. Елистратов. – Москва : Рус. слов., 2000. – 693 с.
202. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – 1084 с.
203. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1 : От стимула к реакции: Около 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]. – Москва : АСТ: Астрель, 2002. – 781 с.
204. Ковалёв, Д.В. «Неперспективные деревни» / Д.В. Ковалёв // Большая российская энциклопедия. – 2023. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/neperspektivnye-derevni-6c3ba9?ysclid=luwuhwr061549647131> (дата обращения: 20.07.2024).
205. Кожевников, А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка: речевые эквиваленты : в 2-х т. / А.Ю. Кожевников. – Санкт-Петербург : Нева, 2003. – 992 с.
206. Колесов, В.В. Словарь русской ментальности : в 2-х т / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. – 1792 с.
207. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина ; под общей ред. Е.С. Кубряковой. – Москва : МГУ, 1997. – 560 с.
208. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – Санкт-Петербург : Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
209. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Акад. наук Рос. Федерации. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; гл. ред. и сост.

А.Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, 2001. – 1595 с.

210. Лопатин, В.В. Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – Москва : Русский язык, 1998. – 831 с.

211. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка / М.Р. Львов. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 511 с.

212. Мокиенко, В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. – 700 с.

213. Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Норинт, 2003. – 603 с.

214. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с.

215. Морковкин, В.В. Большой универсальный словарь русского языка : около 30 000 наиболее употребительных слов / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. – Москва : Словари XXI века : АСТ-ПРЕСС, 2016. – 1452 с.

216. Николаев, П.А. Деревенская проза / П.А. Николаев // Словарь по литературоведению. – Режим доступа: <http://nature.web.ru/litera/4.5.html> (дата обращения: 02.02.2024).

217. Павлович, Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков : в 2 т. Т. 1 / Н.В. Павлович. – Москва : Эдиториал УРСС, 1999. – 848 с.

218. Павлович, Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков : в 2 т. Т. 2 / Н.В. Павлович. – Москва : Эдиториал УРСС, 1999. – 872 с.

219. Петрова, М.В. Словарь синонимов для школьников / М.В. Петрова. – Москва : Группа компаний «РИПОЛ классик», 2010. – 576 с.

220. Преображенский, А.Т. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А.Т. Преображенский. – Москва : Гос. изд-во национальных и иностранных словарей, 1959. – 1232 с.

221. Распутин, В.Г. // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. – Режим

доступа: <https://old.bigenc.ru/literature/text/5215801?ysclid=lz2ze2pkh7745611434> (дата обращения: 15.06.2024).

222. Руднёв, В.П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В.П. Руднёв. – Москва : Аграф, 1999, 1997. – 381 с.

223. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 2 т. / Под общей ред. акад. Н.Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник: ИРЯ РАН, 2000. – 2526 с.

224. Село // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана. – Режим доступа: <https://rus-brokgaуз-efron.slovaronline.com/43089-%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D1%8F> (дата обращения: 03.03.2024).

225. Семёнов, А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я» / А.В. Семёнов. – Режим доступа: <https://gupo.me/dict/semenov/%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%BE> (дата обращения: 03.03.2024).

226. Ситникова, А. Этимологический словарь русского языка / А. Ситникова. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/etymological/fc/slovar-196.htm#zag-1062> (дата обращения: 03.03.2024).

227. Славянская мифология : энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Толстая. – Москва : Международные отношения, 2002. – 512 с.

228. Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун и др. ; Под ред. А.А. Леонтьева ; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.

229. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Под ред. В.Н. Роговой. – Красноярск : Издательство Красноярского государственного университета, 1968. – 234 с.

230. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под ред. Н. Абрамова. – Москва : Русские словари, 1999. – 433 с.

231. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1981–1984. – 698 с.

232. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Астрель: АСТ, 2003. – 2592 с.
233. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. – Москва ; Ленинград : Академия наук, 1950–1966. – 81207 с.
234. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. – 876 с.
235. Солганик, Г.Я. Стилистический словарь публицистики: около 6000 слов и выражений / Г.Я. Солганик. – Москва : Русские словари, 1999. – 649 с.
236. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 4 т. / И.И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии наук, 1903. – 2838 с.
237. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва : Академический проект, 2001. – 992 с.
238. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – 696 с.
239. Тезаурус русского языка RuWordNet. – Режим доступа: <https://ruwordnet.ru/tu> (дата обращения: 20.03.2024).
240. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. / А.Н. Тихонов. – Москва : АСТ, 2008. – 864 с.
241. Тихонов, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – Москва : Русский язык – Медиа, 2007. – 334 с.
242. Ткаченко, А.А. Село / А.А. Ткаченко // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2023. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/selo-3bfed4/?v=7498012> (дата обращения: 03.03.2024).
243. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва : А ТЕМП, 2006. – 938 с.
244. Толковый словарь русского языка : ок. 700 слов. ст.: свыше 6000

значений / Под ред. Д.В. Дмитриева. – Москва : Астрель, 2003. – 782 с.

245. Успенский, Л.В. «Почему не иначе?»: этимологический словарь школьника / Л.В. Успенский. – Москва : Детская литература, 1967. – 460 с.

246. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.

247. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. – 4800 с.

248. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; Пер. с нем. – Москва : Прогресс, 1986. – 2386 с.

249. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – Москва : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

250. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / Под общей редакцией Т.А. Кильдебековой. – Санкт-Петербург : Политехника – сервис, 2011. – 662 с.

251. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – Москва : Русский язык, 1999. – 559 с.

252. Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – Москва : Дрофа, 2004. – 398 с.

253. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская ; Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – Москва : Просвещение, 1971. – 542 с.

254. Шапошникова, И.В. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. – Москва : Московский ин-т лингвистики, 2014. – 592 с.

255. Шарифуллин, Б.Я. Историко-лингвистический словарь трилогии А.М. Бондаренко «Государева вотчина» / Б.Я. Шарифуллин. – Красноярск : СФУ, 2007. – 264 с. URL: https://sovereign_patrimony.academic.ru/337/%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B1%

D1%8C?ysclid=ltx8bd29he64671428 (дата обращения: 20.03.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. – Текст : электронный.

256. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Н.Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2011. – 1175 с.

257. Этимологический словарь русского языка. Т. 1, вып. 5: Д, Е, Ж. / Авт.-сост. канд. филол. наук Н.С. Арапова, А.В. Боброва, Г.Л. Вечеслова [и др.] ; Под ред. Н.М. Шанского. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 304 с.

258. Яранцев, Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник / Р.И. Яранцев. – Москва : Русский язык – Медиа, 2006. – 896 с.

Приложение А**(обязательное)****Основные источники исследования**

1. Белов, В.И. Лейкоз // В кровном родстве (повести и рассказы). – Курган: Изд-во «Зауралье», 1996. – С. 483–498.
2. Бунин, И.А. Антоновские яблоки // Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 1. Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901). – Москва : Воскресенье, 2006. – С. 408–420.
3. Овечкин, В.В. Упрямый хутор // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. – Москва : Правда, 1986. – С. 103–130.
4. Распутин, В.Г. Прощание с Матёрой // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5. – Москва : Время, 2024. – С. 220–443.
5. Шукшин, В.М. Сельские жители // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3. – Издательство «Уральский рабочий», 1992. – С. 395–402.